

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(440)«1917 / 1941»:656.2

А. В. ГАЙДАМАКИН

Омский государственный
университет путей сообщения

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ

В статье рассматривается процесс формирования корпоративной культуры советских железнодорожников во второй половине 1930-х гг. На конкретно-историческом материале показаны противоречивый характер влияния партийно-государственных структур на этот процесс, роль вождей в создании атмосферы чрезвычайщины на железнодорожном транспорте, стиль, формы и методы их деятельности. Для современных реформаторов российских железных дорог были бы весьма ценны знания этого опыта, как позитивного, так и негативного. Однако этот опыт крайне слабо изучен, а по ряду направлений остается «белым пятном» отечественной историографии. В статье предпринята попытка хотя бы в малой степени исправить сложившуюся ситуацию.

Ключевые слова: корпоративная культура, социокультурные ценности, железнодорожный транспорт, бинарные структуры.

В современной России на крупных предприятиях, в учреждениях, акционерных обществах и объединениях все возрастающее значение приобретает корпоративная культура работников. Отсюда понятен интерес ученых, особенно гуманитариев, к научному определению этого феномена. Нет необходимости в данной статье приводить его многочисленные варианты. Их осмысление и содержание иссле-

дуемого материала позволяют представить это понятие как сложное социокультурное явление, включающее в себя общекультурные, профессионально-образовательные, морально-нравственные, этические нормы и ценности, учитывающие особенности и интересы корпорации, реализуемые ее работниками в процессе поведенческой, деятельностной и управленческой практики. В условиях рыночных

отношений корпоративная культура становится серьезным рычагом на пути к успеху. Пренебрежение вопросами корпоративной культуры, а тем более — их игнорирование, неминуемо отразится на имидже корпорации самым негативным образом, что приведет к падению рыночного спроса на ее продукцию и услуги. Не случайно вскоре после своего образования ОАО «Российские железные дороги» приняло корпоративный кодекс деловой этики.

В 2011 г. опубликованы обобщенные результаты совместных исследований отечественных и зарубежных ученых по проблемам корпоративной культуры [1]. Ученые выявили огромное влияние корпоративной культуры на человека, являясь при этом действенным механизмом его формирования. В этом контексте представляет несомненный интерес опыт формирования корпоративной культуры на железнодорожных предприятиях, накопленный на разных этапах российской истории. Между тем отечественной историографией этот опыт остается неосвоенным, особенно его реализация в непростые 1920-е — 1930-е гг. Учет его современными реформаторами железнодорожного транспорта был бы весьма полезен. Более того, игнорирование своеобразия ушедшей эпохи может привести к повторению не оправдавших себя мер по формированию корпоративной культуры. Учитывая масштабы, экономическое и социокультурное значение российских железных дорог, повторение тех «ошибок» может обернуться самыми тяжелыми последствиями. Полезнее было бы использовать те элементы корпоративной культуры железнодорожников 1920-х — 1930-х гг., которые помогали им в эти тяжелые годы выживать, учиться, расти профессионально, приобщаться не только к «классовой» культуре.

Заметим, что в изучаемые годы не было столь полного и четкого представления о корпоративной культуре, как в наши дни. Однако это не означает, что ею не занимались. Скорее наоборот, ею занимались полнее, настойчивее, жестче, чем в наше время. Это было связано, во-первых, с особенностями Советского государства, ставшего монопольным собственником железнодорожного транспорта со всей его инфраструктурой, в том числе и социокультурного характера (школами, больницами, библиотеками и т.д.). Во-вторых, с далеко не безразличным отношением партийно-государственных властных структур в центре и на местах к морально-нравственному, идейно-политическому, культурно-профессиональному облику работников транспорта. Организуя работу в этом направлении, партия видела в качестве своей главной цели большевизацию кадров — формирование у них преданности ВКП(б), ее вождям, идеям социализма, готовности идти до конца в борьбе за эти идеи. Идеи большевизации составили основу процесса формирования корпоративной культуры, советского патриотизма железнодорожников.

Важное методологическое значение для осмысления изучаемых проблем имеют теоретические положения Ю. М. Лотмана о влиянии бинарных и тернарных структур государства и общества на культурные изменения и процессы. Он пришел к выводу, что эти структуры по-разному реагируют на взрывы социального и культурного характера, которые являются неизбежным элементом «линейного динамического процесса». Если тернарные структуры сохраняют «определенные ценности предшествующего периода...», то «идеалом бинарных систем является полное уничтожение всего уже существующего как запятнанного неисправимыми пороками». В России,

считал Лотман, превалировали бинарные структуры, которые добивались своих целей любой ценой, любыми средствами. Давая столь жесткую характеристику бинарным структурам, он все же допускал, что даже в условиях их господства абсолютное уничтожение старого невозможно [2, с. 257].

Высказанные Ю. М. Лотманом идеи существенно обогащают характеристику социокультурных процессов, происходивших в 20-е — 30-е гг. XX столетия в нашей стране, углубляют представления о содержании советской культуры, расширяют возможности научного поиска особенностей формирования корпоративной культуры.

Советская история конца 20-х — 30-х гг. — цепь непрерывных взрывов в разных сферах жизни общества. XVII съезд ВКП(б) (январь-февраль 1934 г.), поддержав И. В. Сталина с его ГУЛАГовской системой, политикой насильственной коллективизации и сопровождавшим ее голодом, укрепил тем самым авторитарную власть вождя, усилил бинарные партийно-государственные структуры, прежде всего партийные, на которые опирался Сталин. На железных дорогах набирали силу первичные парторганизации. В 1933 г. были созданы чрезвычайные органы партии — политотделы. В 1937 г. появляются узловые партшколы, объединившие парторганизации предприятий, связанных с движением поездов. В 1939 г. организовано 14 новых политотделов дорог и 39 политотделов отделений [3, с. 358 — 359]. Бинарность этих структур резко возросла, когда в марте 1939 г. XVIII съездом ВКП(б) первичным парторганизациям было предоставлено право контроля работы администрации предприятий [4, с. 370]. Вопросы воспитания, формирования духовно-нравственных и культурных ценностей личности железнодорожника оказались в компетенции партийных органов и их номенклатуры. Партноменклатуру ЦК ВКП(б) и Политуправления Наркомата путей сообщения в 1939 г. представляли более 900 человек: 110 начальников политотделов дорог и их заместителей, 608 начальников политотделов отделений и их заместителей, 197 парторгов узлов [3, с. 358].

Кроме этого высшего звена номенклатурных работников, их основной состав был сосредоточен в низовых звеньях — парторганах и хозяйственно-управленческих структурах дорог, отделений, станций, депо, других предприятий железнодорожного транспорта. Являясь представителями правящей партии, номенклатурные работники неуклонно проводили ее курс непосредственно по месту трудовой деятельности железнодорожников, формируя их морально-нравственный и культурный облик. Усиливалось партийное влияние на деятельность железнодорожных профсоюзных и комсомольских организаций. Во второй половине 1930-х гг. и профсоюзы, и комсомол превратились в «приводные ремни» партии, заняв свою нишу в системе бинарных структур государства и общества. Обобщенной оценкой роли партии в те годы может быть короткая фраза И. В. Сталина из его отчетного доклада XVIII съезду ВКП(б), где он заявил: «Кадры партии — это командный состав партии, а так как наша партия стоит у власти, — они являются также командным составом руководящих государственных органов» [5, с. 634].

С середины 1930-х гг. на железнодорожном транспорте резко обострились проблемы выполнения плановых заданий, участия в социалистическом соревновании, укрепления трудовой дисциплины. И это было не случайно. Как свидетельствуют документы, к этому времени железнодорожный транспорт

оказался в тяжелейшем положении. Это грозило не только невыполнением планов по перевозкам грузов, но и срывом всего сталинского варианта модернизации страны. Так, в октябре 1934 г. погрузка на железных дорогах страны составила 58492 вагона, в декабре — 54 373, а в январе 1935 г. — 50 661 вагон, что составило 85,9 % месячного плана. Росли объемы невывезенных грузов.оборот вагона в январе составил 10 суток, из которых в движении он находился всего 1,5 суток. Отцепки вагонов с горением букс составили в среднем за сутки в январе 1935 г. 570 вагонов, значительно превысив аналогичные показатели за 1934 г. [6, с. 31]. Количество аварий и крушений составило за 1934 г. 62 тыс., было разбито и повреждено свыше 64 тыс. вагонов (новых же за год поступило всего 19 тыс. вагонов). Главное — сотни людей лишились жизни, тысячи были ранены [7, с. 208]. Руководство страны и отрасли в поисках выхода из такой тяжелейшей ситуации предложило, наряду с другими мерами, активно, решительно форсировать деятельность по формированию у железнодорожников таких качеств, как ответственность, дисциплина, способность к безропотному исполнению любой команды, поступившей сверху, патриотизм, гордость за советский железнодорожный транспорт и свою профессию.

На процессы расширения культурного пространства, формирования корпоративной культуры оказывали прямое и непосредственное влияние политические и социально-экономические условия, складывавшиеся во второй половине 1930-х гг. Укрепление позиций Сталина в партии и государстве, формирование культа его личности, насильственная коллективизация, чрезвычайщина в проведении индустриализации, судебные политические процессы над «врагами», призывы к бдительности, поскольку, по словам вождя, «враги» проникли в каждое учреждение и предприятие — все это создавало тревожную атмосферу, нагнетало подозрительность, порождало страх. Не лучшим образом на формировании корпоративной культуры, воспитании железнодорожников отражались тяжелые материально-бытовые условия, незначительный и медленный рост заработной платы, голодные 30-е годы, вызванные как неурожаем, так и политикой государства.

Исключительно важными формами деятельности бинарных структур в рассматриваемый период были приемы, совещания, собрания, слеты железнодорожников. Они созывались по инициативе или по прямому указанию большевистского руководства и стали, пожалуй, главным средством проведения в массы политических и идеологических установок большевиков, социокультурных представлений, на основе которых разворачивался процесс формирования корпоративной культуры. Особое место в этом ряду мероприятий занимали те, которые проводились центром с участием И. В. Сталина и его сторонников.

30 июля 1935 г. состоялся прием 400 работников железнодорожного транспорта в Кремле. На приеме присутствовали И. В. Сталин, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, А. И. Микоян и другие партийные и государственные руководители. Обратимся к некоторым высказываниям наркома путей сообщения Л. М. Кагановича и И. В. Сталина на этом приеме. Без этого невозможно хоть в какой-нибудь степени представить общественно-политическую атмосферу, в которой проходил прием, и определить важнейшие ценности, на основе которых, по мнению руководителей страны, должны были

сплотиться трудовые коллективы железных дорог. Первые слова наркома Кагановича были обращены не к железнодорожникам, а к тому, «кто наряду с руководством великой борьбой за социализм умеет согреть теплотой своего великого сердца и нас, транспортников, и всех трудящихся нашей страны — первому машинисту Советского Союза, любимому и великому Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ» (так в первоисточнике)... «По графику Маркса локомотив истории поставили на рельсы и повели вперед ЛЕНИН и СТАЛИН... Мы победили потому, что в спаренной бригаде нашего локомотива машинистами были великие ЛЕНИН и СТАЛИН». И еще: «Большая беда железнодорожников — разрывы поездов... Наш великий машинист — СТАЛИН — умеет вести поезд без толчков и разрывов, без выжимания вагонов, спокойно, уверенно проводя его на кривых, на поворотах». Далее — все в том же ключе. При этом выступавший, подобострастно и уничижительно выражая свою преданность вождю, призывал всех сплотиться вокруг него, «Ленинской партии и ее Сталинского Центрального Комитета, который ведет страну от победы к победе». Одновременно нарком не в первый и не в последний раз заявил перед руководящими деятелями партии и государства о своей полной поддержке сталинского курса модернизации страны, кадровой политики. «Машинист локомотива революции — СТАЛИН — умеет крепко плачливую свою бригаду, освобождать ее от плохих, нерадивых, негодных работников...» Речь наркома Кагановича сопровождалась «бурными аплодисментами», «нескончаемыми овациями», «возгласами «да здравствует первый машинист Советского Союза любимый товарищ СТАЛИН» [7, с. 203–205].

С еще большим пафосом железнодорожники встретили речь Сталина [7, с. 205–206]. По ее окончании в «едином порыве поднялись все присутствующие и ответили на проникновенные слова вождя бурной овацией в его честь. Долго гремели под сводами Кремлевского зала аплодисменты, возгласы восторга и радости». Так в те дни писала главная партийная газета «Правда» [7, с. 206]. Психологическая атмосфера, царившая на приеме, накалялась с каждым словом вождя. Сталин сделал все возможное для нагнетания психологического воздействия на собравшихся. При этом он пытался показать свою неразрывную связь с присутствующими в зале, неоднократно обращаясь к ним со словами «мы с вами», «мы вместе», «нам с вами». В такой психологической обстановке, пронизанной духом культа личности вождя, его слова воспринимались присутствующими как аксиома, как наставления паstryя своей пастве. В начале своего выступления он сказал слова, которые должны были вызвать патриотические настроения присутствующих, чувства гордости за советский железнодорожный транспорт. Он говорил о его решающем значении «для существования и развития такого громадного по размерам своей территории государства, как наше Советское государство», превосходящее «любое государство мира, в том числе и Англию с ее колониями...», «о великой чести для каждого работать на транспорте». Далее Сталин специально остановился на вопросе формирования социалистической дисциплины, важнейшего для железнодорожного транспорта принципа. Он разъяснил присутствующим железнодорожникам, какой должна быть «настоящая, большевистская дисциплина». Сущность ее он видел в бесперебойной работе каждого, начиная от «самых больших руководителей и кончая «малыми» работниками вплоть до стрелоч-

ника, вплоть до смазчика, вплоть до уборщицы...», в едином транспортном конвейере, «где важна работа каждого работника, каждого винтика» [7, с. 205].

Во второй половине 1930-х гг. партийно-государственное руководство страны особую роль в деле формирования корпоративной культуры, советского корпоративного духа железнодорожников возлагало на социалистическое соревнование. В ноябре 1935 г. в Кремле состоялось первое всесоюзное совещание стахановцев, на котором с программной речью выступил И. В. Сталин. В ней получили развитие идеи и замыслы, ранее высказанные вождем на Кремлевском приеме железнодорожников в июле 1935 г. Он заявил, что соревнование призвано «произвести в нашей промышленности революцию», которая приведет к более высокой производительности труда, чем в странах капитализма. Чтобы добиться такого уровня производительности труда, целью стахановского движения определялось «преодоление нынешних технических норм, преодоление существующих проектных мощностей, преодоление существующих производственных планов и балансов» [5, с. 532].

Чрезвычайные цели соревнования потребовали и чрезвычайных мер по их реализации. Резко возросло значение корпоративной печати. Каждая железная дорога имела свою газету. Они были полны сообщений о перевыполнении производственных норм железнодорожниками разных профессий. Токари выполняли норму на 700 и более процентов, списочки оформляли документы на отправку поездов, сокращая норму времени в 4–5 раз. Отвечая на сталинский призыв использовать технику «до предела», машинисты паровозов регулярно устанавливали рекорды скорости и грузоподъемности поездов, пренебрегая нормативными ограничениями [8, с. 9–45].

В результате массовой пропаганды социалистических ценностей, активной организаторской работы и идейно-политического давления государственных и партийных структур на железнодорожном транспорте была достигнута поражающая воображение массовость участников соревнования. Если по официальным данным в 1935 г. «было учтено» 69 тыс. стахановцев, то на 1 августа 1940 г. индивидуально соревнующиеся по профессиям составляли 1 748 668 человек [3, с. 362–376]. А ведь, кроме индивидуальных, были и коллективные формы соревнования — бригадные, цеховые, соревновались между собой заводы, дороги и т.д. Вместо принципа добровольности в нем утверждалась практика обязательного всеобщего охвата работающих. Соревнование все в большей степени выливалось в погоню за рекордами, которые становились ориентирами для регулярного пересмотра в сторону повышения трудовых нормативов с одновременным понижением их расценок, что, естественно, не могло вдохновлять основную массу рабочих на новые трудовые успехи. Специалисты, ученые, рабочие — участники соревнования, высказывавшиеся за соблюдение научно обоснованных технических норм эксплуатации железнодорожной техники, не только осуждались, но и подвергались разного рода гонениям [5, с. 543; 7, с. 211]. Такой курс сопровождался высоким уровнем выхода из строя железнодорожной техники, многочисленными авариями, крушениями поездов. Самой «энергичной мерой» борьбы с ними, по утверждению Л. М. Кагановича, стала передача дел в суды. «Прокуроры обвиняют, суды судят, а число крушений растет», — отмечал нарком путей сообщения в приказе от 19 марта 1935 г. «О борьбе с крушениями и

авариями». В ряде депо чуть ли не половина машинистов имела взыскания и судимость [7, с. 208]. Усиливаются политические оценки недостатков в работе железнодорожного транспорта при одновременном сглаживании таких объективных причин, сдерживавших его развитие, как высокий уровень изношенности железнодорожной техники, нехватка специалистов и профессионально подготовленных рабочих, их тяжелые материально-бытовые условия. Стало обычным делом списывать аварии, невыполнение планов, другие провалы на недостаточную политическую бдительность или ее отсутствие у руководителей, специалистов, рядовых работников дорог и предприятий. Эта тенденция достигла своего апогея в 1936–1938 гг. Акценты в приказах наркома Л. М. Кагановича смещаются от обвинения в политической незрелости работников к деятельности вредителей, диверсантов и других «классовых врагов». Причем в этих документах приводились многочисленные факты «крайне неудовлетворительной работы» или «вредительства». Так, в одном из приказов 1935 г. указывалось, что лишь за один месяц — июнь этого года по сети железных дорог было отмечено 1349 случаев порч паровозов в пути, свыше 2000 разрывов поездов и более 300 случаев проезда закрытых семафоров [7, с. 216]. В другом подобном документе за 1937 г. утверждалось, что вредители «разрушали паровозы, главным образом при ремонте. Они вызывали течь дымогарных и жаровых труб, связей и анкерных болтов тем, что зимою охлаждали котлы под открытым небом. При теплой промывке вредители резко охлаждали котлы добавлением холодной воды... Неправильно устанавливали котлы на рамы паровозов... Портили раскаленными электродами поршневые кольца... Портили водопроводные краны...», и так далее и тому подобное [7, с. 239]. Указывая на «уроки плохой зимней работы» железнодорожного транспорта в 1937–1938 гг., нарком называет среди важнейших причин такого положения нарушение основ сталинских методов работы, ленинско-сталинских указаний «о проверке исполнения решений партии, правительства и приказов НКПС». Работники разных служб предупреждались о необходимости продолжения борьбы с вредителями, шпионами и диверсантами, остатки которых «еще и сейчас пытаются срывать грузовую работу дорог и движения поездов» [7, с. 255–256].

Эти извлечения из официальных документов показывают, что процесс формирования корпоративных ценностей и культуры советских железнодорожников во второй половине 1930-х гг. проходил в тяжелой политической и социально-психологической обстановке. Эта ситуация на железнодорожном транспорте еще более обострилась в связи с усилением политических репрессий в 1936–1937 гг. Сотни и тысячи железнодорожников объявлялись заговорщиками, врагами и т.д. Только на Омской железной дороге в их число за 1936 г. попало 272 человека, а за три месяца 1937 г. на этой дороге были «разоблачены» и сняты с работы 100 вредителей — троцкистов, белогвардейцев и расхитителей собственности, арестованы 57 человек [9, с. 153–155]. Подобная практика партийно-государственных структур привела к такой текучести работников на железнодорожных предприятиях, при которой закрепление корпоративных ценностей становилось делом проблематичным. Так, на паровозостроительных заводах страны в 1936 г. был принят на работу 34 641 человек, а за это время ушло с заводов 33 453 человека [7, с. 247].

Тем не менее и тогда процесс формирования корпоративной культуры на предприятиях железнодорожного транспорта не прекращался. Он показал, что Ю. М. Лотман был прав, когда говорил, что «вся предшествующая привычная нам культура тяготела к полярности и максимализму», а «этический максимализм глубоко укоренился в самых основах русской культуры...» [2, с. 365]. Максимализм в культуре железнодорожников в значительной степени формировался максималистскими средствами и способами. Вторая половина 1930-х гг., когда бинарность партийно-государственных структур на железнодорожном транспорте отличалась повышенной активностью, еще более подтверждает верность высказанного ученым соображения.

Важным фактором, оказавшим серьезное влияние на усиление стабильности железнодорожных коллективов, формирование социокультурных ценностей, стал курс государства на повышение их профессиональной подготовки. Этот курс представлял одно из направлений советской концепции железнодорожного транспорта. Он отвечал интересам как государства, так и работников отрасли.

Этот путь формирования корпоративных ценностей железнодорожников также был непрост. Деструктивные действия бинарных структур имели место и здесь. Проводился жестко-классовый подход при зачислении в учебные заведения, практиковались чистки учащихся по признаку социального происхождения, доведена до абсурда большевизация учебного процесса и управления учебными заведениями, имели место необоснованные гонения преподавательского состава. Однако эти же структуры, жестко следуя советской концепции железнодорожного транспорта, немало сделали для подготовки специалистов и профессиональных рабочих. Именно во второй половине 1930-х гг., несмотря на огромные трудности, окончательно сформировалась система высшей и средней железнодорожной школы, включавшая 11 вузов, десятки техникумов. В системе НКПС подготовка профессиональных рабочих осуществлялась через бригадное ученичество, курсы, технические школы. Ежегодно приобретали железнодорожные профессии и повышали квалификацию сотни тысяч рабочих [6, с. 214]. Железнодорожники, приобретая профессиональные знания через специально созданную государственную систему, не только познавали технику, приобретали знания по ее управлению. Они приобщались как к технической, так и к общей культуре, к лучшим традициям отечественной профессиональной школы. Все это порождало надежду на лучшие перспективы, развивало интеллектуальные и творческие возможности людей, способствовало возникновению чувства уважения к своей профессии, гордости за свой труд, предприятие, железнодорожный транспорт.

Таким образом, формирование корпоративной культуры работников железнодорожных предприятий во второй половине 30-х гг. XX в. представлял собой процесс, который, находясь в центре внимания и правящей партии большевиков, и органов государственной власти, и управленческих структур железнодорожного ведомства, испытывал их огромное влияние, что не могло не отразиться на характере и содержании как общей, так и профессиональной, технической культуры железнодорожников. Это — во-первых. Во-вторых, этот процесс — явление сложное, полное противоречий как по факторам влияния на него, так и по характеру формировавшихся у них социокультурных ценностей и предпочтений.

Под влиянием широко развернувшейся большевистской пропаганды, под воздействием жестких мер бинарных структур, выразившихся в идейно-политическом, психологическом и организационном давлении, рождался новый тип работника железнодорожного транспорта, основу которого должны были составить большевистские идейно-политические представления и социалистические культурные и социальные ценности. Тем более что значительная часть работников железнодорожного транспорта свои представления о социальной справедливости, надежды на получение образования и лучшую жизнь связывала с идеей социализма, с железной дорогой, работу которой партийно-государственные структуры держали под особым контролем. Вместе с тем на процесс становления новой корпоративной культуры накладывались ранее сложившиеся ментальные и социокультурные особенности людей, традиции, действовавшие в досоветские и первые советские годы, из которых не все оказались востребованными в новых условиях. В результате, несмотря на политику чрезвычайщины, сопровождавшейся увольнениями, арестами и другими репрессивными мерами, складывавшийся тип корпоративной культуры советских железнодорожников не стал воплощением сталинского идеала их превращения в «винтики» единого производственного процесса, в безмолвных исполнителей команд «сверху». Были и боязнь, и страх неожиданно оказаться в числе «врагов», и апатия, и элементы безразличия. Бинарность политики партийно-государственных структур не способствовала развитию элементов внутренней культуры человека, осознанному росту сторонников большевизма и социализма. В таких условиях побеждали здоровые тенденции в процессе формирования корпоративной культуры железнодорожников, выражавшиеся в укреплении трудовой дисциплины, в возрастании чувства ответственности, профессионализма как у специалистов, так и у рабочих, в возрождении уважения к своей профессии, гордости за свой труд, трудового коллектива предприятия, дороги, железнодорожного транспорта в целом. Именно эти тенденции корпоративной культуры легли в основу формирования лучших гражданских, патриотических качеств советских железнодорожников, в полной мере проявившиеся вскоре в годы Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Корпоративная культура: проблемы и тенденции развития в мире и в России. — М.: Наука, 2011. — 507 с.
2. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. — М.: Прогресс, 1992. — 271 с.
3. История индустриализации СССР. 1926–1941 гг.: документы и материалы. Железнодорожный транспорт в годы индустриализации СССР (1926-1941) / Отв. ред. Б. П. Бещев. — М., 1970. — 432 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 12 т. Т. 5. — 8-е изд. — М., 1971. — 380 с.
5. Сталин, И. Вопросы ленинизма / И. Сталин. — 11-е изд. — Л.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. — 652 с.
6. Материалы о работе железнодорожного транспорта за 1935 год. — М.: Трансжелдориздат НКПС, 1936. — 217 с.
7. Железнодорожный транспорт в важнейших документах. — М.: Трансжелдориздат НКПС, 1941. — 292 с.
8. Рекорды стахановцев-кривоносовцев железнодорожного транспорта. Хроника кривоносовского движения с 15 ноября

1935 г. по 15 января 1936 г. — М. : Трансжелдориздат, 1936. — 204 с.

9. Хроменкова, Т. Н. Руководители и инженерно-технические работники железнодорожного транспорта как объект дискриминационной политики властей в 30-е гг. XX столетия / Т. Н. Хроменкова // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции : тез. докл. Междунар. конф. — Пермь, 2002. — С. 153—155.

ГАЙДАМАКИН Андрей Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и культурологии.
Адрес для переписки: gaydamak_aw@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.08.2012 г.

© А. В. Гайдамакин

УДК 329(09)(571.1)

С. В. НОВИКОВ

Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ПРОВЛАСТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕГРУППИРОВКИ СИЛ. ЯНВАРЬ 1997 — АВГУСТ 1999 гг. ИЗ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

На основе материалов региональных и московских аналитических центров, периодической печати, с использованием социологических исследований в статье даются характеристики состояния западносибирских организаций политических партий провластной ориентации. Особое внимание в работе уделено правонационалистическим группам, а также контактам их с властными структурами в рамках перегруппировки сил накануне избирательной кампании 1999 г. и в преддверии назначения кандидатуры приемника на должность Президента РФ.

Ключевые слова: движение «Земля сибирская», движение «Честь и Родина», РНРП, «Отечество», РПРФ, «Правое дело».

На первый взгляд, крупными и влиятельными политическими силами Западно-Сибирского региона в обозначенный период оставались созданные с помощью управленческих структур региональные организации НДР. Но, характеризуя их состояние, можно констатировать, что они после федеральных выборов 1995, 1996 гг. переживали кризис. Так, на областной конференции движения «Земля сибирская», в январе 1997 г., лидер Новосибирской НДР, депутат Государственной думы О. Гонжаров, зачитал заявление экс-губернатора И. И. Индинка, с просьбой считать его выбывшим из руководящих органов организации. Председатель исполкома «Земли сибирской» Н. Павлов, подводя итоги за 1996 г., отметил нежелание представителей элиты выступать за В. Черномырдина. Много говорилось о невменяемости правительственных верхов, которые игнорируют мнения регионалов. Среди причин неудач НДР называлась также неумение руководства объяснить обществу цели своей работы [1, с. 32].

Конечно, Новосибирская областная организация «Земля сибирская» распущена не была. В апреле 1998 г. под её патронатом даже была создана молодёжная организация под руководством И. Г. Деева [2]. Но поддержку властных структур она потеряла.

Интересна эволюция НДР в Омской области. Какой-либо деятельности в 1997 г. она не вела. Однако

весной 1998 г. «Омское Прииртышье» приняло участие в выборах депутатов ЗСОО и горсовета, не афишируя партийную принадлежность кандидатов. Но, по данным председателя исполкома «Омского Прииртышья» В. А. Мельника, 15 представителей движения стали депутатами ЗСОО. Губернские власти, зная о возможных хитросплетениях партстроительства, проводимого Кремлём, не стали связывать свой политический истеблишмент с НДР. Как следствие, избранная в марте 1998 г. группа депутатов работала под названием «Общественное согласие». Несмотря на это, в ходе выборов 1998 г. аналитиками была отмечена помощь НДР кандидатам А. Цимбалисту, А. Лихачеву, В. Белевкину, Ю. Салюкову, А. Грицыку и другим [3].

По предложению группы «Общественное согласие» было принято решение о втором переносе с 2000 на 2004 г. довыборов 15 депутатов ЗСОО по партспискам [4, с. 51—52]. Партстроительство, начатое Кремлём в конце 1998—1999 гг., нашло отражение в отношении к НДР местного руководства. После создания движения «Вся Россия» Л. К. Полежаев заявил о передаче лидерства в «Омском Прииртышье» вице-губернатору В. А. Третьякову [5].

В Томске ситуация повторилась. В конце 1998 — начале 1999 г. относимая к «партии власти» организация была позабыта как властными структурами,

так и СМИ. Исполком движения возглавляет уже не высшее должностное лицо региона, а руководитель банка «Движение» В. Дурнев [6].

Несколько иначе складывалась биография НДР в Алтайском крае и Кемеровской области, где у руля региона находятся относимые к левым политики, а «региональная партия власти» включает в себя КПРФ и АПР. В Алтайском крае после результата выборов в Государственную думу (4,9 %) официальные круги дистанцировались от НДР. А накануне выборов Президента РФ, в марте 1996 г., было создано Алтайское краевое общественно-политическое движение «Согласие». Основой движения стали краевые отделения НДР и партии Демократический выбор России, а также ещё 8 общественно-политических движений края. Движению удалось убедить 38,5 % избирателей проголосовать за Б. Н. Ельцина — это несколько больше, чем прогнозировали московские аналитики. В ходе выборов главы администрации края движения «Согласие» активно поддержало кандидатуру Л. Коршунова, который набрал 46,3 % голосов избирателей, уступив А. Сурикову чуть более 3 % голосов. К концу 1998 г. движение объединяло 14 политических организаций, насчитывающих около 8 тыс. участников, и имело сеть своих отделений [7].

В Кемеровской области шансы региональной НДР на развитие в период сотрудничества А. М. Тулеева с КПРФ равнялись нулю, а попытки прокремлёвских политических и административных структур изменить ситуацию заканчивались провалом [8].

Говоря о региональных отделениях НДР в период между федеральными выборами 1996–1999 гг., можно констатировать их исчезновение. Речь идёт о нежелании региональной экономической и управленческой элиты административными методами поддерживать прокремлёвский бренд «партии власти» — НДР. В Алтайском крае и Кемеровской области элита довольствовалась другим брендом, разыгрывая «левую карту». В остальных областях Западной Сибири движение, казалось, было востребовано на местах. Но к 1998 г. кремлёвские аналитики, как, впрочем, и их региональные коллеги, начали искать новые подходы к регулированию политических процессов и удержанию власти. Жертвой поиска стали организации в Новосибирской, Омской и Томской областях.

Поиск альтернативных сил и лидеров, способных коренным образом изменить соотношение сил в Государственной думе и обеспечить массовую поддержку Президенту РФ, велся в нескольких направлениях. Одним из таковых являлись попытки сгруппировать правонационалистическую оппозицию вокруг А. И. Лебеда, отстранённого Б. Н. Ельциным от своих обязанностей 17 октября 1996 г. и вновь оказавшегося в оппозиции к власти.

Анализ ситуации в Западной Сибири показывает, что какой-либо серьёзной электоральной поддержки КРО и иные организации не имели, их структуры практически не существовали. Однако в начале 1997 г. была проведена перерегистрация КРО в регионах.

В Омске планировалось начать работу КРО с населением, появились возможности выхода на СМИ: газеты «Коммерческие вести», «Омская правда», «Ореол», «Время», телестудию СТВ. Были предприняты попытки взаимодействия с владыкой Феодосием и омским казачеством. В начале 1988 г. омские конгрессисты попытались заручиться поддержкой губернатора. Ориентация на областные структуры власти оказалась для организации неудачной. Помощи от неё получить не удалось. Поддержка городских СМИ была потеряна в связи с конфликтом

городского и областного руководства. На выборах в ЗСО и в горсовет 1998 г. КРО выдвинул соответственно одного и двух кандидатов, которые в депутатский корпус не прошли [9, с. 44–45].

Помимо этого в Омске сторонники А. Лебеда создали движение «Честь и Родина» куда начинается отток сторонников КРО. Инициатор и первый руководитель омского отделения полковник С. Кузьмин, презентовавшись в качестве соратника А. Лебеда по Афганистану. Новая организация получила название Российская народно-республиканская партия [10].

В начале 1999 г. сторонники А. И. Лебеда в Омске имели совет организаций. Эти организации входили в «круглый стол» при губернаторе Омской области. Имели поддержку газет «Крестьянское слово», «Воскресение».

В Новосибирской области РНРП было создано 17 февраля 1997 г., 21 февраля организация провела конференцию, на которой присутствовало 73 делегата. Из них 14 директора предприятий, 17 представители интеллигенции, 15 предпринимателей, семь военнослужащих, трое рабочих. За исключением создания блока «Лебедь — Явлинский» наладить работу вышеуказанной организации в последующее время не сумели. В течение 1998 г. в организации шла борьба за лидерство, в которую был втянут даже сам А. И. Лебедь.

Раскол среди новосибирских сторонников А. И. Лебеда произошел 23 октября 1998 г., когда в разных районах города состоялись две «взаимоисключающие» конференции НРО РНРП. Одна из них избрала председателем новосибирского отделения партии Н. Мамулата, при этом проходила при поддержке председателя НРО «Честь и Родина» А. Андрейченко. Другая, соответственно, исключила Андрейченко и Мамулата из партии и подтвердила полномочия председателя С. Кудрявцева. 22 декабря 1998 г. в Москве состоялся политсовет с участием А. И. Лебеда, где выступили обе противоборствующие новосибирские стороны. Сторонникам А. И. Лебеда в Новосибирске вряд ли было понятно — исчерпан ли конфликт до конца [6].

В Алтайском крае и Томской области сторонники А. И. Лебеда загодя готовились к думским выборам. Так, по данным О. Н. Барабанова, лидер сторонников А. И. Лебеда в Алтайском крае, работающий в начале 1999 г. начальником правового управления администрации Красноярского края А. Шведов распространил заявление о том, что алтайские сторонники генерал-лейтенанта уже определили своих кандидатов по двум округам на выборы в Госдуму, а по двум оставшимся ведут сейчас переговоры. В качестве возможного кандидата по Славгородскому округу был назван руководитель фирмы «Каскад» и краевой организации «Честь и Родины» В. Попов (летом 1998 г. в СМИ прошла кампания, освещающая крупную сделку В. Попова, приобретение немецких комбайнов). В СМИ было озвучено намерение всех лебедцев пойти на думские выборы блоком под названием «Александр Лебедь», куда войдут РНРП, «Честь и Родина» и молодежные организации [11].

В январе 1999 г. объединенная конференция Томского регионального отделения движения «Честь и Родина» и томского отделения Российской народно-республиканской партии поддержала действия А. И. Лебеда на посту красноярского губернатора и выразила озабоченность политической и социальной обстановкой в стране и в Томской области. Был избран новый состав совета ТРО «Честь и Родина». Его председателем стал работник ТУСУРа А. Лузги-

нов. Секретарем бюро местной организации народно-республиканской партии остался сотрудник Сибирского физико-технического института С. Щеголь. По его словам, томская «Честь и Родина» не раскололась на манер красноярской, а целиком сохранила верность генералу-губернатору. В Томском отделении Российской народно-республиканской партии в конце 1998 г. состояло 100–110 человек, в движении «Честь и Родина» — около 150. 22 марта 1999 г. состоялась 2-я Томская городская конференция партии А. И. Лебеда. Конференция подтвердила решение 1-й городской конференции РНРП от 1 октября 1998 г. о создании томской городской организации РНРП [6].

Пожелания сторонников А. И. Лебеда видеть его Президентом РФ не соответствовали его популярности. Последняя снизилась с 12 % в мае 1998 г. до 5 % в мае 1999 г., что уменьшало шансы возглавляемой им партии на победу — вхождение её членов в парламент, и соответствовало шестому месту в рейтинговом списке кандидатов на пост Президента РФ. К тому же А. И. Лебедь на посту губернатора края стал известен громкими заявлениями по ситуации в крае и стране в целом, что принесло генерал-лейтенанту прозвище — «генерал-губернатор», и сделало его героем исследований «выразительных средств языка политика». Произошло отчуждение от него как столичных аналитиков, так и региональной элиты, ищущей политическую фигуру, способную удерживать власть. Партийных структур, поддерживающих А. И. Лебеда, создать в регионе не удалось. Между тем нельзя не отметить, что падение доверия к А. И. Лебедю проходило во время исполнения функций Председателя правительства РФ Е. М. Примаковым (с 10 сентября 1998 по 12 мая 1999 г.), доверие граждан к которому в ноябре 1998 г. составляло 41 %, в январе 1999 — 45 %, в феврале 1999 — 47 % [12, с. 297–298; 303–305; 301].

Параллельно попыткам консолидации правых националистов, сторонников А. И. Лебеда, были предприняты попытки создания таких политических организаций, как «Отечество» и «Вся Россия», а также различного рода объединений в поддержку Ю. М. Лужкова. В Западно-Сибирском регионе, подобное было зарегистрировано в начале 1997 г. в Алтайском крае, как «Комитет поддержки Ю. М. Лужкова». Но комитет не работал [7, с. 200–201].

В Томской области, в отличие от Алтайского края, ситуация получила своё развитие. Под знамена лужковско-сулакшинского «Отечества» удалось собрать людей популярных. «Громкие» имена в сочетании с владением избирательными технологиями командой Сулакшина должны были гарантировать успех на декабрьских выборах в российский парламент. Если «Отечество» было создано с явным ориентиром «под Лужкова», то появление сибирского общественно-политического движения «Союз ради будущего» во многом диктовался грядущими губернаторскими выборами. На выборы активисты «Союза» планировали пойти под лозунгом борьбы за интересы Сибири и сибиряков. Впрочем, перед новым движением стояла задача — избавиться или, по крайней мере, максимально нивелировать свой имидж еще одной «партии власти» (в другом варианте — «партии бывших») и успеть раскрутить своих кандидатов [13].

В Новосибирске региональное отделение Общероссийской политической организации «Отечество» было зарегистрировано в январе 1999 г. Отделение насчитывало 9 тыс. членов и имело организации во всех городских и сельских районах [2, с. 32].

Однако материалы агентства «Рейтинг» свидетельствуют о наличии у организации проблем, описанных в одном из обзоров следующим образом:

«Непростой разговор состоялся у председателя Новосибирского регионального отделения общероссийской политической общественной организации «Отечество» Владимира Жмулева с руководителями членских организаций Федерации профсоюзов области. Многие не могли понять, чем же организация мэра Москвы Лужкова отличается от других партий, движений, объединений. С докладом выступил председатель областной организации. Выступившие на собрании председатель комитета по делам молодежи обл администрации С. Б. Виноградов, председатель Новосибирского координационного совета по взаимодействию администрации области с женскими общественными объединениями, председатель областного комитета Красного Креста Н. В. Якимова, депутат городского Совета, председатель областной организации движения «Конгресс русских общин» А. Н. Люлько, руководитель фермерского хозяйства «Ванюша» (Новосибирский район) М. И. Степанов, народный артист России А. П. Балабанов и другие говорили о том, как сделать, чтобы движение «Отечество» было «понято и принято» большинством наших граждан. К приоритетным направлениям движения В. Жмулев отнес оказание помощи голодающим, особенно бездомным. Было подчеркнуто, что движение не должно быть элитарным, замыкающимся на какую-либо влиятельную социальную группу [6].

Наиболее полно поведение представителей административных структур и политических сил по отношению к создающимся движениям можно проиллюстрировать на примере Омской области.

Омская организация «Отечество» создавалась осенью 1998 г. по инициативе «Комитета политического централизма» (руководитель в Омске — А. И. Левченко) и других объединений демократической направленности («Партия любителей пива», НДР, шахраевской «ПРЕС» и т.п.). В начале 1999 г. прошло учредительное собрание и избраны делегаты на съезд в Москву.

Делегацию возглавил лидер омского «Отечества» А. И. Левченко. В ее состав вошла бывший функционер НДР Г. Кириленко. На съезде было отмечено присутствие вице-губернатора А. Голушко, представителей директорского корпуса и руководителей культуры. В оргкомитет Омской областной организации был введён заместитель редактора газеты «Омский вестник» В. Иголкин.

Главной задачей «Отечества» в регионе провозглашалось создание организационных структур в городе и селе, распространение идей централизма и подготовка к выборам Государственной думы и выборам Президента РФ [9, с. 53–54].

Идентичные цели ставило перед собой образованное весной 1999 г. движение «Вся Россия». Её учредительный съезд посетили 10 представителей омского политического бомонда. Среди них спикер ЗСО В.А. Варнавский, губернатор Омской области и экс-лидер «Омского Прииртышья» Л. К. Полежаев, глава администрации Азовского национального района Б. Г. Рейтер, вице-президент компании «Сибнефть» К. Н. Потапов, депутат ЗСО С. Калинин и другие. И «Отечество», и «Вся Россия» упоминались на страницах печати и в электронных СМИ, находившихся под контролем областной администрации [4, с. 221].

В Алтайском крае в 1998 г. среди политиков шла борьба за право стать региональным представителем

движения «Отечество». Из нескольких кандидатов на учредительный съезд «Отечества» в Москву были приглашены группы, возглавляемые двумя людьми: главой Родинского района С. Тевоняном и президентом краевого Союза предпринимателей малого бизнеса В. Зайченко, которые по возвращении из Москвы заявили о своем намерении оставить разномыслие и работать вместе. В январе 1999 г. состоялось формальное объединение обеих инициативных групп, С. Тевонян был утвержден председателем единой краевой организации «Отечества», а В. Зайченко — сопредседателем. Также надо отметить, что помимо этих двух политиков с Ю. М. Лужковым активно сотрудничал депутат Госдумы от Рубцовского округа, председатель думского комитета по здравоохранению Н. Герасименко [7, с. 200].

В начале августа 1999 г. «Отечество» и «Вся Россия» сформировали избирательный блок «Отечество — Вся Россия» (ОВР), а 17 августа Е. М. Примаков согласился его возглавить. Каких-либо структур на местах блок практически не имел, его функционеры опирались на административный ресурс, поддержку СМИ и авторитет лидера, которому в августе 1999 г. доверяло 54 % населения России [12, с. 321].

Одним из последствий создания «Отечества» и появления блока «Отечество — Вся Россия», стал отход АПР от союза с КПРФ, что имело негативное последствие для коммунистов, так как без АПР блоковая тактика КПРФ на федеральном уровне потерпела поражение.

Практически не имели структур, а в ряде случаев и групп поддержки в Западной Сибири РПРФ, ДВР, «Правое дело», «Россия молодая» поддерживаемые представителями Президента РФ. Лидерам указанных движений предстояло создать избирательные блоки и выработать предвыборную стратегию в оставшийся период.

В целом, характеризуя провластные политические силы в регионе, можно констатировать, что:

— организационные структуры и группы поддержки так называемых правых националистов (КРО, движения, связанные с генералом А. Лебедем), активно обыгрывающие патриотические и державные идеи, в 1995 г. попали под контроль региональных властей, использовались последними для критики левых сил, но с начала 1999 г. интерес к ним был утерян в связи с низким рейтингом А. И. Лебеда;

— НДР, состоящая из чиновников, резко теряла свои позиции, что было связано с начатой Кремлем деятельностью по созданию новых политических организаций;

— в политической палитре региона появились «Отечество» и «Вся Россия», созданные разными группами влияния в правительственных кругах, они не могли не привлечь внимание руководителей регионов, учитывающих в своей работе с партиями и

федеральной властью факт создания избирательного блока «Отечество — Вся Россия».

Таким образом, к августу 1999 г. в Западной Сибири, как и в стране в целом, не было закончено партийное строительство. Административные структуры не могли определить своего отношения к различным политическим силам, пытаются построить работу с учётом мнения федеральной власти. Это означало, что завершающая фаза партийного строительства совпадёт с началом избирательной компании, что делает роль СМИ как никогда значительной.

Библиографический список

1. Молодость Сибири. — 1997. — 6 февраля.
2. Новосибирск политический. 2001 : справ. — Новосибирск, 2001. — 232 с.
3. ГИАОО (гос. ист. арх. Ом. обл). Ф. 9618. Оп. 1. Д. 313. Л. 1—8.
4. Новикова, И. В. Влияние печатных СМИ на результаты кампаний федерального уровня. Омское Прииртышье (1992—2003 гг.) / И. В. Новикова, В. С. Новиков, С. В. Новиков. — Омск, 2007. — 306 с.
5. Московский комсомолец в Омске. — 1999. — 11—18 февраля.
6. Рухлядьев, В. Томская область в марте 1999 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1999/0399/70.html (дата обращения: 12.05.2011).
7. Шейда, Г. П. Общественно-политические объединения Алтайского края и подготовка к выборам Президента РФ в 2000 году / Г. П. Шейда // Дневник Алтайской школы политических исследований. — 1998. — № 6. — С. 196—201.
8. Кузнецкий край. — 1996. — 31 декабря.
9. Новиков, С. В. Общественно-политические силы на территории Омского региона накануне и в период выборов 1999 года / С. В. Новиков. — М., 1999. — 63 с.
10. ГИАОО. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 410. Л. 1—17.
11. Барабанов, О. Н. Алтайский край в январе 1999 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/jan1999/Altay0199.htm> (дата обращения: 01.06.2011).
12. Докторов, Б. З. Эпоха Ельцина: мнения россиян: социологические очерки / Б. З. Докторов, А. А. Ослон, Е. С. Петренко. — М., 2002. — 382 с.
13. Погодаев, Н. Томская область в феврале 1997 года / Н. Погодаев // Политический мониторинг. — №2(61) (февраль 1997 г.) Ч. I. — М. : Междунар. ин-т гуманитарно-полит. исслед., 1997. — 261 с.

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой истории и социально-педагогических дисциплин.

Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 03.09.2012 г.

© С. В. Новиков

Книжная полка

Пчелов, Е. В. Правители России от Рюрика до наших дней / Е. В. Пчелов, В. Т. Чумаков. — М. : Махаон Азбука-Аттикус, 2011. — 320 с. — ISBN 978-5-389-01713-9.

Уникальная по форме и охвату материала иллюстрированная книга содержит информацию о правителях, политиках и военных, деятелях церкви, культуры и науки за более чем тысячелетний период истории России. Книга может использоваться в качестве учебного пособия в средних школах, лицеях, колледжах, высших военных и гражданских учебных заведениях. Рассчитана на самый широкий круг читателей как в России, так и за рубежом.

БОЯРСКАЯ ДУМА В РОССИИ В КОНЦЕ XVII в.

В статье рассмотрены особенности деятельности Боярской думы в конце XVII в., когда лидирующую роль дума постепенно начала утрачивать. Автор характеризует основные статьи Соборного уложения при характеристике думы в указанный период. При Алексее Михайловиче Боярская дума утратила право самостоятельно выносить постановления, имевшие силу закона. Однако Петр I не пошел на ликвидацию думы особым законодательным актом. Царь просто перестал жаловать в думные чины.

Ключевые слова: бояре, Боярская дума, государственное управление, деятельность.

Одним из важнейших вопросов, связанных с деятельностью Боярской думы, является вопрос о ее роли и функциях. Эта проблема применительно к XVII в. в целом, и особенно ко второй половине этого столетия, стала дискуссионной еще в XIX — начале XX в., когда ряд историков высказали мнение о том, что Боярская дума за этот период стала собранием, необходимым царю и послушным орудием в его руках. В частности, В. И. Сергеевич полагает, что Боярской думы в России не существовало, однако иногда случались совещания родовитых царских слуг [1, с. 266 – 283]. Другие исследователи придерживались мнения о том, что Боярская дума, напротив, выступала в качестве самостоятельного института. Объем ее компетенции в решении важнейших государственных вопросов сохранялся на прежнем уровне. В силу этого Боярская дума в значительной мере ограничивала царскую власть: «С конца XVII в. дума становилась тесным советом, действовавшим без государя» [2, с. 430].

В исторической литературе XX в. по-прежнему дискутировался вопрос о том, обладала ли Боярская дума теми же прерогативами, что и царская власть, или же юридическая ответственность за принятие решений возлагалась исключительно на царя. Эти проблемы нашли свое отражение в работе Н. П. Ерошкина: «В XVII в. ... Боярская дума по-прежнему являлась важнейшим органом государства, разделявшим вместе с царем прерогативы верховной власти, органом Боярской аристократии» [3, с. 49]; или же «Мы знаем мало подробностей о ходе дел в Боярской думе, но большие последствия ее работы явственны всем. Под ее руководством создавался московский государственный строй, добывавший средства и способы отбиваться от бесчисленных внешних врагов, отовсюду оцепивших Московское государство, в думе создавался и самый порядок направления этих средств на защиту страны и на ее внутреннее устройство» [3, с. 330 – 357].

Таким образом, при характеристике роли Боярской думы в XVII столетии в отечественной исторической науке сформировались два основных мнения. С одной стороны, исследователи отмечали, что со второй половины XVII столетия в России появилась тенденция к самодержавно-абсолютистской форме правления, при которой царская власть все более стремилась к полной самостоятельности в решении государственных вопросов. В силу этого Боярская дума превращалась в распорядительную и судебную инстанцию и теряла право выносить без санкции

царя постановления, имевшие силу закона. Согласно другой точке зрения, Боярская дума оставалась во второй половине XVII в. важнейшим органом государства, разделявшим с царем прерогативы верховной власти. С ней царь советовался по всем важнейшим вопросам.

Учитывая существующую полемику, рассмотрим положение Боярской думы, сложившееся с принятием Соборного уложения и трактовку функций данного государственного органа в важнейшем законодательном своде России того времени.

В царствование Алексея Михайловича Боярская дума утратила право самостоятельно выносить постановления, имевшие силу закона. Боярский приговор имел значение проекта постановления, подлежащего дальнейшему обсуждению и утверждению царем. Соборное уложение предписывало «боярам и окольничим и думным людям сидети в полате, и по государеву указу государевы всякие дела делати всем вьместе» [4, ст. 2]. Боярская дума являлась высшей после царя судебной и апелляционной инстанцией. Глава Соборного уложения начиналась следующими словами: «Суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси, судити бояром и окольничим и думным людям и дяком...» [4, ст. 1]. Однако по отношению к приказам суд царя и Боярской думы выступал в качестве апелляционной инстанции. Уложение предписывало «спорные дела, которых в приказах за чем вершити будет не мощно, вносити ис приказов в доклад к государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси, и к его государевым бояром и окольничим и думным людям» [4, ст. 2]. В решении некоторых вопросов судопроизводства практиковалась самостоятельная, независимая от царя компетенция Боярской думы. Боярам предписывалось рассматривать и вершить случаи, при которых приказной судья обвинил кого-либо «не делом, по посулам», и со стороны потерпевшего на судью поступила жалоба [4, ст. 7].

Еще одна черта свидетельствовала о снижении роли думы в жизни государства в последней трети XVII в. — появление такого понятия, как «именной указ», «т.е. законодательный акт, составленный только царем, без участия Боярской думы» [3, с. 59].

В XVII в. проявилась и тенденция усиления в думе роли начальников приказов. Важнейшая особенность Боярской думы заключалась в том, что многие ее члены являлись одновременно судьями (т.е. руководителями) приказов. Историки рассматривали эту тенденцию как фактор ущемления роли думы. Прак-

тические решения, на которых строилась государственная политика, теперь вырабатывались ближайшим окружением царя и в том числе руководителями важнейших приказов. Отмеченное положение об усилении роли в государстве приказной верхушки нашло свое подтверждение в трудах таких историков, как К. В. Базилевич, С. К. Богоявленский, Н. С. Чаев («... большое число думных людей было занято в Москве в приказах и в то же время заседало в Боярской думе, так что иногда заседание думы превращалось в собрание начальников приказов. Все это могло быть только во второй половине XVII в., так как в XVI в. и в первой половине XVII в. важнейшие приказы находились под управлением недумных чинов. При Алексее Михайловиче и его преемнике думные чины управляли почти всеми приказами, что было одним из проявлений централизации управления» [5]) и Н. П. Ерошкин («Характерной особенностью XVII в. явилась более тесная связь личного состава Боярской думы с приказной системой. Многие члены думы, по совместительству, выполняли обязанности начальников (судей) приказов...» [6]; и в продолжение: «Процесс бюрократизации государственного аппарата превращал Боярскую думу из органа боярской аристократии в орган приказной бюрократии (судей приказов, воевод, дьяков); все это не могло не ослабить самостоятельность Боярской думы» [3, с. 59]). Превращение думы из органа боярской аристократии в орган приказной бюрократии ослабляло самостоятельность думы.

По наблюдению М. М. Богословского, в конце 1690-х — 1701 гг. происходил процесс затухания практики съездов думцев на заседания при царе, а «сам круг предметов, которых касалась ее деятельность, теперь значительно сужен по размерам и уменьшен по значению. Приговоры думы касаются немногих и притом второстепенных законодательных вопросов, лишь частично дополняющих предыдущее законодательство» [7, с. 256 — 257].

Однако Петр I не пошел на ликвидацию думы особым законодательным актом. Царь просто перестал жаловать в думные чины. По данным историка Е. В. Анисимова: «...в 1702 — 1712 гг. пожалованы в бояре были всего 3, в окольные — 4, а в думные дворяне — 2 чел.» В результате такой политики происходило «вымирание» думцев: «Со 112 чел. в 1698 — 1699 гг. это число сократилось до 83 в 1702 г., причем численность бояр упала с 40 до 26 чел.» [8, с. 21]. Совещания с боярами продолжались в так называемой, Ближней канцелярии, которая сама по себе была не более как личной канцелярией царя и учреждением постоянным; но съезды бояр в канцелярии — уже не учреждение, постоянно действующее. В последующие годы, до учреждения сената, Петр I, во время отъездов своих из столицы, поручал ведение дел нескольким лицам, но не доверял им и не полагался на них.

На смену Боярской думе в первом десятилетии XVIII в. пришли два высших государственных органа, которые были с ней связаны — «Консилия министров» и Расправная палата Боярской думы. Таким

образом, в конце XVII в. роль Боярской думы постепенно снижалась, что было вызвано объективными историческими предпосылками.

Таким образом, Боярская дума была учреждением, тесно связанным с судьбой известного класса московского общества; она была политическим учреждением, которое создавало московский государственный и общественный порядок и им руководило. По своему специальному составу это было аристократическое учреждение. Такой его характер обнаруживался в том, что большинство его членов почти до конца XVII в. выходило из известного круга знатных фамилий и назначалось в думу государем по известной очереди местнического старшинства. Единственной постоянной опорой устройства и значения Боярской думы был обычай, в силу которого государь призывал в управление людей боярского класса в известном иерархическом порядке. Крепость этого обычая создана была историей самого Московского государства.

Библиографический список

1. Сергеевич, В. И. Лекции по истории русского права / В. И. Сергеевич. — СПб., 1888. — 432 с.
2. Ключевский, В. О. Боярская дума Древней Руси. — М., 1902. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book54884/#page/395/mode/1up> (дата обращения: 06.07.2012).
3. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. — М.: Высшая школа, 1983. — 352 с.
4. Соборное уложение 1649 года. — Глава X. — О суде. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (дата обращения: 12.10.2012).
5. Базилевич, К. В. Царская власть и Боярская дума // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / К. В. Базилевич, С. К. Богоявленский, Н. С. Чаев, 1955. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35688.php?PRINT=Y> (дата обращения: 08.07.2012).
6. Ерошкин, Н. П. Государственные учреждения монархии с Боярской думой и боярской аристократией. Фрагменты. Публикуется по: Ерошкин Н. П. Очерки государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35688.php?PRINT=Y> (дата обращения: 08.07.2012).
7. Богословский, М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 4 (1699 — 1701) / М. М. Богословский. — М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1948. — 514 с.
8. Анисимов, Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. / Е. В. Анисимов. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. — 331 с.

БЕЛОВА Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), заведующая кафедрой истории Отечества и экономики.
Адрес для переписки: belova.t.a@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.10.2012 г.

© Т. А. Белова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДМИНИСТРАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1905—1914 гг.

В статье на основе архивных материалов и периодической печати анализируется деятельность губернаторов и губернских правлений Западной Сибири в 1905—1914 гг.

Ключевые слова: местное управление, губернатор, Западная Сибирь.

Деятельность западносибирской администрации была напрямую связана со всеми сторонами жизни края. От политики высшей местной власти зависело обеспечение продовольствием населения, состояние медицинской и ветеринарной помощи, положение уездных учреждений и должностных лиц и прочее. Каждое из перечисленных направлений может стать темой для самостоятельного исследования. Мы остановимся лишь на общей характеристике деятельности администрации по стабилизации общественно-политической ситуации в регионе, по надзору за работой уездных учреждений, городского самоуправления, по решению вопросов, связанных с обеспечением продовольствием населения.

В исследуемый период общественно-политическая ситуация была достаточно нестабильной. Период Первой русской революции 1905—1907 гг. стал своеобразным испытанием для центральных и местных органов власти. Высшая местная бюрократия стремилась выработать проекты улучшений, сохранить спокойствие среди населения, но, как отмечали современники, со временем «все заботы правительственных агентов в Сибири» стали выражаться только в одних репрессиях, что вело к росту оппозиционных настроений в отношении администрации.

Для подавления революции правительство использовало все свои силы. Губернии и области объявлялись на военном положении. Так, 23 декабря 1905 г. указом царя были объявлены на военном положении Томск и все уезды Томской губернии, прилегающие к Сибирской железной дороге (Каинский, Томский, Барнаульский и Мариинский), а также Тобольский, Тюменский, Курганский, Ишимский и Тюкалинский уезды Тобольской губернии, Петропавловский и Омский уезды Акмолинской области [1, с. 908].

В Тобольской губернии в конце 1905 г. в связи с болезнью губернатора А. П. Лаппа-Старженецкого исполнение обязанностей начальника губернии было возложено на вице-губернатора А. Н. Тройницкого, который был известен как человек с «крутым нравом», считавший, что только наличие войск будет являться гарантией сохранения спокойствия в губернии. После введения военного положения он получил права временного генерал-губернатора, вскоре в Тобольск из Омска были присланы две роты солдат [2, с. 103]. Исполняющий обязанности томского временного генерал-губернатора К. С. Нолькен в начале января 1906 г. принял обязательное постановление о запрещении всех «сборищ в числе более трех человек», а также митингов и собраний [3]. Были усилены военные гарнизоны в городах.

Военное положение «превратилось в бесконечный процесс торможения обывателей, мелких придви-

рок, беспокойств и неприятностей». Prestиж самой власти, ее идея, компрометировались и падали в глазах населения [4]. Со временем оно было заменено на положение чрезвычайной охраны, которое также было основано на расширении круга обязанностей и пределов власти существовавших административных учреждений по охране государственного порядка и общественной безопасности.

Поведение начальников губерний в этот период похоже на размышления мифического губернатора из фельетона: «В губернии должна быть крамола и губернатор должен с ней бороться. Тогда это губерния и губернатору идут и награды, и повышения, и суммы на экстренные расходы. Нет крамолы, должно быть в губернии какое-нибудь засилье и губернатор должен с этим засильем воевать. Но если нет ни крамолы, ни засилья, так что же это за губерния? В ней только заплесневеть можно губернатору» [5].

В ноябре 1905 г. был принят указ «О временных правилах о повременных изданиях», которым отменялись предварительная цензура и административные взыскания, устанавливался судебный порядок решения дел о печати. Губернаторы должны были осуществлять регистрацию открывающихся изданий. Согласно указу «О временных правилах об обществах и союзах», заявление о регистрации общества должно было подаваться губернатору, а затем в присутствии по делам об обществах, обязанности которого возлагались на общие присутствия губернского управления, в составе установленном для рассмотрения дел, касающихся городского общественного управления [6, с. 208].

Общество могло быть закрыто губернатором, если носило «антиобщественный характер». Это решение должно было утверждаться присутствием по делам об обществах и союзах. Одновременно был принят указ «О временных правилах о собраниях», по которому собрания под открытым небом могли проводиться только с разрешения полиции или губернатора [7].

По положению о выборах в Государственную думу 1907 г. общий надзор за правильным руководством выборов возлагался, под руководством министра внутренних дел, на губернаторов. В частности, им было предоставлено право требовать от подлежащих мест и лиц сведения о ходе и порядке выборов, давать указания к обеспечению правильного хода выборов. Они могли в порядке надзора выносить на обсуждение уездных и губернских по делам о выборах комиссий обнаруженные им недостатки. По окончании выборов выборное производство предоставлялось председателями избирательных собраний губернатору, который препровождал его в Государственную думу. Таким образом, на губернаторов

были возложены новые обязанности, требующие от них определенных знаний, умения разбираться в общественно-политической обстановке в стране.

В ситуации существования разных стадий чрезвычайного положения начальники губерний стремились посредством издания обязательных постановлений контролировать практически все стороны жизни населения. Так, согласно постановлению тобольского губернатора Д. Ф. Гагмана от 15 сентября 1909 г., был воспрещен созыв волостных и сельских сходок без разрешения крестьянских начальников, место жительства которых часто было удалено от селений участка более чем на 100 верст, что существенно затрудняло работу.

Деятельность томских администраторов по стабилизации общественно-политической ситуации часто негативно оценивалась в печати: «если вы заглянете в летописи работ губернской администрации», «то найдете беспрерывные кары, штрафы, наложенные и налагаемые на отдельных лиц, на учреждения и целые сельские общества» [8]. Подобные действия властей вели к падению их авторитета среди населения Западной Сибири.

Местные власти обязаны были следовать всей строгости закона и фиксировать любые изменения в настроении масс. Тем не менее при желании губернаторы могли представить положение губерний в необходимом для них свете. Например, томский губернатор П. К. Гран в секретном письме начальнику губернского жандармского управления И. П. Мазурину в марте 1913 г. просил подготовить политический обзор губернии за 1911–1912 гг. таким образом, чтобы «наилучшим образом осветить положение дела на местах» [9]. В целом деятельность администрации по стабилизации общественно-политической ситуации в регионе была направлена на усиление надзора и контроля, местные чиновники обязаны были фиксировать в отчетах состояние рабочего движения, деятельность профсоюзов, настроение интеллигенции и пр.

Уездное управление в Западной Сибири требовало внимания и поддержки губернской администрации. Губернаторы осуществляли контроль за деятельностью уездных учреждений, указывали на обнаруженные недостатки. Например, ревизия делопроизводства Омского уездного управления в 1905 г. выявила недочеты, которые являлись общими для всех уровней власти и были связаны в основном с организацией делопроизводства [10].

Одной из причин медленного решения вопросов в губернских управлениях было ежегодное увеличения делопроизводства в подчиненных им структурах. Например, в канцелярии Омского уездного управления размер делопроизводства увеличился в 3,5 раза в за 1905–1910 гг. В результате часто не было возможности отправить необходимые бумаги по требованию областного правления в установленные сроки, что в свою очередь замедляло сбор материала или вынесение определения в самом правлении. Поэтому решение какого-либо вопроса могло затянуться на несколько месяцев и более.

Имевшие место ревизии делопроизводства и деятельности уездных учреждений призваны были улучшить их работу, но многие проблемы оставались нерешенными. В частности, недостаточное кадровое и материальное обеспечение чинов в определенной степени влияло на эффективность деятельности этих органов. Кроме того, по сообщениям в печати можно судить, что проверка, проводимая губернаторами, могла быть довольно поверхностной. Например,

Д. Ф. Гагман в 1909 г. провел осмотр и ревизию всех учреждений Туринского уезда Тобольской губернии всего за один день, вряд ли за это время можно было сделать полноценный вывод о состоянии уездных органов [11].

По «Городовому положению» 1892 г. губернаторы осуществляли надзор за правильностью и законностью действий городского общественного управления, в том числе получили право судить о целесообразности деятельности дум и управ. Кроме того, они периодически контролировали их работу. Так, томский губернатор барон К. С. Нолькен проводил летом 1908 г. ревизии некоторых учреждений г. Кузнецка, Нарымского края, городского общественного управления Каинского уезда [12]. При этом губернатором было отмечено, что некоторые городские управления применяли «Городовое положение» 1892 г., не учитывая изменения и дополнения, принятые впоследствии.

В одном из номеров журнала «Сибирские вопросы» за 1910 г. описывался случай, связанный с деятельностью акмолинского губернатора: «Новый губернатор Неверов назначил день, в который просил гласных думы собраться, чтобы совместно побеседовать с ними о нуждах города. Гласные собрались. Губернатор приехал, целый час читал гласным нотации и прописные истины и, ни слова не выслушавши от гласных, уехал» [13]. В сентябре 1911 г. А. Н. Неверовым была назначена ревизия Омского городского самоуправления. Последняя проверка последнего проводилась около десяти лет назад [14]. По результатам ревизии комиссией во главе с акмолинским вице-губернатором П. П. Кандидовым был сделан целый ряд замечаний. Указывалось, что при представлении в областную администрацию постановлений думы допускалась неоправданная медлительность, уклонения гласных от посещения заседаний характеризовались как хронические. Кроме того, критическим замечаниям было подвергнуто состояние некоторых отраслей городского хозяйства [15]. Подобные ревизии помогали вскрыть злоупотребления должностных лиц, и сделать вывод о деятельности органов городского самоуправления при решении вопросов хозяйственной и социальной жизни. Но проводились они нерегулярно и поверхностно, поэтому их значение в целом было невелико.

Проблемы управления губерниями в исследуемый период были связаны не только с усложнением общественно-политической жизни, но и с политикой переселения. В журнале «Сибирские вопросы» отмечалось, что правительственные распоряжения, распространение популярных брошюр, обещания ссуд вызвали такой подъем переселенческого движения после 1906 г., что местная сибирская администрация серьезно встревожилась [16]. Так, управляющий Томской губернией Е. Е. Извеков отмечал в своем отчете за 1910 г., что большой прирост населения и заселение безлюдных ранее местностей, возникновение новых торгово-промышленных центров усилило и осложнило деятельность административных органов. Губернские учреждения, «благодаря громадной площади губернии, с народонаселением, превышающим своею численностью народонаселение некоторых крупнейших губерний Европейской России, лишены возможности быть всегда с достаточной полнотой осведомленными о росте экономической жизни губернии и о тесно связанных с последней изменениях быта населения, а равно надлежащим образом осуществлять надзор за деятельностью уездных учреждений» [17].

Следствием большого потока переселенцев было увеличение объема работы местных учреждений, на что неоднократно в отчетах указывали начальники губерний и просили увеличить количество чинов губернского управления. Сибирская общественность видела выход из создавшегося положения в передаче переселенческого дела в руки земства, что позволило бы более последовательно решать возникающие вопросы.

Меры, принимаемые высшей администрацией, по обеспечению населения продовольствием законодательно были разделены на две категории: общие, связанные с текущими делами обеспечения благосостояния земледелия и организации торговли, и особые, связанные с неурожаем, голодом и пр. Губернаторы вместе с вице-губернаторами, уездными исправниками и другими должностными лицами совершали поездки по уездам, обращали внимание на ход посевной кампании, на состояние урожая. Но насколько высшая администрация умела реально работать, показывают чрезвычайные обстоятельства.

В результате неурожая 1911 г., охватившего Тобольскую губернию и Акмолинскую область, для местной администрации первостепенными стали вопросы помощи населению. Крестьяне Тобольской губернии в связи с неурожаем хлебов и кормов оказались в тяжелом положении, что наиболее сильно ударило по южным уездам. Бедствие приняло широкие размеры, оказываемой помощи катастрофически не хватало. Соответственно, увеличился объем работ у крестьянских начальников, ежедневно осаждаемых голодающими старожилами и переселенцами. Но, не имея необходимых средств, они чаще всего отказывали в помощи нуждающимся крестьянам. В октябре 1911 г. тобольский губернатор Д. Ф. Гагман отмечал, что единственной формой помощи правительством были признаны общественные работы и продажа хлеба по заготовительной цене. Но в исключительных случаях все же требовалась выдача ссуд на продовольствие. В частности, крестьянские начальники и уездные съезды должны были иметь в виду, что подобные ссуды могли выдаваться лицам, не имеющим заработков, лишнего скота или другого имущества, которое можно продать без последствий для хозяйства, не способных к труду. К тому же ссуды были возможны после истощения общественных хлебных запасов и только хлебом (пшеницей и рожью). Все собранные сведения о нуждающихся жителях крестьянские начальники должны были предоставить в уездные съезды, после рассмотрения в которых все материалы должны были отправить в губернское управление для проверки и утверждения [18].

Возникшие проблемы обсуждались губернским агрономическим совещанием и общим присутствием тобольского губернского управления в феврале 1912 г. В результате предпринятых действий было признано необходимым везти в пределы губернии уже в начале марта сено, заготовленное в Томской губернии казной, крестьянскими обществами, товариществами и частными торговцами для продажи по заготовительной цене. В свою очередь, общее присутствие предполагало выдать получившим ранее неполные ссуды, дополнительно до 10 руб. на голову наличного скота, а не получавшим ссуд — до 20 руб. на голову. Таким образом, предполагалось ослабить бедствие и сохранить большее количество молочного скота.

Тем не менее оказываемая помощь была недостаточной, бедствие принимало широкие масштабы. Из-за отсутствия корма гибли лошади и скот. В сложившейся ситуации реальная помощь напрямую

зависела от согласованности в действиях должностных лиц. С целью выяснения объема необходимой помощи еще летом 1911 г. губернатором А. Н. Неверовым было проведено обследование наиболее пострадавших от неурожая районов Акмолинской области. Было установлено, что в их числе оказалось 684 селения с общей численностью в 206 295 человек. Согласно циркуляру Совета министров помощь им, как и в Тобольской губернии, была оказана посредством организации общественных работ «для доставления заработков пострадавшему населению», а продовольственная помощь допускалась лишь на время зимних месяцев и больным и слабым семьям [19]. Кроме того, для того чтобы иметь реальное представление о проводимых общественных работах, оказании продовольственной помощи населению, а также о предварительных данных о будущем урожае, А. Н. Неверов регулярно совершал поездки по области.

В 1912 г. урожай оказался меньше ожидаемого. Губернаторы требовали от своих чиновников точных сведений о положении на местах. Согласно распоряжению томского губернатора П. К. Грана, крестьянские начальники, уездные исправники обязаны были в кратчайший срок предоставить проверенные данные об урожае трав и хлебов и наметить меры для помощи тем, кто в ней будет нуждаться. Как местные, так и центральные власти предпочитали решать большинство возникавших вопросов с помощью увеличения штатов. Тобольский губернатор во всеподданнейшем отчете за 1911 г. указывал на необходимость устранения некоторых затруднений, имевших место при выдаче продовольственных ссуд. В свою очередь министр внутренних дел отмечал, что для помощи по заведению продовольственным делом крестьянским начальникам и уездным съездам Тобольской губернии были командированы четыре непременных члена и пять земских начальников, но увеличение управленческого аппарата не могло решить эти проблемы.

Важным показателем эффективности работы высшей администрации является решение задач по обеспечению общественного благоустройства, народного здоровья, организации ветеринарного дела в крае. Эти проблемы решались под руководством губернаторов чиновниками отделений губернского управления.

Деятельность по обеспечению общественного благоустройства, то есть надзор за казенными зданиями, составление и утверждение проектов и смет на строительные и ремонтные работы в общественных зданиях была сосредоточена в строительном отделении губернского управления. На протяжении 1908 — 1912 гг. его чиновниками в Тобольской губернии была проделана следующая работа. Во-первых, регулярно проводился ежегодный ремонт зданий, занимаемых правительственными учреждениями и должностными лицами (их было 22). На эти нужды в 1908 г. было израсходовано 9 781 руб., в 1910 г. — 10 070 руб. (содержание зданий, занимаемых губернскими присутственными местами, губернатором и вице-губернатором — 4 030 руб., на капитальный ремонт казенного губернаторского дома — 5 800 руб., а на ремонт зданий в 10 городах губернии, занимаемых уездными присутственными местами, всего 240 руб.), в 1912 г. — 8 052 рубля. Во-вторых, чиновники строительного отделения составляли и утверждали проекты и сметы на разные работы в общественных зданиях, также на постройку новых и ремонт старых церквей, часовен, школ. Так, в 1908 г. было выполнено заказов на 987 432 руб., в 1910 г. — на 1 258 534 руб., в 1912 г. — на 687 350 рублей [20].

Таким образом, в отделении постоянно велась работа по содержанию казенных зданий, по разработке новых проектов. Объем ее не был постоянным и зависел от поступающих заказов. Обращает на себя внимание большой расход средств на ремонт казенного губернаторского дома, проводимый по распоряжению Д. Ф. Гагмана, затраты на который в несколько раз превысили отпущенные для этой цели средства, судя по сообщениям в журнале «Сибирские вопросы».

Губернаторы должны были следить за тем, чтобы во вверенной им губернии или области не возникало эпидемий, а в случае необходимости оказывать помощь населению. Общее управление врачебной частью губернии находилось в ведении врачебного отделения. В связи с нехваткой медицинского персонала (в среднем на одного городского врача в Тобольской губернии приходилось 3 119, а на сельского врача — 63 595 человек) и большими расстояниями, часть населения не имела возможности получить необходимую помощь. Тем не менее количество лечебных заведений и число обратившихся за помощью постепенно увеличивалось (в 1908 г. — 64 больницы и 450 276 человек соответственно, в 1910 — 68 и 512 832, в 1912 — 87 и 712 409). Параллельно шло увеличение персонала, что позволяло улучшить качество медицинского обслуживания в губернии и снизить вероятность эпидемий. Так, в Томской губернии в 1905—1910 гг. численность медицинского и фармацевтического персонала возросла со 147 до 256 человек, в основном они работали в Томске и его уезде [21].

Губернаторы постоянно напоминали уездным начальникам о необходимости сообщения участковому фельдшеру и врачу о каждом заболевании заразной болезнью для оказания «немедленной помощи больным и принятия неотложных мер к ее нераспространению» [22]. Кроме того, начальники губерний должны были быть сами в курсе всех событий. Так, в январе 1911 г. акмолинский губернатор А. Н. Неверов совершил обозрение области с посещением пунктов, которые, по сведениям врачебного отделения, являлись неблагополучными по причине широкого распространения тифа и цинги [23].

Заведование ветеринарным делом в было возложено на ветеринарное отделение губернского управления. Его чиновники должны были разрабатывать программы проведения мероприятий, связанных с решением подведомственных им вопросов. Благодаря их деятельности существовавшее предубеждение против ветеринаров среди сельского населения постепенно уменьшалось. За 1906—1910 гг. в Томской губернии количество ветеринарных врачей, подведомственных губернской администрации, увеличилось с 31 до 47, фельдшеров — с 58 до 66 человек [24]. В 1910 г. ветеринарами Тобольской губернии было принято 16 388 больных животных, в 1912 г. — 28 508, несмотря на значительные расстояния и невозможность многих крестьян обратиться за помощью. Кроме того, представителями ветеринарного отделения губернского правления проводились мероприятия по борьбе с эпизоотиями.

Работа строительного, врачебного, ветеринарного отделений осложнялась отсутствием необходимого количества лиц, имеющих специальное образование. Не хватало сельских врачей, фельдшеров. Делопроизводство этих отделений часто было запущено по причине частых изменений в составе делопроизводителей и их помощников. Но эти проблемы были общими для канцелярий губернских управлений и областного правления.

В целом, по рассмотренным направлениям деятельности администрации, имела место определенная положительная динамика. Контроль за работой уездных и городских учреждений помогал вскрыть злоупотребления должностных лиц, улучшить состояние делопроизводства. У населения появилось больше возможностей для получения медицинской и ветеринарной помощи, увеличивалось число учебных заведений. Но проводимых мероприятий было недостаточно в связи с обширными территориями и нехваткой квалифицированных кадров.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. — СПб. : Государственная типография, 1908. — Т. 25. — № 27093.
2. Копылов, Д. И. Тобольск / Д. И. Копылов, Ю. П. Прибыльский. — Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1975. — 224 с.
3. Коняев, А. Т. Томская организация РСДРП в период ступления Первой русской революции (1906—1907 гг.) / А. Т. Коняев // Томску — 375 лет. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1979. — С. 94—105.
4. Сибирские вопросы. — 1907. — № 23. — С. 3—4.
5. Омский вестник. — 1910. — 5 июня.
6. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. Б. В. Виленский ; под общ. ред. О. И. Чистякова. — М. : Юридическая литература, 1994. — 352 с.
7. Законодательные акты переходного времени 1904—1908 / Под ред. Н. И. Лазаревского. — СПб. : Деятель, 1909. — 600 с.
8. Сибирские вопросы. — 1912. — № 3—4. — С. 41—43.
9. ОГКУ «Государственный архив Томской области». Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 25.
10. КУ ОО «Исторический архив Омской области». Ф. 14. Оп. 1. Д. 1169. Л. 5.
11. Сибирские вопросы. — 1909. — № 15. — С. 35—37.
12. Сибирская жизнь. — 1908. — 4, 17, 28 мая.
13. Сибирские письма // Сибирские вопросы. — 1910. — № 45—46. — С. 71—72.
14. Омский вестник. — 1911. — 24 сентября.
15. КУ ОО «Исторический архив Омской области». Ф. 190. Оп. 1. Д. 206. Л. 190—263.
16. Сибирские вопросы. — 1907. — № 18. — С. 2.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 98. Л. 6.
18. КУ ОО «Исторический архив Омской области». Ф. 20. Оп. 1. Д. 100. Л. 93.
19. Особые журналы Совета министров Российской империи 1909—1917 гг. / 1911 год. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2002. — 592 с.
20. Обзор Тобольской губернии за 1908 г. — Тобольск, 1909. — С. 14.
21. Обзор Томской губернии за 1905 год. — Томск : Губернская типография, 1906. — 40, [84] с.
22. КУ ОО «Исторический архив Омской области». Ф. 20. Оп. 1. Д. 168. Л. 204.
23. Омский вестник. — 1911. — 13 января.
24. Обзор Томской губернии за 1910 год. — Томск : Типография Губернского управления, 1912. — 55, [90] с.

ГЕРМИЗЕЕВА Виктория Викторовна, доцент кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук.

Адрес для переписки: vika-germ@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.04.2012 г.

© В. В. Гермизеева

СПЕЦИФИКА КАДРОВОГО СОСТАВА ЧИНОВНИЧЕСТВА ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА В XIX В.

В XIX веке российское правительство, столкнувшись с проблемой качественного несоответствия западносибирской администрации стандартам империи, вынуждено было закрывать глаза не только на образовательный и сословный ценз, но и политическую благонадежность чиновников. Наряду с неразвитостью инфраструктуры, цивилизационной неустроенностью, значительной преградой на пути к административной интеграции региона являлся недостаток учебных заведений. Поэтому появление и развитие в Западной Сибири разного уровня учебных заведений было связано, в первую очередь, с потребностью в квалифицированных чиновничьих кадрах. Региональный аспект исследования позволяет ввести в научный оборот документы из фондов Государственного архива Омской области. Вопрос административной интеграции Западно-Сибирского генерал-губернаторства в рамках империи актуален для Омского региона и в наши дни.

Ключевые слова: администрация, чиновничество, квалифицированные кадры, генерал-губернаторство.

С момента образования в 1822 году Западно-Сибирского генерал-губернаторства актуальным становится вопрос о правилах комплектации чиновничьего аппарата. Проблема в том, что на окраинах империи, и степные области Западно-Сибирского генерал-губернаторства не исключение, не хватало местных чиновничьих кадров, подходящих по образованию и, что немаловажно, для феодальной империи, по сословной принадлежности. Рассчитывать на достаточный приток квалифицированных кадров из центра страны, при непростых климатических условиях, неразвитости инфраструктуры и цивилизационной неустроенности, не приходилось.

Об этом свидетельствует отчет западносибирского генерал-губернатора за 1855 год. В нем о чиновничьих кадрах сообщается следующее: «замеченная в прошедшие годы медлительность в делопроизводстве принятыми административными мерами постепенно искореняется, впрочем, совершенному уничтожению ее препятствуют чрезвычайно малый и ограниченный, в сравнении с числом и обширностью дел, состав присутственных мест и канцелярий; равно недостаток благонадежных и сведущих чиновников... По недостатку благонадежных чиновников в течении 1855 года 79 мест остались незанятыми» [1, л. 40]. В такой сложной кадровой ситуации стало нормой, когда на должностях секретаря или заседателя оказывались рядовые толмачи. Правительство, пытаясь решить кадровую проблему, постоянно металось между желанием обеспечить администрации окраин необходимым числом чиновников и стремлением гарантировать определенный качественный уровень чиновничьего состава.

Как и в Закавказье, пять лет службы в сибирской администрации приравнивались к семи годам. Поступившие на службу в Сибирь чиновники производились в следующий чин до коллежского советника (VI класс) включительно, а также получали третью часть годового жалованья и прогоны до места службы. За полученные льготы чиновник обязан был про-

служить в Сибири не менее трех лет. Оставаясь в Сибири на длительный срок, чиновник по закону сокращал тем самым сроки выслуги пенсии [2, с. 26–27].

Среди преимуществ сибирской службы пристальное внимание заслуживает льготное чиновное производство. Особенно большое значение оно имело с 1845 по 1856 годы, т. к. в этот период уже чина VIII класса коллежского асессора было достаточно для приобретения личного дворянства. Более того, до 1856 года чин V класса, т.е. статского советника обеспечивал потомственное дворянство. Позже его получали при достижении чина IV класса, т.е. действительного статского советника [2, с. 22].

Согласно указам от 23 мая 1803 года и 22 апреля 1804 года, сибирский губернатор имел право принимать на службу «не по классам, а по уважению истинных способностей» [3]. Затем, в 1815 году, по предложению генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля, Комитет министров санкционировал выдачу отправлявшимся на службу в Сибирь годового жалованья без зачета. При этом Комитет министров постановил осуществлять выдачу годового жалованья только по прибытию к пункту назначения. Эта мера была вызвана намерением прекратить прежнюю практику нарочито долгого «путешествия» чиновников до места службы со значительной издержкой казенных средств. Однако предприимчивые добровольцы все равно не растерялись. Нередко после получения чинов и денежных льгот чиновники брали отпуск и специально просрочивали его, чтобы добиться желанного увольнения со службы. В общем, приезжие чиновники обычно дольше положенного срока не задерживались [4, с. 231].

В то время как для чиновников Российской империи, в целях повышения образовательного уровня, 6 августа 1809 года вступил в силу закон, предусматривавший экзамены при производстве в чины коллежского асессора и статского советника, для Сибири было сделано особое исключение. Похоже, что данный закон кроме открыто заявленной цели —

повышение образованности чиновников, имел и скрытый смысл — ограничить приток лиц недворянского происхождения в среднее чиновничество и дворянство. Как правило, хорошее образование было отличительной чертой представителей дворянских семейств.

Но профильтровать чиновничество Сибири не представлялось возможным. В местных условиях дефицита чиновников приходилось довольствоваться тем, что есть, а порой для комплектации чиновничьего аппарата принимать весьма неординарные меры. Например, в 1810 году, идя навстречу просьбам сибирского генерал-губернатора, Комитет министров разрешил привлекать на государственную службу ссыльных в качестве надзирателей больниц и рабочих домов. Позже, по ходатайству цесаревича Александра, в 1837 году посетившего Сибирь, некоторым ссыльным из дворян и лицам, в прежнем звании не поддежавшим телесным наказаниям, было позволено служить канцеляристами. Еще одним, довольно смелым для николаевской эпохи, шагом в этом направлении стал указ 22 июля 1837 года, по которому посланные на поселение дворяне и чиновники, прожившие в Сибири не менее 10-ти лет, с хорошим поведением, могли с согласия главного сибирского начальства поступать на гражданскую службу. Прослужив 12 лет, эта категория чиновников имела право на первый классный чин [4, с. 231]. В результате перечисленных нововведений чиновничий состав Сибири наполнился людьми, имевшими за плечами, с точки зрения политической благонадежности, сомнительное прошлое. В их числе оказывались, например, декабристы и участники польского восстания.

В 1825 году Сибирский комитет разрешил брать на канцелярские должности детей городских казаков, с обучением их в военно-сиротском отделении. Хотя уже в 1827 году такую сословную уступку власти сочли чрезмерной, и 14 октября вышел закон, запрещающий принимать на государственную гражданскую службу детей нижних воинских чинов и не дворян. Но эта практика продолжалась и в 1830-х годах.

Все в том же 1827 году было разрешено поступать в канцелярию ГУВС лицам податного сословия. Кроме того, должности канцеляристов в Сибири предлагались исключенным или не устроившимся в течение года ученикам духовных училищ [4, с. 231].

Далее, в 1835 году «Положением о преимуществах службы в губерниях и областях сибирских, в Грузии и областях Кавказской и Закавказской» сибирские льготы были ограничены и представляли собой в основном только надбавки к жалованью, сокращение срока выслуги пенсии и право на орден Св. Владимира IV степени. Также сокращался срок обязательной службы для приезжих чиновников. Теперь он составлял один год, что вызвало особое недовольство местного начальства. В 1842 году трехлетняя норма была восстановлена [2, с. 27].

Наконец, в 1855 году в «видах поощрения служащих в Сибири чиновников», по высочайше утвержденным положениям Сибирского комитета, были дарованы новые права и преимущества. Во-первых, «привилегии чиновникам, отправлявшимся в Сибирь на службу на должности до VI лишь класса включительно, распространяемы и на тех, кои будут определяемы туда на должности свыше VI класса». Во-вторых, «должности советников и начальников отделений Главных управлений в Сибири возвышены по пенсии из второй в первую степень третьего разряда общего расписания должностей по окладам пенсий». В-третьих, «главным местным начальникам в Сибири

дозволено на должности, положенные по общему расписанию в VI классе, определять чиновников, состоящих в чинах VIII класса, с тем, чтобы они об определяемых ими на сём основании чиновниках, сообщали Инспекторскому департаменту гражданского ведомства непосредственно для внесения в высочайшие приказы» [1, л. 41 — 42].

По мере интеграции казахской степи проблема кадров возникала также и на уровне традиционных для казахского общества институтов управления. Логика развития империи требовала рационализации и унификации, а область управления служила в данном случае основой. Все преобразования и реформы, постепенно подгонявшие национальную администрацию в соответствие с имперскими образцами, повышали уровень претензий к её качеству. Такие качества представителей национального управления как авторитетность и природный ум, в новых условиях становились уже недостаточными. Для упрощения административного процесса требовались люди, обладавшие некоторыми специальными знаниями, умеющие грамотно говорить и писать по-русски.

Именно эта практическая нужда, а не бытовавшие в то время теории о просвещении, которое одно «может смягчить нравы народа дикого» [5, с. 433], способствовала внедрению образования среди нерусских подданных империи.

Большая роль в подготовке национальных кадров принадлежала учреждённой ещё в 1789 году Омской азиатской школе. Как следует из источников, «комплектующие учеников должно было производиться ... из детей сибирского линейного казачьего войска, а впоследствии дополнительно ... и детей чиновников магачетанского вероисповедания, служащих в пограничном сибирском штате. Ученикам «преподавались по-русски одно чтение и правописание, при изучении татарского и монгольского языков» [6, с. 104]. По-видимому, квалификационный уровень выпускников азиатской школы не устраивал местное начальство. Поэтому утвердилась практика некоторых учеников азиатской школы доучивать в учебных заведениях более высокого уровня.

Так, в 1822 году первый генерал-губернатор Западной Сибири Пётр Михайлович Капцевич (1822 — 1828) попросил министра духовных дел и народного просвещения разрешить шести ученикам азиатской школы изучать языки персидский и арабский в Казанском университете, но предварительно усовершенствоваться в знании русского и татарского в Казанской гимназии. В итоге помимо удовлетворения данной просьбы последовало и «высочайшее соизволение с тем, чтоб кроме сей благодетельной меры на улучшение школы производить от азиатского департамента по 5000 рублей в год с 1 июля 1822 года» [6, с. 105]. Более того, в 1826 году Пётр Михайлович хлопотал об открытии университета в Омске, но безуспешно.

В 1828 году, сменивший Капцевича, генерал-губернатор Иван Алексеевич Вельяминов (1827 — 1834) «для вернейшего удовлетворения правительства», поставил Омскую азиатскую школу «под одно управление с войсковым училищем», директором которого являлся полковник Черкасов. Тогда же перечень преподаваемых дисциплин пополнился следующими предметами: «закон Божий, русский язык, всеобщая и российская география и арифметика, кои выводимы были по мере успехов учащихся» [6, с. 104 — 105].

С момента своего основания школа готовила переводчиков и толмачей для местной администра-

ции. Например, после повышения квалификации в Иркутске, в 1822 году один учитель монгольского языка был направлен в Бухтарминскую крепость переводчиком, а двое учеников в 1826 году приняты толмачами в Каркаралинский внешний округ [6, с. 105]. В 1829 году профессиональная специализация азиатской школы была расширена. По высочайшему повелению, ежегодно при экзаменах осуществлялся «выбор учеников в топографы по 5 человек» [6, с. 106]. Причем для учеников в топографы были введены новые предметы: алгебра, геометрия, практическая съемка и черчение ситуаций, а для толмачей — российская и всеобщая история.

Таким образом, Омская азиатская школа преимущественно обеспечивала кадрами не администрацию, а вспомогательный аппарат к ней. А управленцев и также военных специалистов готовило учебное заведение более высокого уровня — учрежденный в Омске в 1846 году Кадетский корпус. В Кадетском корпусе могли обучаться «...сыновья офицеров отдельного Сибирского корпуса и сыновья гражданских чинов из дворян, служащих или служивших в Сибири...». Для детей казахских султанов и казахов с военными или гражданскими чинами в рамках Кадетского корпуса были учреждены особые курсы [7]. Кроме общеобразовательных предметов (языков, математики, физики, химии, истории, географии и т. п.) кадеты изучали военные дисциплины: основы тактики, артиллерии, фортификации. Их обучали также строю, гимнастике, плаванию, фехтованию, верховой езде, пению и танцам.

Несмотря на все меры, предпринимавшиеся для вовлечения казахского населения в систему российского образования, проблема профессиональной компетентности казахских чиновников по-прежнему оставалась актуальной. Слишком малым для края было количество учебных заведений, а учиться в них могли далеко не многие. В условиях, когда в целом по российской империи наблюдался крайне низкий уровень грамотности населения, не говоря уже об образованности, нелепо было ожидать большего от степных окраин.

Как видно из динамики кадровой политики, правительство в ситуации карьерной непривлекательности региона вынуждено было закрывать глаза не только на образовательный и сословный ценз, но и политическую благонадёжность чиновников, привле-

кая на службу даже ссыльных. При этом представители западно-сибирской администрации, в первую очередь, генерал-губернаторы осознавали, что главная проблема — низкий уровень образованности местных претендентов на чиновничьи посты. Поэтому возникновение и развитие в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве учебных заведений разного уровня было связано, в первую очередь, с потребностью в квалифицированных чиновничьих кадрах.

Библиографический список

1. Отчёт западно-сибирского генерал-губернатора за 1855 год // Государственный архив Омской области. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4382.
2. Матханова, Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации / Н. П. Матханова. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. — 250 с.
3. Устав о службе по определению от правительства // Свод законов Российской империи. — СПб., 1842. — Ч. 3. — Кн. 1. — Ст. 927.
4. Ремнёв, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев ; отв. ред. А. П. Толочко. — Омск : ОмГУ, 1995. — 236 с.
5. Инструкция управляющего министерством иностранных дел К. В. Нессельроде В. Ф. Тимковскому (15 июня 1820 года) [Текст] // Внешняя политика России XIX и начала XX века : док. Российского министерства иностранных дел ; ред. кол. : А. Л. Нарочницкий и др. — М. : Наука, 1979. — Сер. 2. — Т. III. — 880 с.
6. Из истории Омска (1716–1917): Очерки, документы, материалы / Отв. ред. Евсеев. — Омск : Западно-Сибирское кн. изд-во, 1967. — 222 с.
7. Соколов, Валентин. Первый Сибирский императора Александра I кадетский корпус [Электронный ресурс] // Мгнитные бури нашего Отечества. Белое дело. — URL: <http://xx13.ru/kadeti/sibirski.htm> (дата обращения: 21.10.2012).

ЕМЕЛЬЯНОВА Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и экономики.

Адрес для переписки: Nata77e@Yandex.ru

Статья поступила в редакцию 19.10.2012 г.

© Н. М. Емельянова

Книжная полка

Белелюбский, Ф. Б. Курс отечественной истории IX – начала XXI веков. Основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе : учебник для вузов. Т. 1. / Ф. Б. Белелюбский. – 3-е изд. исправ. и доп. – М. : ИТРК, 2013. – 665 с. – ISBN 978-5-88010-290-7.

Освещается отечественная история от возникновения Древнерусского государства до конца XX в. Рассматриваются основные этапы развития российского общества в контексте мирового исторического процесса, показываются как общие закономерности, так и особенности исторического пути и характера российской цивилизации, ее уникальное место и вклад в мировое общественное развитие. В изложении материала используется системный анализ, сочетание цивилизационного и формационного подходов на современном уровне исторического познания. Содержание учебника соответствует госстандарту третьего поколения по дисциплине «История» и примерной программе, рекомендованной научно-методическим советом МОИ РФ в 2009 году. Учебник предназначен для студентов высших учебных заведений, обучающихся по техническим, естественнонаучным и другим негуманитарным специальностям и направлениям. Может использоваться в учебном процессе средних специальных учебных заведений, представляет интерес для широкого круга читателей — всех, кто занимается воспитанием молодежи и интересуется историей Отечества. 3-е издание, исправленное и дополненное.

СИБИРСКАЯ КРАЕВАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВКП(б) В 1928 г.: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

В статье характеризуются партийные организации Западной Сибири, представленные структурными подразделениями (окружными, районными и первичными), как отдельно взятыми, так и являющимися составной частью, входящей в общую политическую систему Сибирской краевой партийной организации.

Ключевые слова: партиячейка, районная парторганизация, окружная парторганизация, партийный актив, кандидатская группа.

В 1928 г. Сибирская краевая партийная организация являлась одной из пяти крупнейших в стране. Численность ее составляла 79 091 человек, из них членов ВКП(б) 52 775 и кандидатов в члены партии 26 316 [1, с. 80]. Однако численность ее для сталинского ЦК не являлась основным фактором в выборе региона по проведению чрезвычайных мер. И. Сталин и его единомышленники были уверены в правильности выбора региона, отдаленного от центральных районов страны, где большая часть коммунистов проживала в сельской местности и слабо ориентировалась в вопросах текущей политики, партийные организации на производстве были разрознены на многочисленные ячейки, общеполитический и образовательный уровень рабочих, а также руководителей округов края был ниже среднего показателя, чем в центральных районах страны. По словам второго секретаря Сибкрайкома ВКП(б) Р. Я. Кисиса, у них «...нет элементарных знаний, часто даже грамотности...» [2, с. 183]. Так, из 21 секретаря окружкомов партии среднее образование имели только шесть человек, а низшее — 15; из 62 ответственных работников окружкомов ВКП(б) имели среднее образование 20 человек, а низшее — 42. Из 21 секретаря окружных комсомольских организаций имели среднее образование всего три человека. Практически одинаковые показатели по образованию имели и руководители Сибкрайисполкома, председатели окружных исполнительных комитетов, входящих в состав номенклатурных работников Сибкрайкома ВКП(б). Так, из 21 человека с низшим образованием было 18. Характерно, что в 1928 г. на руководящих постах в окружкомов партии Западной Сибири не было ни одного человека с высшим образованием [2, с. 147]. Таким образом, главным критерием в расстановке кадров на ответственные посты было безоговорочное выполнение всех постановлений ЦК и Сибкрайкома ВКП(б), а также преданность им. По такому же принципу формировалась и структура комсомольской организации, копирующая иерархию партийной и находившейся под ее непосредственным контролем.

Немаловажным фактором также являлся парторстаж. В аппарате Сибкрайкома ВКП(б) работали коммунисты с дореволюционным стажем, которые молодым руководителям края служили примером и образцом для подражания. Хотя они и не являлись прямыми участниками кампании 1928 г., однако раз-

рабатывали идейно-политическую программу, согласно которой на политзанятиях планомерно внушалось рядовым коммунистам правильность генеральной линии ЦК ВКП(б). Так, В. Д. Вегман (один из редакторов и авторов «Сибирской советской энциклопедии»), по решению Сибкрайкома ВКП(б), осуществлял политику вытеснения старой интеллигенции и заменой ее представителями пролетарских слоев [3]. В окружкомов ВКП(б) также работали «старые» коммунисты. Они проводили среди молодых членов партии и комсомольцев идейно-политическую работу по нетерпимости кулакам, которых с 1928 г. стали считать классовыми врагами. И так, не было ни одного секретаря окружкома, вступившего в ряды партии в период с 1921 г. по 1928 г. восемь человек, из занимавших эту должность стали коммунистами до 1917 г. и столько же с 1917 г. по 1920 г. Подобная система подбора кадров соблюдалась практически во всей номенклатуре Сибкрайкома ВКП(б) [2, с. 147].

Сталинское руководство не могло управлять Сибирской партийной организацией непосредственно из Москвы, тем более подчинить ее своей воле. С этой целью при ЦК партии был создан особый отдел, возглавляемый Л. Кагановичем, который подбирал кадры и назначал их на посты секретарей обкомов, крайкомов, председателей крайисполкомов и облизполкомов [4]. Ни один из партийно-государственных руководителей не был сибиряком, так как все они присылались по разнарядке из столицы [5, с. 30–31]. И. В. Сталин считал одной из самых организованных групп в революционном отношении группу латышей, где Р. И. Эйхе и Р. Я. Кисис были секретарями Сибкрайкома партии, П. Кукштель ведал в аппарате Крайкома секретно-директивной частью, Я. Я. Озолинь заведовал особым сектором Крайкома, а А.Р. Розит возглавлял работу органов советского аппарата. Также другие ответственные должности занимали представители этой же этнической группы. Отличительной чертой всех назначенцев были твердость, организованность и преданность ЦК ВКП(б). Находившиеся на высшей ступеньке партийно-государственной власти в Сибири, они проявляли настойчивость и самоотверженность в «борьбе за большевистские темпы» преобразований, «преодоления кулацкой опасности», «выкорчевывании примиренчества и оппортунизма». Именно такие люди И. В. Сталину и его единомышленникам

в составе партийных руководителей Сибири были нужны, так как на них возлагалось практическое руководство строительством социализма.

Одним из них был С. И. Сырцов, утвержденный ЦК ВКП(б) с 1926 г. на пост секретаря Сибирской краевой партийной организации. В 1928 г. он выполнил все указания генсека по проведению чрезвычайных мер и «урало-сибирского» метода. Р. И. Эйхе с 1922 г. занимал должность продовольственного комиссара Сибкрая, а затем председателя Сибкрайисполкома, а с 1929 г. по 1937 г. — высший партийный пост Сибкрая и Западной Сибири. Для него постановления вышестоящего партийного органа являлись обязательными для исполнения, за что и ценил его И. Сталин, так как кадры, подобные Эйхе, были для него «действительной и настоящей ценностью. Ими двигали партийная идея и партийный долг» [5, с. 25–26]. Одним из главных исполнителей карательных операций в 1928 г. был Л. М. Заковский, полномочный представитель ОГПУ по Сибирскому краю, член бюро Сибкрайкома ВКП(б). Он обладал практически неограниченной властью в Сибири и пользовался особым доверием И. Сталина. Подвластные ему начальники ОГПУ входили в состав бюро ОК ВКП(б), в результате чего секретари окружкомов имели в своем подчинении руководителей ОГПУ на местах, что позволяло держать в постоянном напряжении рядовых коммунистов.

Система сталинской власти требовала от своих назначенцев неукоснительного исполнения директив, но в то же время предоставляла им и свободу действий в праве чинить произвол. Например, Р. И. Эйхе выступил инициатором ужесточения мер (на основании 107 статьи УК РСФСР) в отношении зажиточных крестьян. Этот произвол был санкционирован свыше и являлся основным способом для выполнения планов хлебозаготовок, сева и т.д. Подобные действия помогали назначенцам проводить планы сталинского ЦК и Сибкрайкома ВКП(б) в жизнь. Вместе с тем система номенклатурного подбора кадров распространялась не только на руководителей высшего партийного звена. Важной прерогативой Сибкрайкома ВКП(б) являлось также формирование нижестоящих партийных структур (окружкомов) за счет своих назначенцев, которые, в свою очередь, делали расстановку кадров в райкомах и т.д.

Также немаловажную роль в жизни партийных организаций играло расслоение общества на богатых и бедных, чему способствовало наличие свободных земель, а также дешевая рабочая сила. Материальное положение батраков в Западной Сибири было лучше в сравнении с Восточной, менее хлебоборобной. В Западном регионе работодатель оплачивал выше труд наемного рабочего, в результате чего у батраков не было стремления стать членом ВКП(б). Например, на 1 июля 1928 г. в Сибирской партийной организации стояло на партучете батраков и сельскохозяйственных рабочих 6,8 %, а в Западной Сибири данная социальная прослойка составляла 5,2 % [1, с. 89]. Так, в Омской парторганизации сельского пролетариата насчитывалось всего 5 % из 18 тысяч батраков округа, в Бийской — 2,5 %, в Кузнецкой и Новосибирской — 3,2 % [1, с. 81–82]. Снижение количества батраков в рядах партии вызвало беспокойство у Сибкрайкома ВКП(б). Особенно в период усиления репрессивных мер (с января по апрель 1928 г.), когда в Омском округе прием в ряды партии не вступило ни одного человека, Славгородском — 1, в Каменском и Новосибирском — по 6, в Рубцовском и Барабинском — по 8.

Вместе с тем в парторганизации Западносибирского края в 1928 г. наблюдается рост за счет колхозников. Это было вызвано тем, что со стороны идеологических отделов райкомов проводилась их усиленная агитация к вступлению в ряды ВКП(б) под лозунгом «Вперед, к новой жизни». Простаалинский Сибкрайком видел в них большую поддержку при проведении чрезвычайных мер, главного союзника в борьбе с кулачеством при переходе к сплошной коллективизации. В результате проведенной райкомами ВКП(б) работы процент колхозников в Славгородской окружной партийной организации вырос до 32,9 в Рубцовской — 29,7, в Бийской — 22,6 [1, с. 81–82]. Однако в округах, где было меньше количество колхозов или они были малочисленны, их рост в рядах партии был незначительным. В Новосибирском округе он составил всего 0,6 %, Томском — 4,3 %, Кузнецком 7 % [1, с. 81–82].

В западносибирских окружных партийных организациях в 1928 г. средний процент рабочих составлял 45,2. В данный показатель не входили Ойротский округ и Хакасская область, так как в них в этот период практически рабочий класс отсутствовал. В конце 1920-х годов произошло резкое увеличение численности коммунистов на производстве из-за миграции сельских тружеников на стройки народного хозяйства. Характерно, что в некоторых окружных партийных организациях наблюдалась большая разница в численном составе рабочих и крестьян. Например, в Кузнецкой, Омской, Томской. Вместе с тем были и такие, где процент сельских тружеников преобладал — в Рубцовской, Славгородской, Каменской [1, с. 81–82].

Несмотря на то что райкомы ВКП(б) увеличивали прием в партию крестьян, а на производстве рабочих, как наиболее надежных в условиях проведения чрезвычайных мер, «урало-сибирского» метода и коллективизации, одновременно было принято решение об ограничении приема интеллигенции, как не внушающей доверия. В 1928 г. в пяти вузах Западной Сибири (Томский государственный университет (ТГУ), Сибирский технологический институт (СТИ), Сибирский институт сельского хозяйства (СИСХЛ), Сибирский ветеринарный институт (СВИ), Омский медицинский институт (ОМИ)) из 5148 студентов было всего 645 коммунистов и 882 комсомольца [6].

Наблюдалась и тенденция роста цеховых ячеек в партийных организациях на фабриках и заводах Западной Сибири. Наибольшее их количество было создано к 1928 г. в Новосибирской окружной организации, так как в данном округе имелось много крупных предприятий [2, с. 310]. Это и привело к разделению первичной организации на цеховые. Незначительное же число их было в Рубцовской окружной парторганизации — 4, в Бийской и Барабинской — по 6 [2, с. 310]. По численному же составу цеховых партийных организаций к 1928 г. первое место занимал Омский округ. В нем наибольшая часть их падала на отделение железной дороги [2, с. 310]. Рост числа цеховых ячеек позволял партбюро контролировать действия коммунистов и оперативно управлять ими.

В сельской местности райкомы партии проводили постановления окружкомов и Сибкрайкома ВКП(б) через первичные партячейки, которых в 1928 г. насчитывалось 1659 (без учета Ойротской области и Минусинского, а также Хакасского автономного округа). Из них в Барабинской окружной парторганизации было 97 ячеек, Барнаульской — 235, Бийской — 248, Каменской — 131, Кузнецкой — 142,

Новосибирской — 225, Омской — 171, Рубцовской — 136, Славгородской — 125, Томской — 149 [1, с. 84]. С начала введения чрезвычайной политики сельским партиейкам отводилась особая роль, так как именно они должны были осуществлять изъятие зерна у крестьян на основании 107 статьи УК РСФСР. Поэтому Сибкрайком ВКП(б) был заинтересован в создании новых партичек и пополнении их преданными ему членами ВКП(б). С этой целью был увеличен кандидатский стаж (от года до 5 лет), с помощью которого помог определялась готовность к выполнению решений ЦК и Сибкрайкома ВКП(б), укреплялась партийная дисциплина и уменьшалось число исключенных. Например, если в первом полугодии 1927 г. было исключено из партии 835 человек, то за этот же период в 1928 г. — 536 [1, с. 88]. Кандидаты в члены партии вместе с коммунистами состояли на партучете в одной партичейке. Но были и другие, которые состояли только из кандидатов. Особенно увеличилось их число с января 1928 г. (в основном в хлебобобовых округах) в связи с тем, что Сибкрайком ВКП(б) нуждался в проводниках сталинской политики, направленной против зажиточных крестьян на местах. Так, наибольшее число сельских кандидатских групп (52) приходилось на Омскую окружную парторганизацию, тогда как партийных ячеек было 171. В Томской — 51. В менее же хлебобобовых округах их количество было значительно меньше: в Каменском и Славгородском — 13, Барнаульском — 15, Рубцовском — 22, Бийском — 23 [1, с. 84].

Вместе с тем в общее число западносибирских парторганизаций входили и партийные ячейки, созданные в колхозах. Их рост был связан прежде всего с заинтересованностью в нем партийного руководства края в период «чрезвычайщины», «урало-сибирского» метода, а также насильственной и сплошной коллективизации.

По мере того как Сибкрайком ВКП(б) старался подчинить своему влиянию жизненно важные сферы, он вынужден был увеличить число партийных работников в крае. Только за 1928 г. в целях укрепления в крае парторганизаций преданными коммунистами было на тысячу человек увеличено число партийных работников (5 711 человек) [7]. Увеличение штата в городских райкомах позволило осуществлять на предприятиях более планомерный контроль за организацией социалистических соревнований, взятием коллективами встречных планов, а также вести агитацию среди рабочих за поддержку политики чрезвычайных мер, проводимую Сибкрайком ВКП(б). В результате увеличения штатов сельских райкомов (на 600 человек) [7] Сибкрайком ВКП(б) получил в их лице активных проводников сталинской политики, направленной против зажиточных крестьян на местах.

Вместе с тем происходит формирование партийных активов из числа рядовых коммунистов. Например, актив 3-го горрайона г. Омска насчитывал 40 членов и кандидатов райкома, 326 членов бюро ячеек, 26 руководителей политшкол, 18 агитпропорганизаторов, 104 члена различных комиссий, 437 членов общественных организаций, 46 членов хозяйственного актива [8]. Резкое увеличение партактива произошло с начала второй половины января 1928 г., что было вызвано введением чрезвычайных мер в Сибирском крае. С партактивом проводились лекции, беседы не только в первичных ячейках, но и на уровне райкомов партии. Им внушалось, что долг каждого коммуниста — проводить решения ЦК ВКП(б) в жизнь (например, экспроприировать хлеб

у кулаков). К концу января 1928 г. партийный актив в Сибири насчитывал свыше 15700 человек, что составило около 20 % численности всей партийной организации края [2, с. 180].

Политическую грамотность и недостаточный общеобразовательный уровень коммунистов Сибкрайком ВКП(б) старался восполнить за счет политучебы в первичных ячейках, занятия которых проводились в присутствии лекторов райкомов и окружкомов партии. Однако главной целью их возникновения, которую преследовал Сибкрайком ВКП(б), было постепенное формирование убеждения рядовых членов партии в правильности генеральной линии ЦК ВКП(б) по введению чрезвычайных мер и нагнетанию нетерпимости в отношении зажиточных слоев деревни. Кроме того, велась борьба с бытовым пьянством среди отдельных коммунистов, которое снижало партийную дисциплину, не соответствовало моральному облику члена ВКП(б), подрывало авторитет партичейки, в результате чего наблюдалось снижение процента желающих вступить в ряды ВКП(б). Например, в Омской окружной партийной организации с октября 1928 г. по 1 октября 1929 г. было рассмотрено 285 персональных дел коммунистов, связанных с их пьянством, из которых исключили из членов ВКП(б) 92 человека [9, с. 102].

Курс на увеличение численности первичных ячеек был взят и в комсомольских организациях. В 1928 г. их было в 2 раза больше, чем партийных (5 922 ячейки). Сибкрайком ВКП(б) сознательно увеличивал их число, так как выполнял указание сталинского ЦК о привлечении комсомольцев к участию в проводимых кампаниях: «чрезвычайщины», «урало-сибирского» метода, раскулачивания и создания колхозов. В 1928 г. численность комсомольской организации Сибирского края составляла 100 093 человека [2, с. 300]. С целью увеличения партийного ядра в комсомольских организациях райкомы партии вели прием комсомольцев в ряды ВКП(б), при этом более преданных переводили на руководящую работу в первичные организации в качестве секретарей, членов бюро и комиссий.

В 1928 г. партийные организации (партичейки, районные, окружные) подчинялись высшему партийному органу Сибкрайкому ВКП(б). В результате ступенчатой структуры осуществлялись контроль и отчетность за выполнением решений сверху донизу. В итоге отлаженная система исполнительской дисциплины позволяла держать под постоянным контролем коммунистов края.

Большую часть коммунистов составляли малограмотные крестьяне и рабочие, не имеющие устойчивых политических взглядов, четкого представления о политических событиях, происходящих в стране, а поэтому легко поддающихся внушению со стороны идеологических отделов райкомов партии. Именно в них просталинский Сибкрайком ВКП(б) видел основную поддержку при проведении чрезвычайных мер, главного союзника в борьбе с кулачеством при переходе к массовой коллективизации. Поэтому Сибкрайком ВКП(б), окружные и районные парторганизации особое внимание уделяли пополнению партийных рядов в первую очередь рабочими и крестьянами (в основном крестьянской беднотой), как наиболее надежными в условиях проведения планируемых кампаний. С этой целью, во-первых, создавались новые партичейки (сельские, цеховые и т.д.); во-вторых, был увеличен кандидатский стаж (от года до 5 лет); в-третьих, создавались кружки политучебы, восполнявшие политическую грамотность и недостаточный

образовательный уровень коммунистов. Кроме того, происходит формирование партийных активов из числа рядовых коммунистов. Также в целях укрепления парторганизаций преданными коммунистами было на тысячу человек увеличено число номенклатурных работников Сибкрайкома ВКП(б). Таким образом, просталинский Сибкрайком увеличил число своих сторонников в начале проведения чрезвычайной политики, которая будет продолжаться до конца 1930-х годов.

Библиографический список

1. Куперт, Ю. В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции (1926–1937 гг.) / Ю. В. Куперт. — Томск : Том. ун-т, 1981. — 412 с.
2. Молетотов, И. А. Сибкрайком. Партийное строительство в Сибири 1924–1930 гг. / И. А. Молетотов. — Новосибирск : Наука Сиб. отделение, 1978. — 366 с.
3. Павлова, И. В. В. Д. Вегман. Штрихи к портрету / И. В. Павлова // Гуманитарные науки в Сибири. — 2000. — № 2. — С. 35.

4. Гобунов, Р. А. Срачивание партийной номенклатуры с аппаратом государственной власти и политические репрессии / Р. А. Гобунов // 60-летие большого террора. Памяти жертв репрессий. — Омск : ОмГУ, 1998. — С. 10.

5. Папков, С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941 / С. А. Папков. — Новосибирск : СО РАН, 1997. — 273 с.

6. Известия Сибкрайкома ВКП(б). — 1928. — № 6. — С. 15.

7. Известия Сибкрайкома ВКП(б). — 1929. — № 1–2. — С. 14.

8. ЦДНН. Ф. 7. Оп. 4. Д. 122. Л. 57.

9. Гайдамакин, А. В. Деятельность ВКП(б) по формированию сельскохозяйственной интеллигенции. 1927–1937 гг. (На материалах Западной Сибири) / А. В. Гайдамакин. — Омск : Омская гос. акад. путей сообщения, 1997. — 164 с.

ОЗЕРОВА Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, социологии, политологии.

Адрес для переписки: ozеров26@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 15.10.2012 г.

© О. А. Озерова

УДК 94(4)+94(497.1)+327(091)+327.56

О. А. БАРАБАНОВ

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ, г. Москва

ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО И ЮГОСЛАВСКИЙ КРИЗИС В КОНЦЕ 1990—1993 гг.

В статье рассматривается роль ЕС на начальном этапе Югославского кризиса конца XX — начала XXI вв. Автор анализирует как действия конкретных членов ЕС, например, Германии, так и политику всей организации в 1991—1993 гг., а также их результаты для югославских республик.

Ключевые слова: история международных отношений, европейская безопасность, Югославский кризис, ЕС.

Югославский кризис — очень сложный исторический и политический феномен, явление, с той или иной степенью активности протекающее уже два десятка лет и имеющее предпосылки, формировавшиеся веками. Это многоуровневый и многовекторный процесс, включающий в себя события от отделения Хорватии и Словении в 1991 г. и до самопровозглашения Косова в 2008 г. Более того — вполне вероятно, что и 2008 г. здесь не последний рубеж, и ситуация на Балканах может еще значительно ухудшиться как в ходе политических и дипломатических конфликтов, так и в виде вооруженных столкновений.

Симптоматично, что все эти печальные события происходили на территории Европы, которая с момента окончания Второй мировой войны не знала о войнах. Конфликты на территории бывшей Югославии нарушили спокойствие и мир, царившие в Европе почти полвека. Эти события стали серьезным вызовом перед объединенной Европой. Европейское сообщество (Европейский союз) должно было адекватно отреагировать на конфликты в бывшей Юго-

славии, находившейся в непосредственной близости от границ самого ЕС. Все это определяет актуальность данного исследования, целью которого стало определение роли ЕС в формировании и развитии кризисных событий на территории бывшей Югославии. Для этого необходимо решить ряд задач: используя делопроизводственные документы и источники личного происхождения, выяснить причину вмешательства ЕС в дела Югославии, показать, какие из стран-членов этой организации были наиболее в этом заинтересованы и, по возможности, определить мотивы их действий, что представляет практическую значимость данной статьи. Хронологические рамки ограничиваются, с одной стороны, концом 1990 г., с другой — началом 1993 г. Именно в 1993 г. в США к власти приходит Б. Клинтон, после чего наиболее активной внешней силой на Балканах становится Америка и НАТО.

Вообще, стоит сказать, что роль международного фактора в самом генезисе процесса дезинтеграции Югославии если и не определяющая, то, в любом

случае, весьма значительная. Исходя из понимания того, что с распадом СССР и крушением мировой системы социализма изменилась и система международных отношений, тезисы о расколе СФРЮ из-за окончания «холодной войны» [1, с. 75–76] выглядят весьма убедительными. Тем не менее анализ поведения некоторых западных государств указывает на то, что внешнеполитические причины кризиса не ограничиваются крахом Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.

Этот вывод базируется на том, что страны Европейского сообщества, принявшие активное участие в кризисе, очень быстро, практически в одночасье, поменяли свою позицию по вопросу о территориальной целостности Югославии буквально на противоположную: «международное сообщество в течение лета – осени 1991 г. декларативно не поддерживает сецессионистских устремлений Словении и Хорватии, выступая за безусловное сохранение государственного суверенитета и территориальной целостности СФРЮ, чтобы уже в начале 1992 г. без дополнительных разъяснений и комментариев признать новопровозглашенные независимые государства и усилить в связи с этим давление на Белград» [2, с. 90].

И действительно, как отмечает отечественный исследователь Е. Ю. Гуськова, «в 1990 – первой половине 1991 г. не было ни одного государства или международной организации, включая и НАТО, которые на официальном уровне поддержали бы тенденции к дезинтеграции Югославии» [3, с. 35]. Это отмечают и западные авторы. Немецкая исследовательница Джулия Гетте сообщает, что в первые годы Югославского кризиса ни одна из ведущих западно-европейских держав не имела четкой позиции по отношению к процессам, протекавшим на Балканах. Более того, Европейское сообщество отклонило просьбу Словении и Хорватии о принятии их в ЕС [4, р. 224].

Это подтверждается некоторыми международными документами, принятыми в тот период. Например, в декабре 1990 г. Совет министров иностранных дел стран ЕС в Брюсселе принял Декларацию об отношениях с Югославией, где подчеркивалось, что сохранение целостности СФРЮ является непременным условием начала переговоров о предоставлении ей статуса ассоциированного члена ЕС [4, р. 224]. Через несколько месяцев, в марте 1991 г. представители стран все того же Европейского сообщества сделали заявление, где подчеркнули, что «объединенная и демократическая Югославия имеет наибольший шанс гармонично интегрироваться в новую Европу» [5, с. 30]. Наконец, 19 июня 1991 г. на Берлинской конференции СБСЕ министры иностранных дел государств-членов организации выразили «свою поддержку демократическому развитию, единству и территориальной целостности Югославии» [5, с. 30]. Важно отметить, что автором этой резолюции, как пишет Е. Ю. Гуськова, был министр иностранных дел Германии Ганс-Дитрих Геншер [3, с. 35].

Тем не менее, как отмечает Е. Ю. Гуськова, «в конце лета 1991 г. начинают формироваться специальные структуры международных организаций, призванные заниматься урегулированием ситуации в Югославии» [3, с. 35]. Уже в сентябре 1991 г. ЕС было принято решение о созыве Международной конференции по Югославии и наделении ее арбитражными функциями. Возглавил работу лорд Каррингтон. Как отмечают некоторые исследователи, Лондонская конференция должна была стать инстру-

ментом давления на все страны, но особенно на Сербию [6, с. 48]. В свете этого интересно, что Арбитражная комиссия при этой Конференции под руководством французского специалиста по конституционному праву Р. Бадинтера сделала вывод о том, что право на самоопределение не должно означать выход из состава Югославии и рекомендовала не признавать независимость Хорватии и Словении [7, с. 20].

Однако глава всей Конференции Каррингтон уже начал говорить о возможном признании независимости некоторых югославских республик (правда, условием при этом ставилось наличие некоего соглашения между ними по спорным вопросам): «Я согласился на роль, предложенную мне 12 странами, на некоторых условиях. Одно из этих условий предполагало, что не будет международного признания той или другой из шести югославских республик до тех пор, пока они не скрепят свои различия глобальным соглашением» [8, с. 303]. Под руководством лорда Каррингтона были разработаны четыре варианта выхода из кризиса [4, р. 228–229]. «Все четыре варианта, представленные конференцией в течение осени 1991 г., поощряли сепаратистскую линию республик, решивших отколоться от югославской федерации, особенно Словении и Хорватии, и играли деструктивную роль по отношению к югославской государственности, причем с заметно возрастающей раз от раза антисербской направленностью» [9, с. 21].

По мнению российского историка В. К. Волкова, это было связано с развитием ситуации в СССР. После провала путча в августе 1991 г. центробежные тенденции в Советском Союзе стали нарастать, что сказалось на политике западных государств на Балканах [9, с. 20].

Поворотным моментом в этом отношении, по мнению целого ряда исследователей [9, с. 21; 5, с. 30], стала Декларация о критериях признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе, принятая 17 декабря 1991 г. в Брюсселе. Предусматривалась весьма упрощенная процедура — достаточно было заявить о своей независимости и дать обещание о соблюдении норм международного права. В принятой в тот же день специальной Декларации о Югославии декларировалось намерение ЕС признать независимость югославских республик и начать этот процесс с 15 января 1992 г. По мнению В. К. Волкова, эти документы связывали дезинтеграционные процессы в СФРЮ и СССР, однако если «по отношению к советским республикам они носили скорее поощрительный, рекомендательный характер», то «по отношению к югославским республикам — императивный» [9, с. 21].

Эти декларации можно расценивать как серьезное нарушение международного права. Они не только нарушали принцип территориальной целостности вполне уважаемой европейской державы, но и игнорировали сам факт ее дальнейшего существования как субъекта международных отношений [5, с. 30].

Таким образом, ЕС узурпировал права, принадлежащие абсолютно другим международным организациям, и прежде всего ООН. Отсутствие протестов со стороны ООН говорило о том, что всемирная организация приняла такое положение дел. Вследствие этого, во-первых, значительно упал престиж ООН и, во-вторых, появился прецедент международного признания самопровозглашенных государств «для одних, и отказ в таком признании для других». Тем самым уже в этот период вводились «двойные стандарты» в решении конфликтных ситуаций.

Исследователи сходятся в том, что принятая в Брюсселе 17 декабря 1991 г. Декларация грубо нарушала ряд международных документов, в том числе и Заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, содержащий гарантии неприкосновенности границ государств, а не их административно-территориальных единиц [9, с. 21].

М. В. Белов указывает в этой связи на важный юридический аспект: «Лишение [Югославии] признаков субъектности означало потерю ею полноправного членства в международных организациях и договорах, освобождало от каких-либо обязательств по отношению к ней, вытекающих из международных соглашений. Это решение было направлено против Сербии и Черногории, не пожелавших подать соответствующие заявления [о признании независимости] и составивших новую Союзную Республику Югославию, при всем при том, что названные части федерации получили признание и независимость задолго до образования югославского государства — на Берлинском мирном конгрессе в 1878 г.» [5, с. 31]. Симптоматично, что зарубежные исследователи зачастую вообще не упоминают об этом событии [10, р. 17].

Наверное, еще большей аксиомой является утверждение о колоссальной роли Германии в этом процессе. Об этом пишут практически все исследователи. Е. Ю. Гуськова говорит: «По мнению многих участников тех событий, именно Германия, традиционно настроенная прохорватски, настойчиво убеждала другие страны признать Хорватию. Г.-Д. Геншер предупредил, что Германия в любом случае признает Хорватию, даже если ЕС ее не поддержит» [3, с. 37]. О лоббировании интересов Словении и Хорватии со стороны Германии пишет и М. В. Белов [5, с. 30]. Английский исследователь Т. Галлагер также пишет о намерении Германии признать эти две страны единолично [11, р. 159].

Буквально только что воссоединившаяся Германия (3 октября 1990 г.) неизбежно должна была искать свое место в складывающейся системе международных отношений и безопасности. Воссоединения Германия вновь проявила интерес к традиционным регионам своего влияния [12, с. 2].

Как отмечает политолог Ю. М. Павлов и С. В. Погорельская, «в дискуссиях по внешней политике Германии, относящихся к периоду 1990–1991 гг., обсуждались вопросы возможного участия бундесвера в военных конфликтах за пределами границ НАТО. Как известно, немецкая конституция не предусматривала таких возможностей». Однако в правящих в Германии консервативно-либеральных кругах приобрела популярность и широко использовалась идея о «возросшей ответственности». Ее выдвинули сторонники сильной внешней политики. «Возросшая ответственность» в определенной мере противопоставлялась «исторической ответственности», которую несла бывшая ФРГ. «Возросшая ответственность» выходила за рамки ответственности «исторической». Она предполагала модификацию и трансформацию части основополагающих и зафиксированных в конституции внешнеполитических принципов, базирующихся на «историческом опыте», или даже полный отказ от них. Тезис о «возросшей ответственности» базировался в основном на пространственно-географическом факторе и был первым шагом на пути формирования немецкой геополитики [13, с. 195].

Говоря о роли Германии в развале Югославии, британский аналитик, отставной офицер, сотрудник

издания «Публикации из области обороны и внешних дел» Т. В. Карр сообщает следующее: «Достоверные разведывательные источники утверждали в 1990 г., что господин Туджман тайно побывал в Федеративной Республике Германии в 1988 г., где встретился с канцлером Коелем и остальными министрами правительства. Цель визита заключалась в определении совместной политики раздела Югославии, которая приведет к созданию нового независимого государства... немецкое правительство обещало политическую, финансовую и секретную военную поддержку отделению Хорватии от Социалистической Федеративной Республики Югославии. Разведывательные источники утверждали, что такая акция полностью совпадала с немецкими стратегическими целями на Балканах, подразумевающими включение католической Хорватии и Словении в германскую экономическую зону и обеспечение, таким образом, прямого выхода на Адриатическое и Средиземное море» [12, с. 9–10].

Об активности немцев на югославском направлении внешней политики сообщает нам и сам Ганс-Дитрих Геншер в своих мемуарах, говоря, что в 1991 г. «в немецком Бундестаге, также как и в общественном мнении нашей страны, возросло между тем понимание желания народов Югославии оформить свое существование в виде независимых государств» [14, с. 931–932].

Во многом такое деятельное участие Германии в решении Югославского кризиса связано, по мнению профессора международных отношений Принстонского университета Улмана, с проблемой беженцев с территории бывшей Югославии, где начались военные действия. Для Германии и ее экономики было особо важно не допустить их на свою территорию, и потому для Германии была так важна сильная Хорватия [10, р. 18].

О роли Германии в Югославском кризисе высказался впоследствии на Гаагском суде С. Милошевич: «Миттеран горько жаловался, что немцы оказали на него такое давление, что он был вынужден согласиться, чтобы ЕС преждевременно признал независимость Словении и Хорватии. Немцы вооружали Хорватию вплоть до 1994 г. для захвата Боснии и Герцеговины и Краины. Хорваты получили даже самолеты «МиГ», которые являлись наследием бывшей ГДР» [15, с. 291].

Интересно, что, как пишет все та же Гуськова, «Германию активно поддерживал и Ватикан» [3, с. 37]. Оказывается, римско-католическая церковь также была заинтересована в признании независимости югославских республик. «В Ватикане тайно поделили страну на отдельные епископства, границы которых страным образом совпали с границами республик... 4 октября 1990 г. Хорватия, еще будучи частью Югославии, получила огромную ссуду в \$ 2 млрд, которую обеспечил мальтийский католический орден «Рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского» [16, с. 100].

Таким образом, можно сказать, что с самого начала конфликта в Югославии со стороны некоторых стран ЕС, и прежде всего Германии, прослеживались тенденции к явному усилению своего влияния и проявлению собственных внешнеполитических интересов в регионе. Однако Германия, пытаясь внешне дезавуировать это, действовала посредством международных организаций и, прежде всего, ЕС, подталкивая его на грубые нарушения международного права. Косвенно об этом нам сообщает и Геншер все в том же 1991 г. Деляя оговорку о недопущении

центробежных тенденций, он подчеркивает, что для Германии очень важно не действовать в отношении Югославии в одиночку [14, с. 932]. В этой связи стоит упомянуть широкоизвестный факт о том, что именно под нажимом Германии ЕС приняло решение о признании независимости Словении и Хорватии; «буквально за одну ночь позиции стран ЕС кардинальным образом поменялись. Вечером оно было 9:3 против признания, а наутро уже 9:3 — за признание» [8, с. 303]. Таким образом, к выводу о роли центробежных тенденций в СССР в появлении брюссельской Декларации о критериях признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе от 17 декабря 1991 г. можно присовокупить и вывод об огромном значении Германии, оказавшей влияние на другие страны-члены ЕС с целью признания независимости Словении и Хорватии.

Итак, действуя во многом под давлением Германии (дабы сохранить единство внутри самого ЕС), Брюссель фактически принял на себя функции, являющиеся прерогативой ООН. Организация Объединенных Наций смирилась с таким положением дел и даже поощряла действия ЕС на Балканах. В результате всемирная организация во многом передоверила дело урегулирования кризиса региональным структурам.

И Европейское сообщество действительно пыталось повлиять на развитие ситуации в регионе. Об этом говорит, например, одна из первых попыток решить назревающий боснийский кризис. Первый план мирного урегулирования в Боснии, предполагающий определенные принципы конституционного устройства и раздел Боснии и Герцеговины на три национально-государственных образования (с последующим формированием своеобразной конфедерации), был предложен на Лиссабонской конференции в феврале 1992 г., проведенной под патронатом ЕС и получил название «план Кутильеро» (по фамилии португальского дипломата — одного из авторов этого документа). Правда, в последний момент боснийские мусульмане отказались от предложенного плана (в связи с признанием независимости Боснии) и покинули конференцию, заняв очень жесткую и непримиримую позицию [7, с. 20]. По мнению некоторых исследователей, жесткая и непримиримая позиция боснийских мусульман в ходе обсуждения плана Кутильеро была спровоцирована послом США в Югославии Циммерманом [7, с. 20].

Однако для нас важно отметить, что в этот временной промежуток именно Европейское сообщество играло первую роль в попытках урегулировать кризис. Это подтверждается и в плане чисто военном. Так, первоначально в Боснии и Герцеговине наиболее многочисленным среди миротворцев был контингент французских военных [7, с. 22].

Итак, подводя некоторый итог, можно сказать, что на протяжении рассматриваемого периода можно наблюдать активное влияние европейских стран, и в первую очередь Германии, на Югославский кризис; именно под влиянием немецких дипломатов ЕС принимает решение о признании независимости Словении и Хорватии. ЕС на некоторое время становится основным внешнеполитическим фактором Югославского кризиса. Именно европейцы предлагают первый вариант урегулирования боснийского кризиса — план Кутильеро.

Однако с 1993 г. в ходе эскалации конфликта европейцы оказались не в состоянии эффективно реагировать на изменения ситуации и влиять на нее решительным образом. В результате контроль над

процессом дезинтеграции Югославии был потерян. Вместо одного единого государства образовалось несколько стран из бывших югославских республик с неурегулированными этническими, национальными и территориальными проблемами. Кроме того, были нарушены основополагающие принципы международного права, что также не прибавило авторитета международным организациям, в том числе и Европейскому сообществу. В итоге в ход событий вмешались США, причем на лидирующих ролях. Помимо всего прочего это можно расценить и как удар по престижу самого ЕС — таким образом всеми миру была продемонстрирована неспособность международной организации, объединяющей ведущие европейские страны, эффективно решить проблемы в зоне своих интересов, в непосредственной близости от своих границ.

Библиографический список

1. Хаберль, О. Н. Разрушение Югославии и его последствия для Европы / О. Н. Хаберль // Балканский кризис: истоки, состояние, перспективы : материалы Междунар. науч. семинара в Н. Новгороде 4–5 февраля 2000. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2000. — С. 71–82.
2. Рудяков, П. Балканский кризис (1991–2001 гг.): характер, особенности, последствия / П. Рудяков // Политична думка. — 2001. — № 1–2. — С. 86–98.
3. Гуськова, Е. Ю. Продолжающийся балканский кризис и политика России / Е. Ю. Гуськова // Обозреватель. — 1999. — № 12. — С. 35–39.
4. Goette, J. Von. Haag bis Dayton — Die international Staatengemeinschaft auf der Suche nach einer Lösung des 3. Balkankrieges (1991-1996) / J. Goette // Der Balkan / hg. J. Elvert. — Stuttgart: Steiner, 1997. — P. 223–246.
5. Белов, М. В. Правовые аспекты кризиса вокруг Косово / М. В. Белов // Актуальные проблемы американистики. — Нижний Новгород, 1999. — С. 29–34.
6. Milardović, A. Pod globalnim šešišrom. Društva I države u tranziciji I globalizaciji / A. Milardović. — Zagreb, 2004. — 326 с.
7. Никифоров, К. В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап): [1992–1995 гг.] / К. В. Никифоров. — М., 1999. — 262 с.
8. Гуськова, Е. Балканская трагедия: 90-е гг. XX в. / Е. Гуськова, А. Карасёв // Очаги тревоги в Восточной Европе. — М. : Инслав РАН, 1994. — С. 292–315.
9. Волков, В. К. «Новый мировой порядок» и балканский кризис 90-х гг. / В. К. Волков // Новая и новейшая история. — 2002. — № 2. — С. 11–50.
10. The World and Yugoslavia's wars / ed. by R. H. Ullman. — New York, 1996. — 230 p.
11. Gallagher, T. Milošević, Serbia and the West during the Yugoslav Wars, 1991–1995 / T. Gallagher // The Balkan and the West: constructing the European other, 1945–2003 / ed. by A. Hammond. — Hampshire, 2004. — P. 153–168.
12. Карр, Т. В. (Билл). Германское и американское присутствие на Балканах: основательное сходство национальных политик? / Т. В. Карр ; Представлено на Симп. о Балканской войне в Югославии: прошлое и будущее. Чикаго, 31 авг. — 1 сент. 1995 г.; издатель Публ. из обл. «Оборона и внешние дела», Лондон. — Б. м.: б. и., б. г. — 26 с.
13. Павлов, Ю. Роль Германии в Балканском кризисе / Ю. Павлов, С. Погорельская // Миропорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. — М. : Добросвет, 2000. — С. 149–159.
14. Genscher, H. D. Erinnerungen / H. D. Genscher. — Berlin: Siedler, 1995. — 1086 p.
15. Милошевич, С. В чем обвиняют Югославию / С. Милошевич, Д. Вилич, Б. Тодорович. — М. : Изд-во ИСПИ РАН, 2002. — 353 с.

БАРАБАНОВ Олег Андреевич, аспирант кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной

службы при Президенте РФ, ведущий специалист-эксперт Министерства экономического развития РФ. Адрес для переписки: barabanow@list.ru

Статья поступила в редакцию 30.08.2012 г.

© О. А. Барабанов

УДК 91:(002.2+141.82)(571.13)

Н. П. БОБКОВА

Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИЗДАНИЙ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1992—1999 гг.

В настоящей статье речь идет о характеристике изданий левой оппозиции в Западной Сибири 1992—1999 гг., а также о восстановлении активной позиции коммунистов региона, что нашло свое отражение на страницах левой печати. Несмотря на то, что соотношение между левой прессой и прессой лояльной к власти было 1 к 10, КПРФ, например, активизировала свой издательско-полиграфический комплекс, увеличила тираж изданий, что существенно повлияло на результаты федеральных и региональных выборов.

Ключевые слова: издания левой оппозиции в Западной Сибири, эволюция газеты, тираж, агитационный материал, читательские запросы аудитории.

Важное место в политической жизни Западной Сибири занимает формирование и развитие партийных средств массовой информации (СМИ). Настоящая статья посвящена характеристике изданий левых сил в Западной Сибири в 90-е гг. XX века. В течение 1992—1993 гг. происходило воссоздание левого, коммунистического движения. Инициатива по структурированию партийных рядов, начатая в 1992 г. Российской Коммунистической Рабочей партией (РКРП) в течение 1993 г. перешла к Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) [1].

Политический спектр Западной Сибири в 1992—1993 гг. характеризовался пестротой партий и движений, действующих в городах региона. В начале 1992 г. под руководством В. Дорохина и В. Утенко создается Омская региональная организация КПРФ, насчитывавшая около 1 тыс. членов. В течение 1992 г. РКРП пыталась сплотить вокруг себя бывших членов КПСС, занять доминирующие позиции в левом движении. Организация активно сотрудничала с профсоюзными и отделением Российского общенародного союза (РОС). С начала 1993 г. РКРП уступила инициативу КПРФ, сумевшей развернуть работу во всех районах области. В 1993 г. омские левые переживали определенную поляризацию: умеренная часть вливалась в ряды КПРФ, радикальная в ВКП(б). Омская организация КПРФ к середине 1993 г. насчитывала 6 тысяч членов, РКРП — 200—300 членов, ВКП(б) около 20 человек [2].

На Алтае в 1992—1993 гг. идет воссоздание коммунистических организаций. В апреле 1992 г. было создано Алтайское отделение РКРП — лидеры В. Неменов, Б. Гусев. Отличительной чертой в деятельности РКРП являлось наличие представительства партии в местных законодательных органах. Несколько меньшее влияние на Алтае, в связи с активной деятельностью РКРП и АПР, имели структуры КПРФ [2, с. 171—172].

В Новосибирске о сотрудничестве договорились Ленинская Социалистическая партия Рабочего класса (ЛСПРК), РКРП, Социалистическая партия трудящихся, анархисты [3]. В 1993 г. прошла отчетно-выборная конференция Новосибирской РКРП, лидером которой был С. Крупенько. В целях более успешной работы по созданию Советов рабочих, Советов трудящихся на предприятиях, как первичной основы Советской власти, было создано отделение «Трудового Новосибирска», который призвал всех работников к объединению в Советы трудящихся для отстаивания своих прав. Но инициатива переходила к КПРФ, насчитывающей в указанный период 4 тыс. членов [4].

В Кемеровской области доминировала КПРФ. Так, по данным журнала «Полихрон», на начало 1993 г. в областной организации состояло 10,5 тыс. человек. Ее лидер Т. Авалиани отмечал, что по Кузбассу влияние союзников у КПРФ практически нет. Тесное взаимодействие в указанный период КПРФ имела с Рериховским движением и казаками. Идентичным по программным положениям Т. Авалиани находил «Трудовой Кузбасс» [5].

В рамках указанного периода начинают формироваться печатные органы политических партий, ставящих перед собой задачи если не завоевания информационного пространства, то хотя бы некоторого присутствия в нем. Наиболее сложным решением данной задачи оказалось для КПРФ, не относящейся к какой-либо группе влияния в государственных или коммерческих структурах. Например, в интервью томской газете «Красное знамя» главный редактор ТВ-2 В. Мучник пояснял, что «в 1993 г. часть эфира партиям и движениям давали бесплатно. В 1995 г. решили ни минуты бесплатно не предоставлять». Президент той же компании А. Майофис прокомментировал ситуацию следующим образом: «...сегодня мы не можем дать коммунистам излагать свои

взгляды. Слишком много в их речах демагогии, которой люди верят» [6].

Первое издание, в той или иной мере относящееся к числу общественных, появилось в Омском Прииртышье в октябре 1990 г. Это была газета «Позиция», учрежденная омскими профсоюзами. Тираж издания был изначально незначителен: от 7 до 10 тыс. экз. Издание тем не менее пережило 1991 и 1993 гг., трансформируясь вместе с профсоюзами из ВЦСПС в ФНПР. К середине 90-х гг. издание обозначило себя как газета «социальной защиты» и выходила под эпитафией «Труду настоящую цену, человеку — достойную жизнь». Учредителем перерегистрированного в 1999 г. издания являлся Совет Федерации омских профсоюзов. Тираж издания оставался 7 тыс. экз. [7].

Общественно-политическим изданием, появившимся в Омской области после августовских дней 1991 г., стала газета «Омское время», вышедшая в январе 1992 г. в качестве ежемесячного четырехполосного приложения к газете «Коммерческие вести», возглавляемой в тот период Г. И. Кусковой. Ответственным за выпуск четырех полос стал М. И. Машкарин. В апреле 1992 г. «приложение» переросло в самостоятельную газету, а с июля газета «Омское время» стала выходить еженедельно. Материальную поддержку газете, по данным М. И. Машкарин, в это время оказывал С. Н. Бабурин [7, с. 173]. Учредителем газеты в это время стало ООО «Омский торговый дом», тираж газеты колебался от 13 до 25 тыс. экз. В 1993 г. в редколлегию издания входили С. Н. Бабурин, А. А. Кравец, М. И. Машкарин, В. Н. Мурзаков, ее поддерживали представители оппозиционного директорского корпуса. Так, в «Записке сотрудника Комитета по информационно-аналитической работе администрации Омской области Ю. В. Куприянова для Председателя экономического комитета А. Р. Сараева», подготовленной летом 1994 г. при характеристике Коммунистического движения, указывалось, что «... единственным крупным спонсором из старой гвардии выступил бывший первый секретарь обкома КПСС И. А. Назаров, который после августа 1991 г. стал директором Омск-Тесса — омского отделения компании Агро-Тесс. На деньги, выделяемые И. А. Назаровым, газета «Омское время» финансировалась примерно до ноября 1993 г.» [7, с. 74].

С декабря 1994 г. газета стала печатным органом «Российского общенародного союза» (РОС) и поменяла название на «Сибирское время». В ее редколлегию помимо С. Н. Бабурина вошли А. Г. Тулеев, В. Г. Распутин, Т. Л. Саблина, редактором газеты стала Г. И. Кускова. Однако уже в сентябре 1996 года еженедельник «Сибирское время», являющийся в этот период изданием РОСа, приостановил свой выпуск. Дело в том, что С. Н. Бабурин после выборов 1996 г. резко ушел в сторону НПСР, в результате чего у него возникли разногласия с частью редакционного коллектива издания и его редактором. Выпуск газеты прекратился. Но редакционный коллектив решил возродить «Омское время», что и было сделано. Однако газета просуществовала недолго, ее тираж оказался незначительным. В 1997 г. в информационной нише издания патриотической оппозиции «Сибирское время» и «Время» занимали соответственно 0,10 % и 0,59 % доли рынка печатных изданий региона. При этом «Сибирское время» выходит как орган народно-патриотической оппозиции, а «Время» — как орган РОСа. Применительно к 1998–1999 гг. можно констатировать потерю рынков продажи выпускаемых газет [7, с. 175].

В конце 90-х гг. «Время» и «Сибирское время» издаются к выборам какого-либо уровня. Так, декабрьские номера газеты «Время» за 1999 г. с тиражом 20 тыс. экз. агитируют за РОС на выборах в Государственную думу и за кандидата в депутаты этого же органа по округу № 130. Тогда же спецвыпуски «Времени» достигают тиража 100 тыс. экз. После поражения С. Н. Бабурина газета «Время» исчезает из информационного поля. Ее выпуск появляется в марте 2001 г. в связи с выборами главы государства [8].

История создания и эволюция «Омского времени» — характерная иллюстрация влияния политических процессов, межличностных конфликтов и борьбы экономических интересов в рамках оппозиционного движения, будь то провинциальный или столичный уровень. Что касается самого издания, то из рупора оппозиции, каковым газета являлась в 1992–1994 гг., она начала превращаться в одно из оппозиционных изданий, разделив информационное поле с газетой «Красный Путь», а в последствии потеряла собственное политическое лицо и под разными названиями использовалась как РОСом и КПРФ, так и отдельными омскими политическими деятелями.

К осени 1993 г. КПРФ активно создавала собственные структуры в Западно-Сибирском регионе, распространяя свое влияние на районные центры и отдельные производства и, как следствие, пыталась использовать малотиражную заводскую, районную сельскую печать, а кое-где создавать и свои газеты [9].

Причем опыт создания собственной печати Омская областная организация КПРФ имела — с осени 1993 г. в г. Таре начала издаваться газета «Коммунист», с 1994 г. появились газеты КПРФ «Калачинская правда» и «Возрождение» (Муромцево). Позднее в Таврическом районе некоторое время выходила коммунистическая газета «Таврия», а в Большеуковском районе газета «Наша Правда» [2, с. 292].

С июня 1994 г. Омский обком КПРФ самостоятельно начинает выпускать газету «Красный Путь». Первый номер партийной газеты вышел 11 июня 1994 г., получив название «Красный Путь» — в честь известной в г. Омске улицы, по которой в ноябре 1919 г. в освобожденный от колчаковцев город входили части Красной Армии. Редактором газеты был М. И. Машкарин. Обязанности ответственного секретаря исполняли редактор многотиражки АО «Сатурн» В. Э. Барковский, затем О. В. Соседов — секретарь Октябрьского райкома КПРФ, работавший заместителем главного технолога, позднее главным технологом ПО «Сибирские приборы и системы». Печатали газету там, где было дешевле на тот или иной период, — в АО «Сатурн», МПО имени П. И. Баранова, в ПО «Сибирские приборы и системы» и даже в Большеуковском районе. Именно в то время начали писать в «Красный Путь» Б. Гвоздев, С. Жданов, В. Лутоин, В. Мотовилов, Ф. Насонов, И. Полонский, Э. Такелло, В. Фоменко, А. Чернухо, В. Шрам и многие другие. Тираж газеты в 1994–1995 гг. был незначительным — 3–5 тыс. экз., но после победы на парламентских выборах 1995 г. он начал расти. По данным исследователя М. Л. Калужского, в 1997 г. КПРФ на паях с ОАО «ОмскПромСтройБанк» имело современную типографию «Литограф», генеральным директором которой являлся секретарь Омского обкома КПРФ В. Н. Дорохин [10].

Подобная ситуация давала Омскому обкому КПРФ возможность в ходе выборов Президента Российской Федерации в 1996 г. противопоставить

команде действующего Президента три еженедельника: «Сибирское время» (РОС) — 21 тыс. экз., «Красный Путь» — 20 тыс. экз., «Позиция» (профсоюзы) — 8 тыс. экз. При этом следует отметить, что две первые газеты издавались в типографии «Литограф». Однако реальный предвыборный тираж «Красного Пути» в ходе выборов Президента РФ выглядел более внушительно. В июне 1996 г. вышел 200-тысячный тираж спецвыпуска газеты «Красный Путь», поместивший на своих страницах экономическую программу кандидата Г. А. Зюганова, а последний агитационный материал вышел в «Красном Пути» за 27 июня 1996 г. тиражом 250 тыс. экз. [7, с. 197].

Основная нагрузка по распространению газеты «Красный Путь» и других коммунистических изданий являлась обязанностью райкомов КПРФ. Опытком подобной работы поделился секретарь Черлакского РК КПРФ Ю. К. Полянский в следующих словах: «Начинали с малого. Обком партии маршрутным автобусом отправлял газеты в с. Иртыш и Черлак, где мы сортировали и отправляли попутным транспортом в деревни. Использовали молоковозы и хлебовозы. В деревнях наши люди разносили их по домам». В районе из 42 населенных пунктов газеты доставлялись в 38. Получаемое количество «Красного Пути» составило 2335 экз., «Правды России» — 827 экз. и 20 экз. «Советской России» и «Правды». Один экземпляр «Красного Пути» приходился на 5,5 дворов, а один экземпляр «Правды России» — на 15 дворов. Была поставлена задача на каждые три двора — 1 экз. «Красного Пути» [11].

По данным секретаря Большереченского РК КПРФ В. Лутонина, на 7 тыс. избирателей района в 1999 г. коммунисты доставили более 25 тыс. экз. «Красного Пути», 2 500 экз. «Правды» России, 1 500 экз. «Советской России». С 1998 г. райком стал издавать свою партийную газету «Наша правда». В 1999 г. было распространено около 5000 экз. газеты «Наша правда», что позволило информировать население о тех фактах и событиях, о которых молчала официальная газета районной администрации [12].

В то же время нельзя не отметить, что соотношение «левой» печати любых направлений с лояльными правительству изданиями представлялось как 1 к 10. Общеизвестно, что первые тиражи левых газет не превышали 10 тыс. экземпляров. Так, на Алтае печатный орган КПРФ газета «Голос труда» имела тираж 9 тысяч, в Омске общая численность всех изданий едва переваливала за 10 тысяч экземпляров, более сложная ситуация складывалась в Томской области [1, с. 94].

Очень показательным является влияние левой оппозиционной прессы региона на результаты первого тура выборов. Если в Томской области кандидатура Б. Ельцина набрала 35,07 % голосов, оставив позади Г. Зюганова и А. Лебеда, получивших соответственно 21,97 % и 19,70 %. То в соседних Новосибирской и Омской областях действующий президент проиграл. В Новосибирской области: Г. Зюганов —

34,96 %, Б. Ельцин — 25,61 %. В Омской области: Г. Зюганов — 36,99 %. Б. Ельцин — 32,80 %. Еще более чувствительное поражение действующий Президент получил в Алтайском крае, где за него проголосовало 21,80 %, тогда как Г. Зюганову было отдано 41,97 % голосов. В Кемеровской области Б. Ельцин получил 23,02 % голосов, лидером первого тура стал Г. Зюганов — 38,88 % [13].

Последующее поражение действующего президента 3 июля в четырех областях региона явилось следствием усиления структур КПРФ — Омск, Алтай, Новосибирск или поддержки лидера оппозиции структурами местной власти — Алтай, Кемерово, отчасти Новосибирск. При этом КПРФ располагала собственным информационным комплексом, который использовала соответственно своей стратегической и тактической линии.

Библиографический список

- Новиков, В. С. Региональные отделения политических партий и печатные СМИ в процессе формирования предпочтений избирателя. 1992—2000гг. На материалах Западной Сибири : моногр. / В. С. Новиков, С. В. Новиков ; под ред. В. Н. Худякова. — Омск : ИПК Макшеевой Е. А., 2011. — 200 с.
- Новиков, С. В. Политические партии, общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири: проблемы взаимодействия. 1988—1996 гг. : моногр. / С. В. Новиков ; под ред. В. Д. Полканова. — Омск : Изд-во ОмГАУ, 2002. — 408 с.
- Партии в Сибири / В. Демидов // Сиб. газ. — 1992. — № 27. — С. 66—67.
- Советская Сибирь. — 1993. — № 25. — 18 июня.
- Полихрон : жур. — 1993. — № 3. — С. 25—26.
- Северо-Восток. — 1992. — № 11.
- Новикова, И. В. Влияние печатных СМИ на результаты избирательных кампаний федерального уровня. Омское Прииртышье. (1992—2003 гг.) : моногр. / И. В. Новикова, В. С. Новиков, С. В. Новиков ; под ред. С. В. Новикова. — Омск : Сфера, 2007. — 340 с.
- Диспут. — 2001. — № 4 (11). — С. 91.
- Время. — 1999. — № 49.
- Машкарин, М. И. Десятилетие «защиты народа» или предательство его интересов? / М. И. Машкарин. — Омск, 2003. — 184 с.
- Полянский, Ю. К. Распространение партийной газеты и агитационных материалов — главнейшая задача райкома / Ю. К. Полянский // Диспут. — 2000. — № 3 (4). — С. 38—40.
- Лутонин, В. Далеко от областного центра, но всегда с заботами односельчан / В. Лутонин // Диспут. — 2000. — № 3 (4). — С. 36—38.
- Выборы Президента Российской Федерации. 1996. Электоральная статистика. — М. : Весь мир, 1996. — 280 с.

БОБКОВА Наталья Петровна, аспирантка кафедры истории и социально-педагогических дисциплин.
Адрес для переписки: volodina_84_84@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.10.2012 г.

© Н. П. Бобкова

КОМСОМОЛЬЦЫ В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-Х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ТОМСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО И ТОМСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТОВ)

В статье рассмотрены особенности самореализации студентов-комсомольцев двух томских институтов (педагогического и медицинского) в 1985–1986 гг.

Ключевые слова: комсомол, студенты, ТГПИ, ТМИ.

В конце 1986 г. комсомол Томского педагогического института (ТГПИ) насчитывал 2 754 человека [1, л. 10], а медицинского (ТМИ) — более 2,5 тыс. [2, с. 181]. Попытаемся выяснить, насколько комсомольцы данных вузов были погружены в научно-исследовательскую, культурную и общественную деятельность и как формировались их профессиональные навыки. Рассмотрим наиболее характерные черты личности комсомольской молодежи, которые прослеживаются в архивных источниках и по которым можно составить обобщенный портрет ее представителей. Характеристики комсомольцев ТГПИ и ТМИ за апрель 1985 — декабрь 1986 гг., которые охватывают около 1 % от их общего числа, тем не менее могут рассматриваться как социологическая выборка, поскольку в достаточном объеме содержат сведения по обозначенной теме (мы впервые вводим эти исторические источники в научный оборот).

Анализ данных о 78 комсомольцах пединститута, по разным причинам зафиксированных в документах, показывает преобладание среди них в 1985 г. людей от 18 до 21 года (40 из 56 человек, указавших дату своего рождения). Иными словами, подавляющее большинство комсомольцев этого вуза составляли младшекурсники (59 девушек и 19 юношей) [3–21]. А в медицинском институте 55 из 90 комсомольцев были старшекурсниками, и количество мужчин незначительно превосходило женщин (49 юношей и 41 девушка) [2, с. 182].

Во второй половине 1980-х гг. комсомольская организация ТГПИ стремилась через студенческую активность сформировать авторитетного в глазах детей и заинтересованного педагога, считая, что «успешное решение сложных задач обучения и воспитания молодежи ... в решающей степени зависит от учителя...» [7–24, с. 1], и уделяла внимание навыкам практической работы с детьми. В ТМИ подчеркивали, что врач, общаясь с больными, должен проявлять «милосердие, подвижничество, смелость, оптимизм, организованность» [8–25, с. 2].

Остановимся на сферах самореализации комсомольцев. Первая из них — это занятия наукой. Они включали в себя выступления на научных конференциях и конкурсах, предметных олимпиадах и в научных кружках. В целом в ТГПИ наукой занимались 23 студента-комсомольца из 78: в олимпиадах по различным дисциплинам участвовали 10 человек, в науч-

ных конференциях — 6, конкурсах — 3, были постоянными членами студенческих научных кружков — 5 [3–21]. В медицинском институте доля вовлеченных в научную деятельность комсомольцев достигала 40 %, или 34 человека из 90: 26 работали в кружках, а еще 9 — на конференциях [2, с. 183]. Как видим, несмотря на меньший объем вовлечения в исследования, по сравнению с будущими врачами, комсомольцы-педагоги более интенсивно действовали в творческих состязаниях. Добавим, что за научную деятельность комсомольцы ТГПИ получили 4 награды [3–21], а медики — всего одну [2, с. 183].

Во-вторых, наиболее распространенной формой привлечения студенчества к общественным делам в тот период являлась практическая помощь городу, селу, области и стране. Всего в период третьего трудового семестра в студенческих строительных отрядах были заняты 51 из 78 комсомольцев ТГПИ (65 %), в том числе 22 как бойцы, семеро — командиры, трое — комиссары и шестеро организованно выезжали на помощь селу при уборке урожая в составе сельскохозяйственных отрядов [3–21]. В пединституте 39 комсомольцев вступили в ряды «стройотрядовцев», из них 30 — бойцами, семеро — комиссарами и двое — командирами отрядов. На сельскохозяйственных выездах были задействованы 14 комсомольцев [2, с. 184]. Следовательно, можно говорить о сопоставимом вкладе комсомольцев ТГПИ и ТМИ в строительство и оказание помощи селу. Но по количеству наград за трудовые достижения комсомольцы-педагоги заметно уступают медикам — первые смогли завоевать семь поощрений в этой области [3–21], а вторые — 12 [2, с. 183].

Особенностью комсомольской организации ТГПИ была помощь в практической подготовке будущих учителей к работе с детьми. Поэтому мы располагаем информацией о десяти комсомольцах, работавших в педагогических отрядах, и о том, что за успехи были награждены трое из них [3–21]. Напротив, в ТМИ педагогической работой был занят всего один человек — студентка Г. Кривошеина, которая на первом курсе работала в подшефной школе, а затем стала ответственной за сектор шефской работы в факультетском бюро ВАКСМ [2, с. 184].

В-третьих, комсомольцы отдавали много времени культурной жизни. Подразумеваются различные смотры-конкурсы художественной самодеятельности

собственно в вузах и творческую самостоятельность в студенческих отрядах. За культурно-просветительскую работу были награждены трое комсомольцев-педагогов [3–21]. Но в личных данных комсомольцев-медиков информация о награждениях в данной области за апрель – декабрь 1985 г. отсутствует, а архивные документы комсомольской организации ТМИ за более поздний период еще недоступны для исследователей.

Естественно, что студенты занимались спортом: на уровне групп, факультетов, института, города и области проводились соревнования по различным видам спорта. В медицинском институте за спортивные успехи наградили пять комсомольцев [2, с. 183], а в педагогическом — 3 [3–21]. В ТГПИ была только одна чемпионка — И. Корсакова, получившая эту награду в областных соревнованиях по пулевой стрельбе 1985 г. [9, л. 57]. Зато в том же году хорошими спортсменами оказались комсомольцы медицинского института. Призовое место на соревнованиях ТМИ по стрельбе получил А. Юдин [25, л. 86], в городских и областных состязаниях по легкой атлетике — А. Дубаков [26, л. 11], а в первенстве Минздрава РСФСР среди городов Сибири и Дальнего Востока по плаванию — Е. Бадына [25, л. 81–81, об.].

На наш взгляд, эффективность внеурочных мероприятий, которые проводили комсомольские организации этих вузов, можно оценить через статистику наград комсомольцев. Это призовые места в конкурсах, почетные грамоты от институтского, районного, городского и областного комитетов ВЛКСМ и сельскохозяйственных и промышленных предприятий и учреждений (работая там, комсомольцы могли достойно себя проявить), знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец XI пятилетки», дипломы и знаки институтов. Всего были награждены 30 из 78 комсомольцев ТГПИ [3–21] и 18 из 90 медиков [2, с. 183].

Небольшой объем статьи не позволяет подробно рассказать о наиболее активных и успешных студентах. Все же назовем некоторых из них. Среди комсомольцев-педагогов были известны: Л. Дорошук — обладательница диплома первой степени за работу по политэкономии на конкурсе общественных наук [22, л. 99], М. Ярицина — комиссар и член агитбригады отряда отделочниц «Ритм», сделавшая его лучшим в Томске [8, л. 55], А. Потапов — боец педагогического отряда, шефствовавшего над детским домом № 9 [21, л. 96], М. Корнякова — идеолог группы, организатор конкурса политпесни и политплаката и автор политических стихов [7, л. 31] и Т. Пашнина — победитель институтского фотоконкурса [12, л. 22].

Такого рода комсомольцы, конечно же, были и в медицинском институте. Так, политрук одного из общежитий ТМИ А. Миннигадиева добилась того, что ее «студенческий дом» занял одно из первых мест в институтском смотре-конкурсе в области патриотического воспитания. В. Киселев отличился как художник политического плаката, а Р. Таипова успешно проявила себя в олимпиадах и конференциях по химии и политэкономии [2, с. 185].

Подводя итог, можно со всей ответственностью сказать, что внеучебная жизнь комсомольцев педагогического и медицинского институтов Томска во второй половине 1980-х гг. была разнообразной и способной удовлетворять и личные, и общественные творческие потребности молодых людей. Разумеется, эта статья — всего лишь введение в сложную тему, требующую дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Протокол XXXIV отчетно-выборной конференции комсомольской организации ТГПИ от 02.11.1986 г. // Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 1976. Оп. 2. Д. 56. Л. 1–21.
2. Болдышев, А. Д. Студент-комсомолец Томского медицинского института образца 1985 г. / А. Д. Болдышев // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. Выпуск 4 : сб. науч. трудов / под ред. К. В. Фадеева. — Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2012. — С.181–185.
3. Протокол № 12 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 09.04.1985 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 52. Л. 34–38.
4. Протокол № 16 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 13.05.1985 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 52. Л. 55–67.
5. Протокол № 20 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 10.09.1985 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 53. Л. 1–4.
6. Протокол № 22 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 22.10.1985 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 53. Л. 19–26.
7. Протокол № 23 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 05.11.1985 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 53. Л. 27–36.
8. Протокол № 24 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 19.11.1985 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 53. Л. 37–45.
9. Протокол № 25 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 03.12.1985 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 53. Л. 46–71.
10. Протокол № 26 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 23.12.1985 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 53. Л. 72–84.
11. Протокол № 28 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 07.01.1986 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 57. Л. 1–11.
12. Протокол № 29 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 22.01.1986 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 57. Л. 12–19.
13. Протокол № 30 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 5.02.1986 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 57. Л. 20–24.
14. Протокол № 31 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 18.02.1986 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 57. Л. 25–28.
15. Протокол № 32 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 04.03.1986 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 57. Л. 29–32.
16. Протокол № 33 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 18.03.1986 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 57. Л. 33–41.
17. Протокол № 36 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 3.06.1986 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 57. Л. 45–50.
18. Протокол № 37 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 10.09.1986 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 57. Л. 50–55.
19. Протокол № 3 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 18.11.1986 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 58. Л. 15–39.
20. Протокол № 4 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 25.11.1986 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 58. Л. 40–71.
21. Протокол № 5 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 10.12.1986 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 58. Л. 72–99.
22. Протокол № 6 заседания комитета ВЛКСМ ТГПИ от 23.12.1986 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1976. Оп. 2. Д. 58. Л. 110–114.
23. Деттерер, А. Учитель, перед именем твоим... / А. Деттерер // Советский учитель. — 1985. — 10 апреля.
24. Бушмелева, Л. П. О долге врача / Л. П. Бушмелева // За медицинские кадры. — 1985. — 13 сентября.
25. Протокол № 25 заседания комитета ВЛКСМ ТМИ от 22.10.1985 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1964. Оп. 1. Д. 246. Л. 74–95.
26. Протокол № 31 заседания комитета ВЛКСМ ТМИ от 24.12.1985 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1964. Оп. 1. Д. 248. Л. 1–111.

БОЛДЫШЕВ Александр Дмитриевич, аспирант кафедры истории России и политологии, старший лаборант кабинета гуманитарных дисциплин.
Адрес для переписки: adb.tsuab@sibmail.com

Статья поступила в редакцию 20.09.2012 г.

© А. Д. Болдышев

УЧАСТИЕ СТУДЕНЧЕСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРОГРАММЕ «КОМСОМОЛ — СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ»

В статье рассматриваются студенческие строительные отряды Западной Сибири и их участие в движении «Комсомол — сельской школе». Анализируются итоги этой программы, а также ее роль в жизни сельской школы.

Ключевые слова: Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (ВЛКСМ), комсомол, студенческие отряды (СО), студенческие строительные отряды (ССО), движение студенческих строительных отрядов, школа.

Под эгидой ВЛКСМ в 1970-е гг. возникли и развивались несколько программ, направленных на развитие народнохозяйственного комплекса страны. Это такие программы, как: «Комсомол — сельской школе», «Строительство животноводческих помещений» и «Животноводство — ударное дело комсомола». К этому времени студенческие строительные отряды (ССО) перестали быть социальным экспериментом, они стали реальной силой, которая решала назревшие социальные и экономические проблемы. Именно по этой причине стройотряды стали активными участниками этих программ. Несмотря на назревшую сейчас проблему малокомплектных сельских школ, необходимость целенаправленной помощи сельской школе, до сих пор не дана оценка и не подведены итоги участия ССО Западной Сибири в программе «Комсомол — сельской школе». Большая часть исследований о движении стройотрядов в СССР создана в период существования этого движения (Е. Ф. Артемьев, А. Б. Безбородов, В. А. Волчек, В. А. Лепехин, Е. С. Ольховский и др.). Эти работы ценны опубликованным фактическим материалом, личными наблюдениями их авторов, многие из которых принимали непосредственное участие в зарождении и развитии студенческих отрядов. Возрождение ССО в различных субъектах Российской Федерации вновь вызвало интерес исследователей к изучению ССО как специфического явления советской эпохи (Г. Н. Бутыркин, С. Е. Мишенин, А. В. Парпура, Н. В. Скандакова, О. П. Шафеева, Н. Г. Якушина и др.). Предмет анализа — участие студенческих строительных отрядов Западной Сибири в осуществлении программы «Комсомол — сельской школе». Объект изучения — деятельность областных ССО городов Кемерово, Новосибирск, Омск, Томск, Тюмень и краевого ССО Алтайского края в 1969—1972 гг. Цель работы: изучение направлений деятельности и анализ реальных действий стройотрядов Западной Сибири в материальной поддержке сельской школы.

Источниками работы стали делопроизводственные материалы: отчеты, справки, информационные документы по программе «Комсомол — сельской школе», хранящиеся в фондах КГУ ГААК № 482 (Алтайский крайком ВЛКСМ), ГУКО ГАКО П № 126 (Кемеровский обком ВЛКСМ) и П № 53 (Кемеров-

ский горком ВЛКСМ), ГБУ ГАНО № 190 (Новосибирский обком ВЛКСМ) и № 198 (Новосибирский горком ВЛКСМ), КУ ГИАОО П № 4 (Омский обком ВЛКСМ), ОГУ ЦДНИ ТО № 608 (Томский обком ВЛКСМ) и № 607 (Томский горком ВЛКСМ), ГУТО ГАСПИТО № 1444 (Тюменский областной комитет ВЛКСМ). А также газеты: «Тюменский комсомолец», «Красный Север», «Политехник», «Молодой сибиряк» и ее приложение «Студенческая планета», «Молодежь Алтая» и др. Методы изучения: исторический, логический, историко-сравнительный, историко-типологический, количественный анализ. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1968 по 1972 гг.

Первыми объектами, которые возводили ССО, были типовые объекты сельского строительства. Работая на селе, бойцы стройотрядов видели материальное состояние сельских школ, осознавали ее нужды и проблемы и по мере своих возможностей пытались оказать помощь. В 60-х гг. XX в. среди ССО Москвы, Киева и Ленинграда родился лозунг: «Заработок дня — на строительство школы!». Все ССО СССР активно его поддержали. Отряды Новочеркасского политехнического института, выехавшие в совхоз «Октябрь» Целиноградской области, построили и подарили маленьким целинникам экспериментальную школу-клуб. Средства на строительство школы были студенческие [1, с. 2]. В 1963 г. Томским областным ССО было запланировано строительство школы на 320 мест в совхозе «Хлебороб» [2, с. 16], а в 1967 г. Новосибирским областным ССО было сдано 6 школ [3]. Но до 1969 г. безвозмездная помощь сельской школе носила бессистемный характер: не всегда выделялись средства на строительство и ремонт, не было проектной документации и т. д. В августе 1968 г. в совхозах, где дислоцировался Омский областной ССО, были проведены рейды «Комсомольского прожектора» по подготовке школ. Эти рейды показали, что многие школы нуждались в срочном ремонте помещений, парт, наглядных пособий. Для устранения этих недостатков были приняты срочные меры по оказанию помощи школам, через районные, советские и партийные органы. Студенты своими силами отремонтировали 18 школ; призвели ремонт парт и наглядных пособий. К 1 сентября школы были готовы к приему уча-

**Итоги двухлетки «Комсомол – сельской школе»
в Кемеровской, Новосибирской областях и Алтайском крае [3, 5–8]**

Таблица 1

Показатели	Алтайский край		Кемеровская область		Новосибирская область	
	1969	1970	1969	1970	1969	1970
Школ						
строилось		25				
сдано в эксплуатацию	5	5	5	5		
Текущий ремонт школ	29	59	29	36	70	86
Построено спортплощадок и других сооружений		76		36		157
Оборудовано: специализированных кабинетов, фотолабораторий, технических пунктов				32	20	92
Изготовлено наглядных пособий				122		82
Передано школьным библиотекам книг (томов)	6200	5800	5000	3811	9846	9950
Открыто консультационных пунктов		19		6	49	68
А) в них работало студентов				34		120
Б) посетили занятия (чел.)		200		46		536
Действовало лагерей-спутников	28	27	5	6	18	21
В них отдыхало детей	828	972	134		1059	380

**Итоги двухлетки «Комсомол – сельской школе»
в Омской, Томской и Тюменской областях [2, 4, 8–10]**

Таблица 2

Показатели	Омская область		Томская область		Тюменская область	
	1969	1970	1969	1970	1969	1970
Школ						
строилось				13		21
сдано в эксплуатацию	7	16			30	6
Текущий ремонт школ	34	49	37	11	42	100
Построено спортплощадок и других сооружений	31	69	92	39		82
Оборудовано: специализированных кабинетов, фотолабораторий, технических пунктов	19	17		25	58	123
Изготовлено наглядных пособий		230		43		45
Передано школьным библиотекам книг (томов)	5000	1000	8867	10084		26750
Открыто консультационных пунктов		7			17	43
А) в них работало студентов					136	130
Б) посетили занятия (чел.)						600
Действовало лагерей-спутников	3	2	6	9	28	96
В них отдыхало детей	74			628	1800	1812

щихся [4]. 11 марта 1969 г. вышло постановление бюро ЦК ВЛКСМ «О проведении двухлетки «Комсомол – сельской школе». Инициатива комсомола по шефству над сельскими школами была активно поддержана партийными и советскими органами. Двухлетка привлекла внимание комитетов комсомола к проблемам и нуждам сельской школы, содействовала укреплению шефских связей между городом и селом. Комсомольские организации участвовали во Всесоюзном социалистическом соревновании по улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы, содействовали укреплению шефских связей между городом и селом. Для ССО участие в двухлетке означало, что школьные объекты стали объектами первостепенной важности, сдаточными к началу учебного года. Шефство над сельской

школой и работа с детьми стали основным направлением деятельности стройотрядов. Основные показатели участия ССО в двухлетке можно проанализировать по табл. 1 – 3. После подведения итогов всесоюзной программы «Комсомол – сельской школе» ССО Западной Сибири продолжили помогать сельской школе. Своеобразным продолжением двухлетки стали краткосрочные программы, такие как: «ССО – детям» (строительство и ремонт детских игровых площадок), «Дельфин» (строительство и ремонт спортивных площадок), «Каждой школе – горн и барабан» (оказание помощи пионерским организациям). Работа стройотрядов по шефству над сельской школой принимала разные формы. Интересной формой работы в Алтайском краевом ССО стала организация студенческих десантов на пусковые

Таблица 3
Итоги двухлетки «Комсомол – сельской школе» по Западной Сибири

Показатели	Западная Сибирь		Всего
	1969	1970	
Школ			
строилось		59	59
сдано в эксплуатацию	47	32	79
Текущий ремонт школ	241	341	582
Построено спортплощадок и других сооружений	123	459	582
Оборудовано: специализированных кабинетов, фотолaborаторий, технических пунктов	97	289	386
Изготовлено наглядных пособий		522	522
Передано школьным библиотекам книг (томов)	34913	57395	92308
Открыто консультационных пунктов	66	143	209
Действовало лагерей-спутников	88	161	249
В них отдыхало детей	3895	3792	7687

Таблица 4
Итоги безвозмездной помощи сельской школе в Томской и Тюменской областях (1971–1985 гг.) [2, 9]

Показатели	Томская область	Тюменская область
Текущий ремонт школ	866	1121
Построено спортплощадок и других сооружений	1673	774
Оборудовано: специализированных кабинетов, фотолaborаторий, технических пунктов		921
Изготовлено наглядных пособий		4233
Передано школьным библиотекам книг (томов)	95050	164040
Открыто консультационных пунктов		898
А) в них работало студентов		1701
Б) посетили занятия (чел.)		6507
Действовало лагерей-спутников	162	335
В них отдыхало детей	5532	7173

стройки учреждений народного образования, которые формировались на срок до двух недель из числа лучших бойцов зонального стройотряда. Так, например, в 1977 г., в с. Дресвянка Каменского района, когда школа находилась на грани срыва сдачи в эксплуатацию к 1 сентября на место сбежавших с объекта наемных рабочих зональным штабом была направлена бригада лучших бойцов стройотрядов Алтайского государственного медицинского института (АГМИ), которые обеспечили своевременное завершение строительных работ. На заработанные деньги участники десанта приобрели школьный инвентарь и подарили его на торжественной линейке 1 сентября [11]. В шефстве над сельскими школами были свои трудности. В Алтайском крае местные организации не всегда обеспечивали школы необходимым стройматериалами. В результате чего школы строились по нескольку лет, что осложняло строительство и делало его нерентабельным. На строительство школ шла некачественная проектно-сметная документация, которая вызывала дополнительные переделки по ходу строительства [11]. В Омской области при организации лагерей-спутников студенты столкнулись с большими трудностями. Во-первых, в области существовало достаточное количество районных пионерских лагерей, которые сами

зачастую не могли набрать нужное число ребят; во-вторых, те школьники, которые не поехали в пионерские лагеря, оставались помогать родителям или работать в совхозах и колхозах на подсобных работах. По этим причинам были созданы лагеря-спутники вечернего типа. В 1971 г. отряд Омского педагогического института «Флира» организовал у себя лагерь выходного дня для дошкольников. С благодарностью вспоминали их молодые матери совхоза. Теперь они могли по воскресеньям спокойно заниматься домашними делами, зная, что их малыши находятся под надежной опекой будущих педагогов [4]. Чтобы оценить масштаб безвозмездной помощи стройотрядов сельской школе достаточно привести результаты шефства Томского и Тюменского областных ССО (табл. 4). Для анализа выбраны именно эти регионы Западной Сибири, т. к. они лидируют по количеству ССО, въездных и выездных СО.

«Комсомол — сельской школе» — это не только строительство и ремонт школ и интернатов, оснащение учебных кабинетов и мастерских, библиотек и спортзалов. В первую очередь, это работа со школьниками в консультационных пунктах и подготовка их к поступлению в вузы, рекомендация юношей и девушек в педагогические вузы области, работа с подростками в лагерях-спутниках.

Шефство ССО над сельской школой часто не ограничивалось третьим трудовым семестром. Так, с 70-х гг. XX в. все ССО начали проводить мероприятия по подготовке школ к учебному процессу в течение всего года. В Алтайском крае в 1974 г. в высших учебных заведениях в течение всего учебного года широко развернулась работа по сбору библиотечек для сельских школ; более 3 тыс. книг было скомплектовано тематически («Дороги пятилетки», «Загадки трудного возраста», «Вьетнам — эпоха мужества», «История Алтая», «Годы мужества», подбор книг о Великой Отечественной войне, «Освоение космоса», «Воспоминания о Ленине», «Ленин и дети» и др.). В этом же году для организации целенаправленной помощи школам в отрядах было создано 18 специализированных бригад «Комсомол — сельской школе» [11]. Заслуживает внимания и опыт круглогодичного шефства ССО «Квант» БГПИ над Ярославской средней школой Славгородского района, из числа учащихся старших классов которой на период летних каникул создается трудовой отряд «Спутник» [11]. Лучшие вузы Западной Сибири круглогодично шефствовали над сельской школой, занимались с сельскими ребятами. Если в школу приходил вожатый, то это был студент, боец ССО. Руководитель кружка — студент, олимпиады проводил тоже студент. А когда сельский выпускник приезжал в институт, студенты его опекали, проводили консультации.

Программа «Комсомол — сельской школе» сыграла значительную роль в жизни села, повлияла на его экономическое и социально-политическое развитие. После окончания двухлетки комсомол продолжил шефство над сельской общеобразовательной школой. Это можно проследить по документам: 1971 г. — бюро ЦК ВЛКСМ рассмотрело вопрос об итогах всесоюзной двухлетки и мерах по дальнейшему улучшению шефства комсомола над сельскими школами; 1976 г. — выходит постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об улучшении условий работы сельской общеобразовательной школы», и т.д. Всесоюзное движение «Комсомол — сельской школе» явилось важным шагом в деле повышения роли комсомольской организации в осуществлении перехода ко всеобщему среднему образованию, внесло существенный вклад в укрепление учебно-материальной базы сельских школ, способствовало улучшению учебно-воспитательной работы со школьниками.

В 70-х гг. XX вв. стало традицией, что строительство школ — самое почетное и ответственное комсомольское поручение. В практике работы ССО Западной Сибири была намечена четкая тенденция — брать строительство школ с нуля и сдавать их под ключ к началу учебного года. К сожалению, в наши дни опыт участия ССО в проведении целе-

направленных программ на селе утрачен, поэтому его изучение представляет особый интерес в целях возможного применения на практике в проектной деятельности современного студенчества.

Библиографический список

1. Воронин, Н. Зажжем лампочки Ильича! /Н. Воронин // Политехник. — 1969. — 18 апреля.
2. История движения студенческих строительных отрядов Томской области (1963—2004 гг.): сб. документов и материалов // А. А. Фрицлер. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. — С. 110, 119, 145, 345.
3. ГБУ «Государственный архив Новосибирской области» (ГБУ ГАНО). — Ф. 190. — Оп. 10. — Д.7 а. — Л. 36; Оп. 10. — Д. 81. — Л. 13, 14, 28.
4. КУ «Исторический архив Омской области» (ГИАОО). — Ф. п. 4. — Оп. 1. — Д. 3801. — Л. 71; Оп. 1. — Д. 3787. — Л. 49; Оп. 1. — Д. 3909. — Л. 15; Оп. 1. — Д. 3874. — Л. 1 — 4.
5. Труевцев, В. А. Семестры гражданского становления: научно-публицистический очерк истории краевого ССО «Алтай» / В. А. Труевцев. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1984. — С. 88—89, 157—158.
6. ГУ «Государственный архив Кемеровской области» (ГУКО ГАКО). Ф. П 126. — Оп. 15. — Д. 12. — Л. 6,7; Оп. 15. — Д. 97. — Л. 29.
7. Волчек, В. А. Основные направления производственной деятельности студенческих отрядов Кузбасса в 1967—1980 гг. / В. А. Волчек; Кемеровский государственный университет. — Кемерово, 1988. — С. 64. — Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 31.10.88, № 35991.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. М.-17. — Оп. 1. — Д. 776. — Л. 32; Оп. 1. — Д. 859. — Л. 13.
9. ГУ «Государственный архив социально-правовой истории Тюменской области» (ГУТО ГАСПИТО). — Ф. 1444. — Оп. 32. — Д. 105. — Л. 70; Оп. 34. — Д. 25. — Л. 24 — 25; Оп. 39. — Д. 120. — Л. 25; Оп. 40. — Д. 104. — Л. 20; Оп. 42. — Д. 123. — Л. 19; Оп. 44. — Д. 179. — Л. 24; Оп. 46. — Д. 164. — Л. 29; Оп. 48. — Д. 167. — Л. 16; Оп. 50. — Д. 104. — Л. 15; Оп. 52. — Д. 100. — Л. 20; Оп. 54. — Д. 104. — Л. 172; Оп. 56. — Д. 114. — Л. 193; Оп. 46. — Д. 164. — Л. 176; Оп. 48. — Д. 167. — Л. 213.
10. ОГУ «Центр документации новейшей истории Томской области» (ОГУ ЦДНИ ТО). — Ф. 608. — Оп. 57. — Д. 1. — Л. 76—77.
11. КГУ «Государственный архив Алтайского края» (КГУ ГААК). — Ф. 482. — Оп. 31. — Д. 399. — Л. 16; Оп. 30. — Д. 19. — Л. 47; Оп. 30. — Д. 136. — Л. 18.

НАБАТОВА Надежда Николаевна, аспирантка кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: nabatova.n@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.09.2012 г.

© Н. Н. Набатова

Книжная полка

Кларк, Г. Доисторический мир / Г. Кларк; пер. с англ. — М.: Центрполиграф, 2011. — 319 с. — ISBN 978-5-9524-4976-3.

Профессор археологии Кембриджского университета и знаток предыстории человечества Грэм Кларк раскладывает перед читателем пеструю мозаику описаний первобытных культур во всех уголках земного шара, пытаясь объяснить, почему появились первые поселения людей, рассказывая, как они распространялись по миру, какие ступени развития прошли известные нам древнейшие цивилизации, чем отличались и чем были похожи их культуры. Кларк дает нам возможность представить, насколько мир в доисторические времена был не похож на сегодняшний, в каком климате жили наши предки, как добывали пропитание, в каких жилищах обитали, во что одевались, как их чувства воплощались в первые произведения искусства.

СТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В современных условиях военного реформирования и реформирования военного образования небесполезно обратиться к опыту истории. Проследив процесс становления системы военного образования и развития взглядов на педагогическую подготовку офицеров, мы перейдем к проблемам, которые исследовались и довольно успешно решались видными военными и гражданскими учеными в области обучения и воспитания солдат. 300-летний исторический опыт военных школ России позволит наметить основные пути и направления в развитии педагогической подготовки современных офицеров.

Ключевые слова: военное образование.

История России — это прежде всего непрекращающаяся история войн, в которых формировалась, укреплялась и отстаивалась российская государственность [1, с. 552]. В силу этого в Российской культуре, обществе и науке особой актуальностью пользовалось всё, что связано с армией, её техническим оснащением, вооружением, комплектованием и, главное, обучением и воспитанием.

Главные победы русского оружия — это победы военной воспитательной системы, богатой нестандартными решениями, целостным содержанием, вниманием к личности офицера и солдата. Не случайно выдающиеся российские полководцы и флотоводцы: А. В. Суворов [2], М. И. Кутузов [3], Ф. Ф. Ушаков [4] и другие являются авторами уникальных военно-педагогических идей и их военно-педагогическое наследие сопоставимо с военными достижениями.

Основателем создания военно-учебных заведений в Российской империи считается Пётр I. Допетровская Россия не знала постоянного корпуса офицеров. Стрелецкий голова, воевода, полуголова, сотник, пятидесятник, десятник — все это названия военных начальников, существовавших в дружинах удельной Руси и находившихся на службе только в военное время. Когда наступал мир, они разъезжались по вотчинам, поместьям и никаких военных обязательств не несли. Прообраз офицерского корпуса возник только в стрелецких полках Московского государства и первых двух регулярных единицах русской армии — Бутырском и Лефортовском полках, созданных еще в 1645 г. при царе Алексее Михайловиче. В этих воинских частях и выработывалась иерархия офицерских чинов. Но содержание деятельности воинских начальников почти не менялось. Они были лишены личной инициативы, механически передавали приказания и команды. Русский офицер в то время еще не появился на исторической сцене [5, с. 92].

Об отношении Петра I к военному образованию красноречиво говорит уже то неудовольствие к своему сыну царевичу Алексею, за его явное пренебрежение к военным и физическим упражнениям

[6, с. 122]. Написанный императором собственноручно в 1716 году воинский устав так определяет необходимый уровень знаний военнотружущих того времени: «Фельдцейхмейстеру, — говорится в нем, — надлежит о фортификации, так и о артиллерии и инфантерии совершенное известие (Wissenschaft) иметь», генералам, крикс- и обер-комиссарам — «доброму арифметику быть». Чин генерал-квартирмейстера требует человека, искусного в географии и фортификации, полковому же квартирмейстеру нужно, по крайней мере, «знать рисунок» и отчасти географию, а также быть добрым арифметиком и геометром. От инженеров требовалось основательное знание фортификации, от генерал-аудитора и от фискалов знание военных и прочих прав. Генералы, штаб- и обер-офицеры, солдаты, должны были каждый достаточно свое звание ведать. Даже от волонтеров требовалось не только знание военных экзерциций, но и прочих военных наук, особенно фортификации и артиллерии. Таким образом, от военных начальников и от простых солдат требовалось, хотя от каждого не в полном объеме, знание арифметики, геометрии, фортификации, артиллерии, географии, военных и прочих прав, — от всех вообще знание военной экзерциции» [7]. Исходя из этого, все учебные заведения, созданные в царствование Петра Великого, имели явную военную направленность. Сразу после возвращения из путешествия по Западной Европе Пётр I при бомбардирской роте Преображенского полка создаёт первую военную школу [8, с. 6]. Преподавателями в этой школе были офицеры и нижние чины (бомбардиры) полка, сопровождавшие царя в заграничном путешествии. Руководил школой «капитан от бомбардир» Скорняков-Писарев. В первой военной школе изучали:

- начальную математику;
- фортификацию;
- артиллерию.

По окончании курса обучающиеся держали экзамен, на котором присутствовал лично император. После успешной сдачи экзаменов выпускникам присваивалось звание бомбардира и они направлялись

в войска с правом последующего повышения по службе. В связи с тем что гвардейские полки формировались преимущественно дворянами, получение военного образования и офицерского звания носило исключительно сословный характер.

14 января 1701 года по высочайшему указу в Москве учреждена Школа математических и навигацких наук. До 1706 года школа находилась в ведении Оружейной палаты, а в последствии передана Приказу морского флота и Адмиралтейской канцелярии. В школу набирались дети «дворян, дьячих, подьячих, из домов боярских и других чинов» [9, с. 591]. Дети, родители которых владели более 5 крестьянских домов, должны были обучаться за свой счёт, остальные получали так называемые «кормовые деньги» от казны. В школе изучали:

- арифметику;
- геометрию;
- тригонометрию;
- навигацию;
- морскую астрономию;
- географию.

Из перечня предметов, изучаемых в школе, видно, что, несмотря на явно морской уклон, помимо навигации там получали и более широкий круг знаний по другим предметам, имеющим отношение к инженерному образованию. Таким образом, первая школа «Математических и навигацких наук» стала прообразом высшего учебного заведения.

Поскольку в школу набирались как по желанию, так и по принуждению, при школе были открыты два начальных класса для подготовки учеников к обучению. В этих классах обучали чтению и письму, так как поступающие в основной своей массе были полностью безграмотные. В «цифирных школах» обучали счёту. Преподавателями в школе были в основном иностранцы, как и её первый директор Фарварсон. После окончания школы выпускники-дворяне направлялись на флот, в артиллерию и инженерами в армию, а выпускники других сословий — гражданскими чиновниками, писарями, архитекторами и даже учителями.

После открытия в 1715 году в Санкт-Петербурге Морской академии Школа математических и навигацких наук постепенно превратилась в подготовительное учебное заведение для этой академии, тем самым утратив свою самостоятельность.

Морская академия бала единственным закрытым военным учебным заведением того времени. В этом учебном заведении был установлен военный штат и строгий распорядок дня.

С 1712 года в Москве действует Инженерная школа со штатом в 23 ученика, но уже в 1713 году на основании указа сената численность учеников возрастает до 100 человек.

В этом же 1712 году при артиллерийском полку образована Артиллерийская школа. Начальником этой школы назначен генерал-майор Гинтер. В школе изучали:

- арифметику;
- геометрию;
- тригонометрию;
- черчение;
- фортификацию;
- артиллерию.

В 1719 году в Санкт-Петербурге открывается ещё одна Инженерная школа. В 1723 году обе школы объединяются в одну [10, с. 5]. Все созданные школы на первом этапе не являлись конкретными учебными заведениями, готовившими офицеров для Российской

армии. Система образования, существовавшая в этих школах, была в духе того времени. Обучение сводилось к заучиванию наизусть различных научных истин. Понятия воспитания не было и в помине. Поскольку основная масса учеников обучалась в школах по принуждению, то отчислений за дурное поведение и по неуспеваемости не было. Широко применялась система телесных наказаний. За малейшие провинности или плохую успеваемость учеников секли кнутом, плетью, батогами, кошками или шпицрутенами. За невозвращение после отпуска в учебное заведение виновный подвергался более суровым наказаниям, вплоть до смертной казни.

Тем не менее полученное образование в первых учебных заведениях России давало возможность широко применять выпускников на различных постах государственной деятельности. Офицерский корпус постоянно пополнялся выпускниками этих учебных заведений. Первые русские моряки, гидрографы, топографы и инженеры окончили Школу математических и навигацких наук. Выпускниками этого учебного заведения (Морской кадетский корпус — военно-морское учебное заведение в Санкт-Петербурге, правопреемник Московской навигацкой школы (1701—1715) — старейшее в России.) были адмирал Ф. Ф. Ушаков, а также мореплаватель и ученый А. И. Чириков и другие прекрасные морские офицеры. Несмотря на полное отсутствие педагогической подготовки в первых военных школах России, её выпускники направлялись учителями в различные губернии.

Император Петр Великий в 1716 году в следующих чертах определил круг обязанностей офицеров в ротах. «...Они суть помощники ротного и эскадронного командира во всех подробностях службы и должны знать твердо всех людей в частях, им вверенных, и все то, что предписано в строевом уставе, чтобы уметь хорошо объяснять и самому показать солдату все предписанные правила фронтовой службы по местному и походному служению, начиная от стойки, маршировки, ружейных приемов и так далее. Каждый из офицеров отвечает за свою часть; они не только должны носить звание взводных и частных начальников по наружности, но и в самой точности оправдывать его, занимаясь частями, им вверенными, сколько того воинский порядок и правила службы требуют» [9]. Поскольку идею создания школ в России Пётр I вынес с Запада, а первые учителя были иностранцами, то и система образования на первых порах полностью повторяла западную. Процветала так называемая Саганская система, процветавшая наиболее широко распространение в Пруссии, где уже в 1653 году были созданы три кадетские академии. Сущность Саганской системы сводилась к централизации просвещения, воспитанию на расстоянии. Система превращала учителя в исполнителя различных предписаний, полностью лишая его самостоятельности. Роль педагога сводилась к миссии надзирателя по отношению к ученикам и трепещущего перед начальством. Засилье иностранцев в системе образования Пётр I считал необходимым, но временным злом. Если появлялась возможность заменить учителя-иностранца русским, эта замена производилась немедленно. Развивая систему образования, в том числе и военного Пётр I не стремился всё перенять в неизменном виде по западному образцу, а переделывал, учитывая особенности русского человека. Основным требованием в военном обучении Пётр установил «обучать только тому, что пригодно в бою», при этом новобранцев обучали

отдельно, назначая для этой цели наиболее опытных старослужащих солдат. Воинский устав того времени запрещал наказывать обучаемых за ошибки допущенные ими в ходе обучения. Создавая свою армию по западному образцу, Пётр Великий таким образом создал армию, во многом превосходящую армии иностранных государств, что неоднократно было доказано на полях сражений.

К концу царствования Петра I работало более 50 навигацких, артиллерийских, медицинских и инженерных школ. Была установлена новая обязанность дворян — учебная. С десяти лет дворянин должен был учиться, а в пятнадцать — идти служить. К середине 50-х годов XVIII в. в сухопутной армии насчитывалось около 9 тыс. офицеров. Численность офицерского корпуса в последующем колебалась в зависимости от военно-политической обстановки и экономических возможностей государства. Так, во второй четверти XIX — начале XX вв. число офицеров колебалось от 24 до 40 тыс. человек. С началом Первой мировой войны численность офицерского корпуса увеличилась до 80 тыс. человек, а на 1 марта 1917 г. в действующей армии числилось более 190 тыс. офицеров [5, с. 93]. Однако после смерти Петра Великого в 1725 году дело, начатое им, стало постепенно разваливаться и приходило в упадок. Ряд школ перестал существовать совсем, а другие то закрывались, то вновь открывались.

Анализируя начальный этап формирования можно сделать следующие выводы:

— в первую очередь, он характеризуется наличием разрозненных военно-учебных заведений;

— во вторую очередь, отметим отсутствие единых учебных программ и квалифицированных требований к специалистам.

Далее отметим сословный характер военного образования. При всей своей демократичности и передовых идей военная школа Петра Великого не уравнивала выпускников — выходцев из разных социальных слоёв в правах.

Таким образом, военное образование на данном этапе не обладало многими системными признаками: единой целью, управлением, стабильностью.

Однако позитивными шагами в то же время следует считать:

— центральное управление военным образованием — уровень подготовленности выпускников проверял сам император;

— наличие государственного заказа — количественный состав воспитанников постоянно повышался в связи с потребностями государства в наличии специалистов.

— созданная Петром система стимулирования военного образования (получение первого офицерского чина и последующих чинов только после ат-

тестации) дало свои положительные аспекты в развитие образованности в офицерской среде.

Библиографический список

1. Козин, Н. Г. Постигание России; Опыт историософского анализа / Н. Г. Козин. — М. : Алгоритм, 2002. — 656 с.
2. Суворов, А. В. Наука побеждать / А. В. Суворов. — М. : Воениздат, 1987. — 40 с.
3. Кутузов, М. И. Сборник документов и материалов / под ред. Л. Г. Бескровного. — М. : Военное изд-во, 1950—1956.
 - Т. 1. XLVII. — 1950. — 793 с.
 - Т. 2. XXIII. — 1951. — 607 с.
 - Т. 3. 1808—1812. XXXI. — 1952. — 1026 с.
 - Т. 4. Ч. 1 (Июль—октябрь 1812 г.) XXXV. — 1954. — 550 с.
 - Т. 4. Ч. 2 (Октябрь—декабрь 1812 г.) XI. — 1955. — 848 с.
 - Т. 5. XXXVI. — 1956. — 827 с.
4. Ушаков, Ф. Ф. Святое русское воинство: Ключ к Адриатике / Ф. Ф. Ушаков. — М. : Эксмо, 2012. — 480 с.
5. На службе Отечеству. — М. : Воениздат, 1998. — 294 с.
6. Пекарский, П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. В 2 т. Т. 1 / П. П. Пекарский. — СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1862. — 590 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. В 45 т. Т. 5. (1713—1719). — СПб., 1830. — № 3006. — 782 с.
8. Лалаев, М. С. Исторический очерк военных учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. Ч. 1—3. СПб., 1880—1892. — 144+ 283+164 с. / М. С. Лалаев. — СПб., 1880. Ч. 1. Исторический очерк образования и развития артиллерийского училища. — СПб., 1870. — 144 с.
9. Веселаго, Ф. Ф. Очерки русской морской истории. В 3 ч. Ч. I / Ф. Ф. Веселаго. — СПб., 1875. — 701 с.
10. Максимовский, М. С. Исторический очерк развития Главного инженерного училища / М. С. Максимовский. — СПб., 1869. — 183 с.

ПОХОДЯЕВ Сергей Васильевич, подполковник, старший преподаватель Учебного военного центра при Омском государственном техническом университете; соискатель по кафедре социальной педагогики Омского государственного технического университета.

КУТЕПОВ Виктор Анатольевич, кандидат исторических наук, заместитель начальника Учебного военного центра при Омском государственном техническом университете.

МАВРИН Сергей Анатольевич, доктор педагогических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой социальной педагогики Омского государственного педагогического университета. Адрес для переписки: kutepviktor@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.10.2012 г.

© С. В. Походяев, В. А. Кутепов, С. А. Маврин

Книжная полка

Сёмин, В. П. История: Россия и мир : учеб. пособие по дисциплине «История» для студентов вузов неист. фак. / В. П. Сёмин. — М. : КНОРУС, 2013. — 544 с. — ISBN 978-5-406-02146-0.

Рассмотрены становление исторической науки, ее сущность и особенности, закономерности и методы, выявлено соотношение объективного и субъективного в истории. Показаны этапы вступления западной цивилизации в индустриальную эпоху и особенности образования Российского централизованного государства; формирование европейской и русской цивилизаций; место XVII—XVIII вв. в истории России и мира; влияние XIX в. на всемирный исторический процесс. Раскрыты особенности и тенденции развития мировой цивилизации на рубеже XX и XXI веков. Соответствует Федеральному гос. образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения. Для студентов бакалавриата вузов.

АКСАКОВЫ ОБ ИЗМЕНЕНИИ КУЛЬТУРНО-НРАВСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КРЕСТЬЯН И ПОМЕЩИКОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В данной статье рассматриваются взгляды видных славянофилов и общественных деятелей на изменения отношений крестьян и помещиков первой половины XIX в. в России. Исследование направлено на рассмотрение изменений социально-экономического и культурно-нравственного аспектов в отношениях крестьянина и помещика дореформенного периода.

Ключевые слова: помещик, крестьянин, славянофилы, культурно-нравственные отношения.

Социально-экономические и культурные процессы, происходившие в помещичьем и крестьянском хозяйствах первой половины XIX в., в научной исторической литературе до сих пор не получили однозначной оценки. Остаются нерешенными многие научные проблемы, связанные с теми изменениями, которые происходили в обществе. Наиболее ярко эти проблемы были поставлены в ходе Всесоюзной дискуссии по проблеме перехода России от феодализма к капитализму, состоявшейся в 1965 г. в Москве [1]. Но и спустя почти 50 лет они по-прежнему остаются нерешенными. При постоянном накоплении фактического материала эти проблемы русской истории не становятся менее актуальными, требуя своего решения.

В данной работе мы остановимся на освещении всего одного аспекта: рассмотрим отношения крестьян и помещиков первой половины XIX в. в изображении С. Т. и И. С. Аксаковых, выявляя при этом социокультурные аспекты этих отношений.

Сергей Тимофеевич Аксаков (1791 – 1859) — выдающийся русский писатель, классик отечественной литературы, театральный и литературный критик, настоящий мастер истинно русского слова. В молодости он, по примеру своего отца и деда, которые были помещиками-хозяйственниками, тоже пытался вести хозяйство. Но из-за собственного нежелания и изменявшейся социально-экономической ситуации в стране, которая не позволяла вести хозяйство как раньше, традиционным способом, вскоре оставил попытки управлять собственным имением. Тем не менее до конца своей жизни Сергей Тимофеевич владел крепостными, что, естественно, подразумевало отношения с ними, даже несмотря на то, что своим хозяйством он управлял через приказчика.

О своем видении отношений помещика и крестьян Сергей Тимофеевич повествует как в своих главных автобиографических художественных произведениях — трилогии «Семейная хроника» (1856),

«Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением «Семейной хроники» (1858), и «Воспоминания» (1859), так и в своих многочисленных письмах к сыну Ивану, переписка с которым была постоянной. Если в художественных произведениях целью автора было создать целостное яркое повествование, где мелкие подробности и неприглядные стороны действительности не всегда находили себе место, то в переписке с сыном Сергей Тимофеевич был предельно откровенен, не боялся говорить о проблемах и описывать реальную обстановку, тем более что письма отправлялись с оказией и он не опасался, что их вскроют и прочитают на почте.

Иван Сергеевич Аксаков (1823 – 1886) — крупнейший и один из наиболее ярких публицистов и общественных деятелей предреформенного и пореформенного периода. Он и его брат Константин по праву считаются одними из вдохновителей и идейных лидеров славянофилов. Иван Сергеевич, в отличие от своего отца, лично хозяйством не занимался, что, конечно, само по себе не является свидетельством его незнания отношений помещиков и крепостных крестьян. Но Иван 13 лет прослужил в различных ведомствах, в том числе в министерстве внутренних дел, чиновником в комиссии по особым поручениям, где он помимо прочего занимался еще и тем, что разбирал споры крестьян с помещиками на местах. Поэтому ему мы никак не можем отказать в осведомленности. Кроме того, что он разбирал споры крестьян с помещиками, он писал подробные отчеты по результатам своих командировок (а изъездил он практически всю европейскую часть Российской империи), что дает уникальные источники для разработки данного вопроса.

Но кроме своей чиновничьей деятельности, которую он вынужден был оставить по причине ее несовместимости с занятиями литературой, Иван Сергеевич Аксаков на протяжении 50 – 80-х г. XIX в. с перерывами был главным редактором трех круп-

ных славянофильских еженедельных газет — «День», «Москва» («Москвич») и «Русь». Передовые статьи Иван Сергеевич как правило писал сам. В своих многочисленных статьях Аксаков касается всех сторон жизни общества, не последнее место занимает и вопрос взаимоотношений крестьян и помещиков. Дело в том, что Иван Сергеевич, как главный редактор, на протяжении более 20 лет получал большое количество корреспонденции с мест, как от помещиков, представителей интеллигенции, так и от крестьян, где они писали об обстановке в деревне, проблемах, нуждах и т.д. Это давало ему возможность составить целостное представление о всех сферах жизни российского общества, в том числе и деревни.

Также неплохо Аксаков знал, по крайней мере, что касается Малороссии, степень вовлеченности помещичьих и крестьянских хозяйств в рыночные отношения благодаря его исследованию малороссийских ярмарок, которое он проводил по заказу Русского географического общества [2]. Для того чтобы провести такое исследование, ему пришлось проехать по всем десяти сезонным малороссийским ярмаркам, составляющим ярмарочный круг Украины, и собрать большое количество информации как посредством работы с официальной статистикой и документами фискальных ведомств, так и посредством массового опроса купцов, фабрикантов и помещиков. На все это у Аксакова ушло почти два года. Доклад его по приезду оказался превосходным и был отмечен в дальнейшем большой премией РГО и половиной — РАН. Интерес к теме этого доклада не прошел, и впоследствии и книга «Исследование о торговле на украинских ярмарках» была издана в 1858 г. на средства московского купечества [3]. Для нас данная работа важна тем, что в ней содержится большое количество ценных сведений о втягивании помещичьего и крестьянского хозяйств в рыночные отношения (посредством анализа товаров, продавцов и покупателей на ярмарках). А это, в свою очередь, говорит и об изменении отношений крестьян и помещиков, так как крестьянский отход на неземледельческие промыслы, втягивание крестьянского хозяйства в капиталистические отношения объективно изменяет характер взаимоотношений крестьян и помещиков.

Таким образом, мы признаем, что взгляд С. Т. и И. С. Аксаковых на отношения помещиков и крестьян, это взгляд хоть и не практиков-хозяйственников, но все же душевладельцев, очень сведущих, информированных, а главное, думающих людей. Конечно, их взгляд, как и взгляд любого другого человека, субъективен. Но это не исключает возможности отражения Аксаковыми объективных процессов, имевших место в русской действительности.

Для того чтобы рассмотреть интересующий нас вопрос в освещении Аксаковых, необходимо обратиться к истории этой семьи. Отношения крестьян и помещиков Сергей Тимофеевич в своих художественных произведениях начинает рассматривать начиная еще от своего деда, основываясь на устных рассказах и семейных преданиях.

Дед писателя, Степан Михайлович, бывший полковой квартирмейстер, был родовитым, столовым, хотя и небогатым дворянином, владевшим землями в Симбирской губернии и 180 душами крестьян мужского пола. Уже немолодой помещик принимает решение переселиться с частью крестьян в Уфимское наместничество, тогда еще мало освоенное и слабо заселенное русскими.

Степан Михайлович — не просто помещик и убежденный крепостник, а смелый и предприимчивый колонизатор. Эти черты проявились у него в принятии этого непростого, даже весьма авантюрного решения переселиться на новые земли. И там он в полной мере показал себя как деятельный и рачительный хозяин, прекрасный организатор.

Его крестьяне не хотели уходить с насиженных мест и отправлялись на новые земли, как на верную голодную смерть, со слезами и воплями. Аксаков почти всегда изображает крестьян спокойными и смиренными, а нередко даже забытыми и затравленными. Аксаковские крестьяне в общей своей массе всегда предстают пред нами как очень любящие своих господ. К Степану Михайловичу, а затем и к Тимофею Степановичу они относились как к отцу, искренне уважали и почитали. Такое описание крестьян может быть объяснено рядом причин:

1) Аксаковы гуманно относились к крепостным, поэтому крепостные не имели поводов для недовольства;

2) образ крестьян идеализирован С. Т. Аксаковым: устные рассказы могли быть недостоверными, они могли изменяться под влиянием славянофильских убеждений автора;

3) крестьяне Аксаковых были не совсем такими послушными и смиренными, какими их представляет писатель. Но цензура могла просто не пропустить иного описания крестьянства в преддверии крестьянской реформы.

По-видимому, имели место все три фактора, повлиявшие на изображение крестьян автором. Но, глядя на крепостных Аксаковых, нельзя делать вывод, что везде душевладельцы так же хорошо относились к крестьянам, так как тяжесть крепостного права зависит от личности помещика.

Переселившись в Уфимское наместничество, Степан Михайлович энергично принялся обживать на новом месте. Для него главным было благосостояние крестьян и их водворение [4].

Старый помещик заботился о своих крестьянах, и свое и крестьянское хозяйство держал под личным контролем, несмотря на то что у него был приказчик. Отношения между помещиком и крестьянином традиционные и даже напоминают отношения отца и детей в строго патриархальной семье. Хозяйство ведется традиционно, связи с рынком и втягивания в капиталистические отношения пока не наблюдаются.

Отец писателя, Тимофей Степанович, служил в Земском суде, но из-за постоянной нехватки средств оставил службу и стал заниматься хозяйством [5]. Он также был рачительным хозяином, ежедневно занимался хозяйством, лично контролировал полевые работы, умело руководил крестьянами.

Хозяйство Тимофея Степановича уже не похоже на дедовское: оно начинает приобретать связь с рынком. Отец торгует не только хлебом, но и скотом. Достаток его имения полностью зависит от конъюнктуры рынка. Отец свидетельствует, что в случае неурожая или падежа скота благополучное существование помещичьего и крестьянского хозяйств будет поставлено под вопрос: крестьяне обратятся за помощью к помещику, а помещик вынужден будет влезать в новые долги [5, с. 365]. Помещик выполнял функцию организатора в оптовых поставках и продаже не только своего, но и крестьянского хлеба, так как из-за удаленности имения от речных пристаней (100 верст) у крестьян не было возможности самостоятельно, без помощи помещика,

доставить свой хлеб на рынок. Именно помещик, благодаря своим организаторским способностям и материальным ресурсам, играл главную роль в эффективной связи с рынком.

Весьма интересным в этой связи представляется описание Аксаковым имущественного расслоения среди отцовских крестьян. По его словам, среди них выделились богатые мужики, скопившие состояния на производстве дегтя, кожевенных заводах и покупке кож у башкир [5, с. 258]. Это еще один момент втягивания в рыночные отношения, который влечет неизбежные изменения как в способе ведения хозяйства, экономике в целом, так и в культурно-нравственных отношениях между помещиком и крестьянами, а также между самими крестьянами.

Так С. Т. Аксаков описывает в своих главных произведениях хозяйство деда и отца. Хозяйство деда, хоть и невелико, но стабильно и устойчиво. В хозяйстве же отца из-за втягивания в рыночные отношения наблюдаются элементы начавшегося кризиса феодально-крепостнического способа производства [1, с. 43]. Следовательно, отношения помещика и крестьян объективно начинают меняться. Но пока эти изменения еще не так явны. Заметит и осмыслит их Сергей Тимофеевич не на страницах своих художественных произведений, а в личной переписке с сыном Иваном, о чем речь пойдет дальше.

И. С. Аксаков рассматривает отношения между помещиками и крестьянами в несколько ином контексте. Говоря о том, что большинство помещичьих хозяйств предреформенного периода из-за изменившейся социально-экономической обстановки в стране и отсутствия должного управления находятся в состоянии застоя и кризиса (разорение, влезание в долги, заклад и перезаклад имений) [6], как впоследствии это будут делать советские историки, в то же время понимал, что наряду с изменением самого хозяйства изменяются и отношения помещика и крестьянина. Изменение экономики влечет за собой разрушение прежних патриархальных отношений, крестьяне становятся смелее, перестают испытывать по отношению к помещику тот страх, который присутствовал до этого. Иван Сергеевич отмечает в своих статьях переходный характер современного ему предреформенного общества. Только упор он делает не столько на социально-экономические сюжеты, сколько на морально-нравственные. Для него, как и для всех Аксаковых, духовное определяет материальное. Плохое экономическое положение — следствие падения нравов всего общества, всех сословий без исключения.

Из-за потери истинных русских идеалов и духовности происходят все беды русского общества. По мнению Ивана Сергеевича, с отменой обязательной службы дворянство утратило свою историческую необходимость, дворянское сословие стало быстро размываться. С отменой обязательной службы дворяне привыкли вести себя как эксплуататоры, потребляющие результаты крестьянского труда без всякой пользы для государства. Их не интересовала судьба крестьянина, а если и интересовала, то только потому, что благосостояние помещика во многом, если не напрямую, зависело от благосостояния его крестьян.

Весьма интересным для нас будет отношение Ивана Сергеевича к отцовским крепостным, изложенное в его письмах к родным. В них он предстает несколько иным, чем мы знаем его по газетным и журнальным статьям. Иван четко понимает на примере хозяйства отца и многих других, им виденных,

что отношения меняются, и сообщает отцу об этом: «Отношения помещика с крестьянами с каждым годом расстраиваются, а это может привести к тому, что помещик останется без куска хлеба. «Так» — оставлять нельзя, прежние способы управления становятся теперь невозможными и прежние отношения расклеиваются. Крестьянин перестает бояться помещика» [7]. Иван Сергеевич предлагает отцу не распускать крестьян, не сбавлять им оброк (он и так был невелик — 3 рубля), чтобы они не стали требовать еще больших уступок, а вести по отношению к ним жесткую политику [7]. Он советует нанять управляющего со стороны, так как нынешний управляющий сам крестьянин из этой же деревни. Крестьяне при любой возможности стараются сработать на помещика как можно меньше и хуже. Без принуждения или полюбовного договора их невозможно заставить работать на барина. Поэтому необходимо, чтобы управляющий, не обижая крестьян, соблюдал бы интересы Сергея Тимофеевича, заставив крестьян работать честно и в необходимом объеме. Управляющий из крестьян не может этого сделать, так как боится обычного русского мщения — поджога [7, с. 297–298].

Здесь Иван Сергеевич говорит не как народный защитник, а как эксплуататор, заботящийся о сохранении своего благосостояния. Интересно, что даже Иван Сергеевич, человек, который был известен своим уважением и любовью к простому народу, не говорит о роли помещика в приобщении крестьян в культуре, образованию в предреформенный период. С одной стороны, его можно понять, он хотел скорейшей отмены крепостного права. Но с другой — в условиях кризиса феодально-крепостнического способа производства, когда прежние отношения между крестьянином и помещиком во всех сферах жизни начинают «трещать по швам», он советует отцу не помочь крестьянам, не научить, не вразумить, не даже попытаться понять, а, напротив, советует, сколько с них взять. Это является отголоском сословного мышления, оставшихся представлений о добром помещике, которые еще не исчезли в семье Аксаковых. Иначе говоря, даже славянофилы Аксаковы в период кризиса больше думают о себе и собственной выгоде, чем о крепостных крестьянах, действуют по формуле: «За крестьян, но с соблюдением своих интересов».

Отец отвечает сыну, что действовать с крестьянами жестче было бы хорошо, «да в нынешнее время уже невозможно» [7, с. 297–298]. И это очень показательный момент: прежние принципы отношений помещика и крестьянина отживаются, уходят в прошлое. Крестьяне перестают бояться помещика. Это происходит не только потому, что крестьяне «осмелели», но и потому, что помещики в выстраивании отношений перестают ставить страх на первое место. Даже лакеи позволяют себе вести себя так, как это было просто немыслимо несколько десятков лет назад [7, с. 334].

Иван Сергеевич также фиксирует еще один момент — эмансипацию крестьян. Крестьянское сословие размывается, крестьяне проникают и закрепляются в тех видах деятельности, в которые раньше их либо не пускали, либо этих видов деятельности вообще не существовало. Если прежде такие явления были единичными, то теперь они становятся массовыми. В их числе торговое огородничество вблизи крупных городов, ориентированное на рынок, работа на дому (рассеянная мануфактура), подводный промысел, в целом крестьянский неземле-

дельческий отход, мелкая разносная торговля и прочее [2, с. 147].

Аксаков описывает такие ситуации, когда разбогатевшие крестьяне-капиталисты эксплуатируют бедных крестьян, выкупая их на волю у помещиков. Но отпускные остаются в руках богатого мужика. Он же покупает по купчей крепости земли и усадьбы крестьян. Хотя выкупленные крестьяне свободны, но не имеют права на землю. А новый владелец «дерет с них безжалостно» за их выкуп и за землю помещику [7, с. 140]. Это и есть изменение в помещичьем хозяйстве. Если помещичье хозяйство становится нежизнеспособным, разлагается, то на его место приходят новые формы [8]. Появляются богатые крестьяне-капиталисты, которые, по сути, занимают место помещика. Понятно, что это отношения нового, капиталистического типа, но они поставлены на феодальную основу — крепостное право, пусть и в таком причудливом виде.

Конечно, Аксаков не объясняет все это таким образом, он просто фиксирует это как нечто новое, «новую проделку помещиков», но это есть отражение социально-экономических процессов, происшедших в тогдашнем обществе. Причем отношение разбогатевших крестьян к своим бедным собратьям гораздо хуже, а эксплуатация намного жестче и беспринципнее, чем она была со стороны помещика.

Таким образом, Иван Сергеевич фиксирует процесс имущественного и социального расслоения крестьянства. Сельская община препятствует этому процессу, но разбогатевшие крестьяне и ее используют для эксплуатации своих бедных собратьев. И эти случаи далеко не единичны, это становится нормой. Социальная обстановка в деревне усложняется, часть крестьян не находит своего места, оказывается в тяжелом положении. Обычной реакцией на это становится пьянство, поощряемое акцизным ведомством [9].

Итак, Иван Аксаков указывает на изменение отношений между помещиком и крестьянами, раскрывает, в чем конкретно эти изменения заключаются. Сам факт крестьянского отхода, делающего крестьянина на какое-то время в определенном смысле недосгаемым для помещика, уже сам по себе разрушает прежние отношения. У крестьянина появляется возможность скрывать часть своих доходов от помещика. Не всегда и не всем это удается. Но те, кому это удается, получают возможность собирать дополнительные личные средства, которые затем можно вложить в дело. Нельзя говорить, что раньше подобного не происходило, но масштабы были другими. Чем больше помещичье хозяйство втягивается в рыночные отношения, посредством ли переориентирования хозяйства на рынок, посредством крестьян-

янского отхода ли, крепостное право объективно начинает ослабевать. Крестьяне вырываются из-под опеки помещика, материально становятся более самостоятельными и независимыми. Одновременно меняется и их самосознание. Страх перед помещиком становится меньше. Да и сами помещики начинают вести себя по-другому. Все это также разлагает старый порядок, делает невозможным прежние отношения. Выстраивать же новые отношения людям со старым сознанием и идеалами весьма непросто. Это неизбежно ведет к конфликтам и противоречиям, которые, как мы убедились, вполне осознают и С. Т. и И. С. Аксаковы.

Библиографический список

1. Переход от феодализма к капитализму в России : материалы Всесоюзной дискуссии. — М. : Наука, 1969. — 416 с.
2. Аксаков, И. С. Украинские ярмарки / И. С. Аксаков // Отчего так нелегко живется в России? / Сост., вступ. ст. В. Н. Грекова. — М. : РОССПЭН, 2002. — 1008 с.
3. Чагин, Г. В. Предисловие / Г. В. Чагин // У России одна-единственная столица. Стихотворения и поэма. Пьеса. Статьи, очерки, речи. — М., 2006. — 512 с.
4. Аксаков, С. Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука / С. Т. Аксаков. — М. : Художественная литература, 1982. — 542 с.
5. Аксаков, С. Т. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением Семейной хроники / С. Т. Аксаков // С. Т. Аксаков. Избранные сочинения. — М. : Современник, 1982. — 847 с.
6. Аксаков, И. С. Застой у нас происходит от того, что решали исторический вопрос, не вооружаясь историческим сознанием / И. С. Аксаков // Отчего так нелегко живется в России? — М., 2002. — С. 523–530.
7. Аксаков, И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой. В 3 т. Т. 2 : Письма 1849–1857 гг. / И. С. Аксаков ; [Сост., подг. текста, примеч. Т. Ф. Прокопова]. — М. : Русская книга, 2004. — 576 с.
8. Аксаков, И. С. О финансовом положении России в начале 1862 г. / И. С. Аксаков // Отчего так нелегко живется в России? — М., 2002. — С. 635–641.
9. Аксаков, И. С. Отчего так нелегко живется в России / И. С. Аксаков // У России одна-единственная столица. Стихотворения и поэма. Пьеса. Статьи, очерки, речи. — М., 2006. — С. 255–261.

СТЕПЧЕНКО Виталий Алексеевич, аспирант кафедры истории, философии и культурологии.
Адрес для переписки: step-vit@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.06.2012 г.

© В. А. Степченко

Книжная полка

Бурдин, Е. А. Волжский каскад ГЭС: триумф и трагедия России : моногр. / Е. А. Бурдин. — М. : Росспэн, 2011. — 398 с. — ISBN 978-5-8243-1564-6.

Монография посвящена исследованию государственной политики в области гидростроительства, которая в 1930–1980-е гг. привела к созданию Волжского каскада в составе восьми крупных гидроузлов и водохранилищ. На основе обширного комплекса источников впервые анализируется практическая реализация схемы «Большая Волга», в том числе процесс организации сооружения волжских гидроузлов, применение принудительного труда заключенных ГУЛАГа и подготовка территорий водохранилищ к затоплению, а также основные последствия гидростроительства для Поволжского региона и страны в целом.

ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРЫ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 80-х ГОДОВ XX ВЕКА

В статье анализируются структурные изменения, происходившие в аграрном секторе в середине 1960-х — первой половине 1980-х гг. Вопросы изменения соотношения форм собственности в сельском хозяйстве исследуются на материалах регионов Западной Сибири. Автор сделал вывод о том, что массовое преобразование коллективных хозяйств в совхозы, проходившее в конце 70-х — начале 80-х годов XX века было вызвано политическими и экономическими соображениями и усилило государственный контроль над аграрной сферой, стало формой огосударствления сельского хозяйства. Дальнейший рост государственного сектора происходил за счет разукрупнения совхозов, создания новых совхозов и подсобных хозяйств промышленных предприятий и организаций.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, колхозы, совхозы, преобразование колхозов в совхозы, формы собственности, Западная Сибирь.

Система сельского хозяйства Западной Сибири, как и всей страны, сложилась в результате длительного и сложного процесса осуществления аграрных преобразований в деревне. На начало рассматриваемого периода общественный сектор сельского хозяйства региона структурно был представлен в основном колхозами и совхозами. Другие формы хозяйств (учебные хозяйства, подсобные сельские хозяйства промышленных предприятий, опытные станции) играли вспомогательную роль.

Преобладающей формой организации сельского хозяйства в Западной Сибири на начало рассматриваемого периода были колхозы — 1050 предприятий, совхозов насчитывалось 844. Практические во всех регионах кооперативные хозяйства преобладали численно. Так, в Алтайском крае их насчитывалось соответственно 386 против 227 совхозов, в Омской области — 193 против 167 государственных предприятий. В двух областях — Тюменской и Новосибирской соотношение типов хозяйств было равным. Только в Кемеровской области в 1965 году совхозы преобладали численно (118 против 66 хозяйств) и составляли 2/3 от общего числа сельхозпредприятий [1–10].

Критикуя ошибки в руководстве сельским хозяйством в предшествующий период, Л. И. Брежнев и окружавшие его функционеры не подвергли сомнению целесообразность инициированного Н. С. Хрущёвым процесса укрупнения хозяйств и преобразования колхозов в совхозы. В связи с этим во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х гг. расширение совхозного сектора за счёт колхозного продолжилось, хотя его темпы были не такими высокими, как в предшествующие годы.

Процесс преобразования колхозов в совхозы, вызванный сближением государственной и коопе-

ративно-колхозной форм хозяйствования, начался в Западной Сибири значительно раньше, еще в 50-е годы XX века. Так, в 1959–1965 гг. колхозная система уменьшалась в среднем почти на 200 хозяйств в год [11]. Максимальное же количество преобразований в рассматриваемый период произошло на первом этапе, в 1966–1975 гг. Так, за этот промежуток времени в регионе были ликвидированы 298 сельхозартелей и создан 501 совхоз [1–10]. Наиболее интенсивно этот процесс происходил в Алтайском крае, где колхозный сектор уменьшился на 144 предприятия, а совхозный — увеличился на 152 хозяйства, а также в Томской области, где численность сельхозартелей уменьшилась в 4 раза (с 84 до 20), а государственный сектор вырос на 91 хозяйство (с 16 до 107) [1, 3]. Массовое преобразование колхозов в совхозы имело место и в национальных районах региона. Если в Горно-Алтайской автономной области, структурно входившей в состав Алтайского края, в 1970 году соотношение между различными типами хозяйств было примерно равным — 31 совхоз и 29 колхозов (52 % к 48 %), то к 1976 году государственный сектор стал явно доминировать — 33 совхоза и 21 колхоз (61 % и 39 %). В Шебалинском районе, насчитывающем в 1970 году четыре совхоза и десять колхозов, к 1975 году осталось всего шесть государственных сельхозпредприятий [12]. В других регионах Западной Сибири сокращение числа кооперативных хозяйств шло более медленными темпами. Так, в Омской области число колхозов сократилось на 29, в Новосибирской — на 17, в Тюменской — на 34 хозяйства. В то же время численность сельхозартелей в Кемеровской области не изменилась [2, 4–9].

Разница в темпах реструктуризации колхозного сектора сельского хозяйства была обусловлена позицией региональных и местных властей. В Новоси-

бирской области в 1975 году областное руководство обосновывало необходимость реорганизации в совхозы 31 колхоза. Вышестоящим инстанциям сообщалось, что данные экономически слабые сельхозартели расположены в районах, где преобладал совхозный сектор, и что преобразование их в совхозы позволит сделать сельхозпредприятия данных территорий однотипными, а это, в свою очередь, облегчит руководство производством, поспособствует созданию благоприятных условий для его дальнейшего подъёма [13].

В Тюменской области в 1972 году необходимость преобразования объяснялась значительными убытками колхозов Вагайского, Уватского, Яркового и Сорокинского районов от сильного наводнения. При этом в письме тюменского облисполкома содержалась информация о том, что общий ущерб от наводнения составил 7,8 млн руб., но при этом Госстрах возместил сельхозпредприятиям всего 1,7 млн руб. Названные сельхозартели по состоянию на 1 января 1970 года имели убыток на сумму более 2 млн руб. и отсроченной ссудной задолженности на 3,8 млн руб. Предоставление указанным колхозам новой отсрочки привело бы лишь к увеличению их долгов, погасить которые они бы не смогли. Также сообщалось, что в случае преобразования по бюджету будет списано краткосрочных ссуд на 2,9 млн руб., долгосрочных ссуд — на 0,4 млн руб., выделено на гарантированную оплату труда 0,3 млн руб., и отсрочено платежей на капитальные вложения на 3,5 млн руб. [14].

Первый секретарь Кожевниковского райкома КПСС Томской области Чекулаев В. И., выступая на XXI районной партийной конференции 19 декабря 1970 года, подверг резкой критике итоги работы колхозов района за восьмую пятилетку. С рентабельностью в 20–25 %, с выработкой на одного колхозника в 3,2 тыс. руб. в год, зарплаты от денежных доходов в 57–70 %, сельхозартели имели на 1 декабря долг 1,5 млн руб. Также сообщалось, что преобразование кооперативных предприятий в совхозы поведёт рост зарплаты ещё на 20 % только за счёт ввода сибирского коэффициента. Кроме того, первый секретарь отмечал, что преобразование всех 6 колхозов района в совхозы было произведено исключительно в целях интенсификации сельскохозяйственного производства, более эффективного использования земли и капитальных вложений в сельское хозяйство [15].

На V пленуме Омского обкома КПСС 17 февраля 1967 года первый секретарь С. И. Манякин высказал критические замечания руководителям колхозов Омского района, которые не могли обеспечить молоко, овощами и картофелем горожан, несмотря на доведённое задание. Район снизил площади овощных культур с 1,2 тыс. га в 1965 году до 0,7 тыс. га в 1967 году, также значительно уменьшились площади картофеля. Но руководители хозяйств, вопреки планам специализации, сделали акцент на производстве зерна, так как это было экономически более выгодным. Так, в 1965 году производство зерновых культур в колхозах района увеличилось на 280 %, в 1967 году — на 177 %. В 1969 году вместо 12 колхозов Омского района было организовано семь новых картофелеводческих совхозов [16].

В Томской области в 1966 году откормочный совхоз «Бакчарский» Бакчарского района был укрупнён за счёт земель и общественного имущества колхоза «Путь Ленина». Присоединение объяснялось тем, что в колхозе работал всего 101 колхозник, площадь сельскохозяйственных угодий составляла 2,4 тыс. га и хозяйство имело задолженность на сумму

128 тыс. руб. Предполагалось, что данная мера даст возможность погасить задолженность, увеличить производство собственных кормов и сдачу мяса государству [17].

Незначительно совхозный сектор рос в связи с созданием новых совхозов. В соответствии с приказом МСХ РСФСР №400 от 26.10.1966 года в Омской области за счёт разукрупнения девяти существующих совхозов были созданы шесть новых совхозов. Так, на базе совхоза «Великорусский» был создан молочно-мясной совхоз «Ермолаевский», за счёт земель и имущества совхоза «Вольновский» — овцеводческий совхоз «Большевик» и др. [18].

Аналогичные процессы происходили в республике и в стране. В 1965–1971 гг. в СССР на базе колхозов было организовано 3,6 тыс. совхозов или 46 % от их общего количества. В совхозы, как правило, преобразовывались колхозы, имевшие слабую материально-техническую базу, раздробленное по нескольким населённым пунктам производство. В РСФСР за годы восьмой пятилетки реструктуризации подверглись 2,2 тыс. сельхозартелей и было создано 2,3 тыс. совхозов. В итоге, в 1970 году 53 % вновь созданных совхозов принесли убытки 322 млн руб., в 1971 году более половины таких хозяйств также были убыточны [19].

Таким образом, в годы восьмой и девятой пятилеток увеличение количества совхозов происходило по нескольким причинам. Во-первых, это преобразование колхозов в совхозы. Таким путем местные власти стремились быстрее и за счёт государства поднять уровень жизни колхозников, обеспечив их пенсиями и гарантированными льготами, предусмотренными для рабочих совхозов. Во-вторых, значительная часть преобразований проводилась в форме укрупнения колхозов и совхозов за счёт небольших колхозов, что было связано с реализацией курса на ликвидацию мелких, неперспективных деревень.

На втором этапе, в годы десятой и одиннадцатой пятилеток процессы преобразования замедляются. В 1976–1985 годах число сельхозартелей в Западной Сибири сократилось всего на 13 предприятий (с 752 до 739). В то же время совхозный сектор увеличился с 1345 до 1512 хозяйств [1–10]. Спецификой этого периода было то, что основной прирост количества государственных предприятий наблюдался за счёт разукрупнения совхозов и создания новых сельхозпредприятий. В пригородных районах региональные власти ставили задачу создания сети крупных, легко управляемых совхозов для обеспечения потребностей городского населения в продукции растениеводства и животноводства. Часть колхозов и совхозов становились подсобными предприятиями крупных заводов и фабрик. Кроме того, зачастую преобразования стали мотивироваться необходимостью реализации курса по развитию межхозяйственной кооперации, определённого в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 мая 1976 года «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» [20]. Так, согласно распоряжению Совета министров РСФСР, Чемровский совхоз в Алтайском крае был укрупнён на овоще-молочный совхоз «Шубенский» и Чемровский птицеводческий завод. Последний позже вошёл в состав треста «Алтайптицепром» в качестве государственного племенного птицеводства [17].

В Омской области преобразование пяти колхозов в три новых совхоза региональные власти мотивиро-

вали необходимостью осуществления мероприятий по специализации и концентрации на базе межхозяйственной кооперации и финансовыми затруднениями колхозов. Задолженность преобразуемых сельхозартелей перед государством составляла 27 миллионов рублей. В Омском районе вместо колхозов им. К. Маркса и «Власть труда» были созданы совхозы «Чернолучинский» и «Власть труда». В Большеуковском районе на базе колхозов «Пламя», им. Тельмана и «Память Ильича» был сформирован совхоз «Фирстовский». В Томской области шесть кооперативных хозяйств, входивших в состав объединения по откорму крупного рогатого скота, были преобразованы в совхозы. Данная мера объяснялась тем, что особенности управления производством в колхозах создают определённые трудности в руководстве объединением [21].

В Тюменской области совхоз «Фрунзенский» был разукрупнен на совхоз «Фрунзенский» и откормсовхоз «Полино-Ашлыкский», а совхоз «Дубынский» на совхоз «Дубынский» и откормсовхоз «Грачёвский». Оба откормсовхоза вошли в состав областного объединения «Скотопром» [22].

За годы десятой и одиннадцатой пятилеток процессы преобразования замедлились и в республике, и в стране. Так, в РСФСР количество сельхозартелей уменьшилось всего на 800 (с 12,9 до 12,1 тыс. предприятий), а государственный сектор вырос на 2,2 тыс. хозяйств (с 10,2 до 12,4 тыс.) [10].

Таким образом, структура аграрного сектора Западной Сибири в рассматриваемый исторический период претерпела значительные изменения. Преобладающим стал государственный сектор, структурно представленный 1512 совхозами. Колхозный сектор региона, уменьшившийся за 20 лет на 38 %, включал в себя 739 сельхозартелей. Ситуация в регионах Западной Сибири была схожей. Если в 1965 году в Омской области функционировало 193 колхоза и 167 совхозов, то к 1985 году в регионе было уже 155 сельхозартелей и 232 совхоза, в Томской области количество колхозов сократилось с 84 до 20, в то же время совхозный сектор увеличился на 94 предприятия (с 16 до 110). Минимальным было сокращение числа колхозов в Кемеровской области (всего пять предприятий), зато совхозный сектор вырос на 85 единиц. В Тюменской области число сельхозартелей сократилось на 27 % (34 предприятия), при этом численность совхозов увеличилась на 84 % (106 хозяйств) [1–10]. В Новосибирской области соотношение между кооперативными хозяйствами и государственными предприятиями было равным в начале рассматриваемого периода, однако к 1985 году 2/3 аграрного сектора региона было структурно представлено совхозами [23].

К 1985 году все регионы Западной Сибири можно было условно разделить на две группы. К первой группе, где удельный вес сельхозартелей составлял 30 % и менее, относились преимущественно районы нового промышленного освоения — Кемеровская, Томская и Тюменская области. Вторую группу представляли основные поставщики сельхозпродукции — Алтайский край, Новосибирская и Омская области, удельный вес колхозного сектора в которых был выше 30 % [1–10].

Кроме того, к 1985 году от 3 до 6 процентов сельхозхозяйственной продукции в Западной Сибири производилось на подсобных предприятиях заводов и фабрик. В Кемеровской области насчитывалось 499 таких хозяйств, в Томской области — 47, в Алтайском крае — 310, в Тюменской области — 220,

в Новосибирской области — 279 [24–28]. Распространенными подсобными сельхозпредприятиями были и в других регионах. Аналогичной была ситуация в республике и в стране. В середине 1980-х годов в РСФСР работало 2079 подсобных хозяйств с площадью угодий почти 1,3 млн га. К 1986 году в СССР функционировало 21,9 тыс. подсобных хозяйств [29, 30]. Таким образом, государственный сектор аграрного производства увеличивался ещё и за счёт роста численности подсобных предприятий.

В целом, процесс эволюции аграрного сектора Западной Сибири в рассматриваемый исторический период проходил в два основных этапа. На первом этапе, в годы восьмой и девятой пятилеток, продолжалась практика преобразования колхозов в совхозы, имевшая неоднозначные последствия. С одной стороны, вновь созданные совхозы усилили государственный контроль над селом и обеспечили большую долю валовой продукции, чем колхозы. С другой — перевод колхозов в совхозы кардинально не улучшал уровня жизни и не давал новых возможностей профессионального роста работников. Эти процессы, происходившие во второй половине 60-х — начале 70-х годов XX века были вызваны политическими и экономическими соображениями и усилили государственный контроль над аграрной сферой, стали формой огосударствления сельского хозяйства. Дальнейший рост государственного сектора в сельском хозяйстве, замедлившийся на втором этапе (вторая половина 70-х — первая половина 80-х годов), происходил за счёт разукрупнения совхозов, создания новых совхозов и подсобных хозяйств промышленных предприятий и организаций.

При этом следует иметь в виду, что принципиальной разницы между этими двумя формами организации сельскохозяйственного производства не было. Коллективные хозяйства в рассматриваемый исторический период перестают быть таковыми и фактически превращаются в государственные сельскохозяйственные предприятия. Их отличие от совхозов можно провести только по формально-правовым признакам. Основные и оборотные средства в колхозах и произведенная ими продукция юридически находились в коллективной (кооперативной) собственности их членов, однако на практике фактически неограниченным владельцем колхозного имущества являлось государство. Разница между совхозами и колхозами была лишь в размерах: последние, как правило, были меньше. Однако и здесь различия постепенно сглаживались. Наиболее показательными признаками превращения колхозов в государственные предприятия стали изменение их внутривладельческой структуры и внедрение новой системы оплаты труда, гарантировавшей зарплату членам колхозов на уровне тарифных ставок работников совхозов [31].

Сохранявшиеся в стране и Западной Сибири к середине 1980-х годов различия между колхозами и совхозами были незначительны. Хозяйственная практика в советской действительности приводила к унификации форм собственности. Колхозы приближались к совхозам по степени вовлечённости в товарно-денежные отношения, обращения с частным хозяйством и по характеру мотивации управления. Совхозы приближались к колхозам по степени их финансовой независимости.

Библиографический список

1. Итоги экономического и социального развития Алтайского края за годы десятой пятилетки. — Барнаул, 1981. — С. 21.

2. Народное хозяйство Омской области в одиннадцатой пятилетке. — Омск, 1986. — С. 38.
3. Народное хозяйство Томской области за 1976—1980 годы. — Новосибирск, 1982. — С. 20.
4. Кемеровская область в цифрах (1965—1975 гг.). — Кемерово, 1977. — С. 43.
5. Кемеровская область в цифрах (1975—1985 гг.). — Кемерово, 1987. — С. 36, 52.
6. Народное хозяйство Новосибирской области за 1971—1975 гг. — Новосибирск, 1976. — С. 47.
7. Народное хозяйство Новосибирской области за 1981—1985 гг. — Новосибирск, 1986. — С. 25.
8. Тюменская область в цифрах. — Тюмень, 1994. — С. 183.
9. Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет. — Тюмень, 1987. — С. 54.
10. Народное хозяйство РСФСР в 1985 году : стат. сб. — М., 1986. — С. 159, 163.
11. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири (1960—1980-е гг.). — Новосибирск, 1991. — С. 101.
12. Орлов, Д. С. Аграрный сектор Алтайского края во второй половине 70-х—первой половине 80-х годов XX века / Д. С. Орлов. — Бийск, 2007. — С. 42.
13. ГАНО Ф. П-4. Оп. 34. Д. 902. Л. 24.
14. ГАРФ Ф.А. — 616. Оп. 3. Д. 4186. ЛЛ. 95—97.
15. ЦДНИ ТО Ф. 252. Оп. 3. Д. 53. ЛЛ. 6—18.
16. ГИАОО Ф. 17. Оп. 1А. Д. 314. ЛЛ. 29, 71; Д. 665. Л. 15.
17. ГАРФ Ф.А. — 616. Оп. 3. Д. 630. ЛЛ. 31, 104.
18. ГИАОО Ф.Р. - 1699. Оп. 1. Д. 3659. ЛЛ. 1—3.
19. РГАЭ Ф. — 7486. Оп. 40. Д. 231. Л. 60.
20. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1978. — Т. 12. — С. 274—289.
21. ГАРФ Ф. А. — 616. Оп. 9. Д. 1356. Л. 82, 180—183.
22. ГБУТО ГАТО Ф.Р. 1495. Оп. 1. Д. 1223. Л. 75.
23. Орлов, Д. С. Аграрный сектор Новосибирской области в середине 1950-х — первой половине 1970-х гг. / Д. С. Орлов, С. Н. Андреевков. — Бийск, 2010. — С. 61.
24. ГАКО Ф.П. — 75. Оп. 45. Д. 35. Л. 17; Л. 23.
25. ЦДНИ ТО Ф. 607. Оп. 31. Д. 340.
26. ГААК Ф.Р. 569. Оп. 13. Д. 6677. ЛЛ. 67—68.
27. ГАСПИТО Ф.П. 124. Оп. 1. Д. 6757. ЛЛ. 1—12.
28. ГАНО Ф.П.- 4. Оп. 96. Д. 202. ЛЛ. 13—22.
29. ГАРФ Ф.А. — 616. Оп. 9. Д. 6504. Л. 80.
30. Сельское хозяйство СССР. — М., 1988. — С. 466.
31. Ильиных, В. А. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития / В. А. Ильиных // Сибирь: проекты XX в. (начинания и реальность) : моногр. // А. А. Долголюк [и др.]. — Новосибирск, 2002. — С. 230—295.

Орлов Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и права, заместитель декана по учебной работе факультета истории и права.
Адрес для переписки: orlovd2010@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.01.2013 г.

© Д. С. Орлов

УДК 94(47).084.3

В. И. ТЕТЕРИН

Пермская государственная
сельскохозяйственная академия

ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье рассматривается деятельность Пермского губернского земства по политическому воспитанию населения. В существующей на сегодняшний день обширной историографии местного самоуправления имеются лишь отдельные отрывочные сведения о роли земства в политическом просвещении населения. Необходимость проведения специальной работы по политическому просвещению широких народных масс стала ощущаться вскоре после февральских событий 1917 г. В очень короткие сроки земства смогли значительно повлиять на ситуацию в губернии. Программа земства по политическому воспитанию масс положила начало формированию правового сознания населения.

Ключевые слова: политическое просвещение, земство, местное самоуправление, Пермская губерния, локальная история.

Построение в современном правовом государстве гражданского общества является на сегодняшний день одной из приоритетных задач развития России. В условиях укрепления государственной вертикали власти огромное значение приобретают взаимоотношения местного самоуправления и центральной власти. Обратная связь между властными структурами, местным самоуправлением и гражданским обществом страны существенно оптимизируется в условиях осуществления в масштабах страны прог-

раммы по политическому воспитанию населения. Радикальные общественно-политические изменения, проходившие в России в конце XX в., поставили вопросы политического воспитания и просвещения масс в ряд наиболее обсуждаемых в обществе.

В этой связи представляется актуальным обращение к истории возникновения и реализации идеи политического воспитания населения в начале XX в. Наиболее показательным в этом отношении представляется период коренной ломки политической

системы в России (1917 г.). Вопросами политического просвещения населения в тот период начали заниматься различные организации — политические партии, Советы и т.д. Официальные мероприятия просвещения по политическим вопросам Временное правительство проводило в основном через органы местного самоуправления.

В первые годы Советской власти появляются работы, в которых лишь упоминается деятельность земств, как правило в негативном смысле [1–4]. Новый этап в изучении проблем, связанных с деятельностью местного самоуправления, в советской историографии начинается в 60-е гг. XX века, и развивается в 70-е — 80-е гг. [5–7]. С 1990-х гг. в отечественной историографии земств начался новый период. Появились работы, посвящённые проблемам взаимоотношения местного самоуправления и органов государственной власти. Уход от идеологического единообразия позволил исследователям увеличить круг изучаемых проблем, расширить методологическую базу исследований [8–10].

Вместе с тем за всё время изучения земств не появилось ни одной работы, где была бы подробно проанализирована роль местного самоуправления в политическом воспитании населения. В указанных работах встречаются лишь отдельные упоминания об этом виде деятельности земств.

Объяснить это можно тем, что большая часть исследований посвящена периоду становления и развития местного самоуправления 1864–1917 гг. Крайне важное для земств время в 1917 г., когда они стали играть весьма значимую роль в политической жизни страны, в историографии отражён слабо. В тех же немногих работах, так или иначе затрагивающих этот период, вопросы политического воспитания населения, решением которых впервые стало заниматься именно земское самоуправление, также практически не раскрыты. За весь период изучения земства вышло лишь несколько работ, в которых сделана попытка анализа деятельности по политическому воспитанию.

Впервые эта тема была поднята в статье В. Ф. Абрамова [11]. Автор попытался охватить всю просветительскую деятельность земства в период с 1864 г. по 1917 г. в масштабах всей страны. Основная часть статьи посвящена дореволюционному периоду существования местного самоуправления. В. Ф. Абрамов смог систематизировать всю просветительскую деятельность земств в стране. Однако период политической активности земцев при Временном правительстве практически не нашёл отражения в статье. Приводятся лишь отрывочные данные по 1917 г., в основном по тем видам деятельности, которые продолжались и после революции. Новые направления деятельности в области политического просвещения не нашли отражения в исследовании В. Ф. Абрамова. Во многом это связано с тем, что автор не ставил перед собой задачи специального исследования политического воспитания, а рассматривал культурно-просветительские мероприятия земства.

Вновь тема политического воспитания была поднята в статье известного российского историка земства Г. А. Герасименко в коллективном обобщающем труде «Земское самоуправление в России 1864–1918 гг.» [12]. В исследовании отдельная глава была посвящена роли земства в революционных событиях 1917 г. Автор пишет о значительной политизации просветительской деятельности органов местного самоуправления. Описаны некоторые мероприятия по политическому воспитанию масс (пропаганда

через народные дома, передвижные библиотеки). Однако в работе не выделена отдельно деятельность по политическому воспитанию, не упорядочены все мероприятия в данном направлении. Поскольку работа носит обобщающий характер, автор даже не затрагивал региональный аспект.

Попытка отразить региональные особенности политического просвещения населения, проводимая земством в 1917 г., была сделана в диссертации И. В. Семенченко [13]. Заявленная тема не позволила автору отразить особенности всех губерний Урала, основная часть диссертации построена на материалах Оренбурга. Политическое воспитание населения в диссертации показано как хаотичная, бессистемная деятельность, которая в разных губерниях имела аналогичный характер. Основные мероприятия земства (народные курсы, лекции, чтения) описаны на материалах одной губернии, а вывод делается в целом по Уралу. Библиотеки и избы-читальни в диссертации лишь упоминаются. Часть мероприятий по политическому воспитанию вообще не нашла отражения в диссертации.

Таким образом, по данной проблеме до сих пор нет специальных исследований, раскрывающих особенности политического воспитания, как на общероссийском уровне, так и на региональном. В существующей на сегодняшний день обширной историографии местного самоуправления имеются лишь отдельные отрывочные сведения о роли земства в политическом просвещении населения.

Необходимость проведения специальной работы по политическому просвещению широких народных масс стала ощущаться вскоре после февральских событий 1917 г. В Пермской губернии вопрос о подготовке к выборам в Учредительное собрание и политическому воспитанию народных масс был поднят земствами в рамках 60-й чрезвычайной сессии (1–9 марта 1917 г.) [14, с. 115–116]. Органы местного самоуправления брали на себя функцию информирования и разъяснения населению сути событий, касающихся политической жизни страны.

В дальнейшем вопросы политического воспитания населения губернии регулярно поднимались на земских заседаниях. Особое внимание данному вопросу было уделено во время заседаний 61-й и 63-й чрезвычайной сессии [14, 15].

Была утверждена программа ознакомления населения со свершившимися событиями. Для этого Губернская земская управа публиковала брошюры, листовки, организовывала в различных населённых пунктах губернии публичные чтения, приглашала лекторов и т.д. В целях координации всех мероприятий при Пермском губернском земстве был создан Объединённый комитет по политическому воспитанию населения. Кроме представителей земств в заседаниях комитета принимали участие делегированные члены Исполнительного комитета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, Крестьянского союза, объединённых кооперативных организаций. Таким образом поддерживалась связь земских деятелей со всеми существующими в губернии организациями.

Аналогично обстояла ситуация и на уездном уровне. В уездных центрах для претворения в жизнь политики губернского земства собирались съезды с привлечением всех местных организаций. Так, в конце марта 1917 г. в Оханске состоялось первое уездное народное земское собрание (Съезд земских гласных с участием приглашённых представителей других организаций, приглашён был и представитель от Уральского Совета солдатских и рабочих депутатов)

[16, 1917. — 11 апреля. — С. 28]. На собрании прозвучали призывы к ещё более плодотворной работе по решению главной задачи — «единению и закреплению нового порядка». А гласные Пермского уездного земства в апреле 1917 г. приняли следующее постановление: «Земство должно ставить своей задачей совершенно объективное ознакомление населения с вопросами, знание которых необходимо для гражданина правового государства» [17, с. 72].

Необходимо отметить, что деятельность земства в сфере политического воспитания широких масс населения сильно зависела от общероссийской политической конъюнктуры. Информация, поступавшая в народ, преследовала цель «разъяснить необходимость поддержки Временного правительства» и, соответственно, должна была показать особое положение земств.

На организацию работы по политическому воспитанию населения губернским земством по решению, принятому на заседании 60-й чрезвычайной сессии Пермского губернского земского собрания, было выделено 50 000 рублей. В последующих заседаниях были приняты постановления увеличить сумму ассигнований до 120 000 рублей, разделив их в равных долях между всеми уездами губернии. Кроме того, сами уезды также выделяли средства из своего бюджета. Так, например, Пермское уездное земское собрание постановило выделить 12000 рублей на просветительскую деятельность и дополнительно Исполнительному комитету Союза земских служащих 5000 рублей на пропаганду [18, с. 72–73].

Принятые на первых земских сессиях положения о разъяснении населению сложившейся обстановки сразу начали воплощаться в жизнь. Базой для их реализации стали организационные структуры, находившиеся в подчинении земства. Прежде всего, это периодическая печать и система образования. Выделенные средства местное самоуправление расходует на проведение разъяснительной работы среди населения, для подготовки выборов в Учредительное собрание. Информация помещается на страницы официального издания земства — газеты «Пермская земская неделя».

Особо важная роль прессы была выявлена в ходе летней подготовки к выборам в органы местного самоуправления по новым правилам. Главная цель этих выборов — создание нового земства, которые бы максимально отражали интересы народа. Процесс демократизации земств, который начался сразу после падения самодержавия, перешёл в решающую фазу. По итогам выборов кардинально поменялся состав земства и городских дум: решающую роль в большинстве органов местного самоуправления играли теперь социалисты-революционеры.

В августе 1917 года Временным правительством продолжается работа по подготовке выборов в Учредительное собрание. Пермский губернский комиссар получает телеграмму из центра об открытии Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии [19, л. 3–Зоб]. На местах предполагалось создание окружных комиссий.

Все действия органов местного самоуправления по подготовке выборов детально описывались в прессе. С лета 1917 г. на страницах земской печати начинают публиковаться статьи и заметки об Учредительном собрании. «Пермская земская неделя» пытается разъяснить основные положения о выборах, публикует информацию о деятельности Временного правительства в этом направлении и, что самое важное, программы всех политических партий, в том числе

и социал-демократов [16, 1917. — 9 июля. — С. 42–43]. Демократизация земств и преобладание в их рядах социалистов нашла своё отражение и в программе просвещения народа. Осенью в Пермской земской неделе начинают публиковаться выдержки и даже целые статьи из социалистических газет — «Власть народа», «Воля народа» и др. Кроме того, информация распространялась через публикуемые листовки, воззвания.

В сентябре Пермским земством было опубликовано положение о выборах в Учредительное собрание [20, л. 1–36 об]. Согласно ему Пермская губерния выделялась в отдельный округ. По окончании подготовительной работы в октябре были вывешены на всеобщее обозрение для ознакомления граждан списки кандидатов от разных групп и партий. Начали публиковаться избирательные записки по Пермскому округу [16, 1917. — 24 октября. — С. 1–4].

Другой структурой, на которую опиралось земство в деле политического просвещения населения, стала система культурного просвещения. Уже существующая сеть библиотек была значительно расширена. Земства стали заполнять их прежде всего политической литературой. При активной поддержке уездного земства в г. Оса был открыт научно-образовательный музей [16, 1917. — 2 апреля. — С. 42]. Уже 1 марта 1917 г. в здании музея состоялось заседание редакционной комиссии по поводу издательской деятельности музея. С этой же целью была развёрнута сеть изб-читален. Например, Пермская уездная управа постановила открыть библиотеки при всех школах и в селениях с числом дворов больше 20. Для инородцев открывались библиотеки на родном языке. Появились передвижные «летучие» библиотеки [18, с. 74].

Новой сферой деятельности земств становится проведение политической просветительской деятельности в культурно-просветительских центрах — «народных домах». Идея их создания возникает ещё до революции, но воплотить её в жизнь земствам удалось лишь в рамках программы политического воспитания населения в 1917 г. Например, городская управа г. Перми занималась поддержкой культурно-просветительского центра «Народный дом» [21, л. 184]. До революции их главной целью была борьба за народную трезвость. После революции «Народный дом» перешёл в ведение земства и стал заниматься просветительской деятельностью среди городского населения, при нём работала библиотека-читальня. Через такие учреждения местное самоуправление и вело политическое просвещение среди населения Пермской губернии.

Главным проводником идей земцев становятся учителя. В одном из первых послереволюционных номеров «Пермской земской недели» появилось большое воззвание к учителям губернии, принятое на собрании учителей 19–20 марта [16, 1917. — 2 апреля. — С. 47–48]. В первой его части основное внимание уделено падению самодержавия и появлению новой революционной демократической власти. С этим связывается возросшая роль учителей. Во второй части перед педагогическим сообществом губернии ставятся две основные задачи: закрепление в населении понятий о новом правовом государственном устройстве и защите профессиональных интересов. Из воззвания становится ясно, что решающую роль в реализации обеих задач берёт на себя именно Пермское губернское земство.

Подобное же собрание было проведено ранее (8–9 марта) и среди учителей начальных училищ

г. Перми [16, 1917. — 2 апреля. — С. 49—50]. Оно было инициировано директорами училищ. Главным итогом обсуждения стала всемерная поддержка педагогами нового правительства. Учителя даже отправляют поздравительную телеграмму в Петроград, в которой заверили в своей лояльности правительству кн. Г. Е. Львова.

Учителя становятся основой обширного пропагандистского аппарата, сформированного местным самоуправлением в Пермской губернии. Кроме того, земством были организованы специальные курсы для подготовки агитаторов. В ряды агитаторов привлекались все местные культурные силы [12, с. 341].

Вопрос подготовки агитаторов был отдельно рассмотрен в докладе по народному образованию на 62-й чрезвычайной сессии Пермского губернского земства [22, л. 1—11]. На общегубернские курсы было заложено 10—11 тыс. рублей, а оплату лекторов при поездке их в уезды — 2 000 руб. Просветительской секцией земства было принято решение направлять подготовленных агитаторов в уезды для чтения лекций о политической свободе [23, л. 20]. Им оплачивали проезд (на лошади) и суточные (2 рубля) [17, л. 73].

Таким образом, земства, воспользовавшись политической ситуацией, сложившейся в России в феврале 1917 г., начинают играть значимую роль на местах. Во всём поддерживая Временное правительство, органы местного самоуправления впервые занялись политическим воспитанием населения. Малограмотное, а зачастую и вовсе неграмотное население, не смогло в полной мере оценить революционную ситуацию. На выборы в Учредительное собрание пришло лишь около половины избирателей. В Перми (без учёта гарнизона) большинство проголосовало за партию кадетов (28,9%), на втором месте — партия эсеров. В целом по губернии большинство голосов получила ПСР [24, с. 155—156]. Эта же партия преобладала и в органах местного самоуправления.

Характерно, что в других губерниях Российской империи местные органы самоуправления сталкивались с такими же проблемами. При этом способы их решения не особо отличались от мер, принимаемых в Пермской губернии. Следовательно, ситуация в Пермской губернии полностью подтверждает общую для России тенденцию: земства наряду с другими политическими организациями повсеместно взяли на себя функцию повышения политической грамотности населения.

Программа земства по политическому воспитанию масс положила начало формированию правового сознания населения. В очень короткие сроки они смогли значительно повлиять на ситуацию в губернии. Явка на выборы в Учредительное собрание вполне сопоставима с современными показателями. Однако не стоит забывать, что в конечном итоге земства проиграли Советам.

Библиографический список

1. Победа Октябрьской социалистической революции на Урале / под ред. Ф. П. Быстрых. — Свердловск : Средне-Уральское кн. изд., 1967. — 556 с.
2. Урал в огне революции / Ф. С. Горовой [и др.] // Пролетарская революция в Пермской губернии. — Пермь : Пермское кн. изд., 1967. — 234 с.

3. Лисовский, Н. К. Октябрь на Южном Урале / Н. К. Лисовский // Борьба за установление и упрочение Советской власти на Южном Урале в 1917—1918 гг. — Челябинск : Челябинское кн. изд., 1957. — 304 с.

4. Рычкова, Г. П. Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции / Г. П. Рычкова ; под ред. Я. С. Юферова. — Свердловск : Свердловск, 1947. — 99 с.

5. Старцев, В. И. Революция и власть / В. И. Старцев // Петроградский Совет и Временное правительство в марте—апреле 1917 г. — М. : Мысль, 1978. — 256 с.

6. Бурджалов, Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия / Э. Н. Бурджалов ; Акад. наук СССР, Науч. совет по комп. проб. «ИВОСР», Мос. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. — М. : Наука, 1971. — 463 с.

7. Андреев, А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти / А. М. Андреев ; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. — М. : Наука, 1983. — 334 с.

8. Абрамов, В. Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура / В. Ф. Абрамов ; ред. В. Н. Володина. — М. : Ника, 1996. — 166 с.

9. Герасименко, Г. А. Земское самоуправление в России / Г. А. Герасименко. — М. : Наука, 1990. — 262 с. — ISBN 5-02-0084965-4.

10. Лаптева, Л. Е. Земские учреждения в России / Л. Е. Лаптева ; отв. ред. Е. А. Скрипилев ; Рос. Акад. наук, Ин-т госу-дарства и права. — М. : ИГПАН, 1993. — 133 с.

11. Абрамов, В. Ф. Земство, народное образование и просвещение / В. Ф. Абрамов // Вопросы истории. — 1998. — № 8. — С. 44—60.

12. Земское самоуправление в России 1864—1918 гг. В 2 кн. Кн. 2 / отв. ред. Н. Г. Королёва ; Ин-т Рос. истории РАН. — М. : Наука, 2005. — 384 с. — ISBN 5-02-010346-2.

13. Семенченко, И. В. Деятельность земств на Урале: 1900—1919 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Ирина Васильевна Семенченко ; [Место защиты: Оренбург. гос. пед. ун-т]. — Оренбург, 2010. — 456 с.

14. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Фонд печатных изданий (ФПИ). Д. 16359.

15. ГАПК. ФПИ. Д. 24748.

16. Пермская земская неделя : Орган Пермского губернского земства / учредитель Пермское губернное земство. — 1917—1918. — еженед.

17. ГАПК. ФПИ. Д. 15346.

18. Журналы Пермского уездного земского собрания 47-й, 48-й, 49-й чрезвычайных сессий 1917 г. : доклады управ. — Пермь : Камская электротипография, 1918 г. — 183 с.

19. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 357.

20. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 361.

21. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 126.

22. ГАПК. ФПИ. Д. 28665.

23. ГАПК. Ф. 43. Оп. 3. Д. 1.

24. Пермь от основания до наших дней. : исторические очерки / А. М. Белавин [и др.] ; под ред. М. Г. Нечаева. — Пермь : Книжный мир, 2000. — 392 с. — ISBN 5-93824-002-6.

ТЕТЕРИН Вадим Игоревич, старший преподаватель кафедры истории, социологии и права Пермской государственной сельскохозяйственной академии; соискатель по кафедре новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета.

Адрес для переписки: teterinvi@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.02.2013 г.

© В. И. Тетерин